



КОММУНИКАТИВНАЯ СТИЛИСТИКА ТЕКСТА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

**(к юбилею доктора филологических наук,
профессора Н. С. Болотновой
и 30-летию научного направления)**

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОГО НАУЧНОГО СЕМИНАРА
(20 января 2023 года)**

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Томский государственный педагогический университет»
(ТГПУ)
Историко-филологический факультет
Кафедра русского языка
Лаборатория русской речевой культуры и теории текста

**КОММУНИКАТИВНАЯ
СТИЛИСТИКА ТЕКСТА:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**
(к юбилею доктора филологических наук,
профессора Н. С. Болотновой
и 30-летию научного направления)

**Материалы
Всероссийского научного семинара
(Томск, 20 января 2023 г.)**

Томск 2023

УДК 801.161.1'38'42
ББК 84.411.2-5
К63

Рекомендовано к изданию
редакционно-издательским советом
Томского государственного
педагогического университета

Рецензент

Е. В. Иванцова, доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка Томского государственного университета

Редакционная коллегия:

С. М. Карпенко (отв. редактор), А. В. Болотнов, А. С. Савенко

Коммуникативная стилистика текста: итоги и перспективы
К63 (к юбилею доктора филологических наук, профессора Н. С. Болотновой и 30-летию научного направления) : материалы Всероссийского научного семинара (Томск, 20 января 2023 г.) / под общ. ред. С. М. Карпенко ; Томский государственный педагогический университет. – Томск : Издательство ТГПУ, 2023. – 196 с.
ISBN 978-5-89428-987-8

Сборник содержит материалы докладов, посвященных теоретическим и прикладным аспектам коммуникативной стилистики текста, разработанным в Томском государственном педагогическом университете под руководством Н. С. Болотновой. Включает освещение основных направлений коммуникативной стилистики (теории регулятивности, текстовых ассоциаций и смыслового развертывания текста) и их эвристического потенциала для использования в научной и образовательной деятельности.

Для филологов, преподавателей русского языка и литературы, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 801.161.1'38'42
ББК 84.411.2-5

ISBN 978-5-89428-987-8

© Авторы статей, 2023
© Томский государственный
педагогический университет, 2023



Доктор филологических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации, почетный работник высшего профессио-
нального образования Российской Федерации

Нина Сергеевна Болотнова

СЛОВО О ЮБИЛЯРЕ

Коммуникативная стилистика текста – научная школа, судьба и стиль жизни профессора Нины Сергеевны Болотновой

Многочисленные, разбегавшиеся по всей стране ученики профессора, доктора филологических наук Нины Сергеевны Болотновой, представляя сферу своих научных интересов, могут смело называть себя специалистами в области стилистики текста. Звучит гордо, модно, интригующе. Выпускник школы коммуникативной стилистики – филолог, способный изучать любой текст, любой дискурс и «под лингвистическим микроскопом», и «с высоты птичьего полёта». Эти важные профессиональные навыки сформированы Учителем и научным руководителем – основателем школы – Ниной Сергеевной Болотновой, на протяжении многих лет своим примером демонстрирующей, что настоящий филолог должен быть внимательным и отважным исследователем. Выделяя значимые мелочи – изобразительно-выразительные средства, отмечая важные детали – оттенки семантики и нюансы прагматики, лингвостилист должен осознать их роль в формировании индивидуально-авторского стиля, описать мир, созданный силой творческого воображения автора.

Профессиональные увлеченность и целеустремленность, преданность науке и образованию, безусловная филологическая эрудиция, внутреннее достоинство и внешнее спокойствие – всё это воплощает в себе Нина Сергеевна, являя пример безупречного следования высокому академическому стилю учёного и в речевой, и повседневной деятельности. Перечисление заслуг и достижений профессора займёт не одну страницу резюме: заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (14.09.1999 г.), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (14.10.2010 г.), член-корреспондент Академии гуманитарных наук (29.09.1999 г.), член-

корреспондент САН ВШ (03.10.2006 г.), обладатель государственной научной стипендии «Выдающимся учёным России» (1994–1996 гг.), ветеран труда (2000), почетной грамоты Министерства образования Российской Федерации за многолетнюю научно-педагогическую, учебно-методическую и производственную работу, большой вклад в дело подготовки специалистов (2001), медали к 400-летию г. Томска «За заслуги перед городом» (2004), юбилейной медали «70 лет Томской области» (2014 г.), серебряной медали Учёного совета ТГПУ «За заслуги в сфере образования и науки» (2017 г.), юбилейного знака «75 лет Томской области» (2019 г.); лауреат конкурса Томской области в сфере образования, науки, здравоохранения и культуры (2011), лауреат премии Томской области в сфере образования, науки, здравоохранения и культуры (2018 г.) и мн. др.

С 1975 г. Нина Сергеевна Болотнова работает в Томском государственном педагогическом университете, сначала – ассистентом кафедры русского языка, спустя годы – бессменной на протяжении долгого времени заведующей кафедрой современного русского языка и стилистики. За это время Нина Сергеевна Болотнова не только построила блестящую карьеру, но создала научную школу, известную как в России, так и в сообществе русистов за рубежом. Под её руководством защищено 4 докторские и 19 кандидатских диссертаций по русскому языку и методике обучения русскому языку. Результаты научной и образовательной деятельности Нины Сергеевны впечатляют коллег и студентов, вдохновляют на достижение новых научных вершин.

Коллеги, ученики, студенты и сотрудники факультета поздравляют Нину Сергеевну Болотнову с юбилеем! Желаем Вам, Нина Сергеевна, талантливых и благодарных учеников, которые с радостью и увлечением занимаются научным творчеством под Вашим руководством и успешно защищают диссертации; новых ярких научных идей и открытий, интересных и содержательных научных мероприятий, профессиональной энергии и филологического азарта.

И. И. Бабенко

кандидат филологических наук, доцент ТГПУ

* * *

«Событие, которому посвящена конференция, – 30-летие Томской стилистической школы. Научную школу не всегда можно создать в такие сроки. Потрясает та продуктивность, с которой на протяжении многих лет работает Томская школа стилистики. Цифры впечатляют – сколько издано работ, сколько защит. Проводится и большая просветительская работа. Эта деятельность имеет важное культурно-просветительское значение. Результаты складываются из работы большого количества людей. Но велика роль лидера. Юбилей школы совпал с юбилеем лидера. Хочется пожелать успехов».

*Из выступления доктора филологических наук, профессора
зав. кафедрой русского языка ТГУ Т. А. Демешкиной*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сборнике научных работ содержатся материалы докладов научного семинара, посвящённого юбилею Н. С. Болотновой и 30-летию созданного ею научного направления «Коммуникативная стилистика текста». Тематика докладов связана с основными направлениями коммуникативной стилистики текста – теорией текстовых ассоциаций, теорией регулятивности и теорией смыслового развёртывания. В статьях рассматриваются методы и методики реализации коммуникативно-деятельностного подхода к тексту в сфере науки и образования, вопросы, связанные с медийным вектором коммуникативной стилистики текста.

В сборник включены статьи учёных, преподавателей вузов и школ, аспирантов, магистрантов, студентов из Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Перми, Санкт-Петербурга, Саратова, Томска, Челябинска, Новокузнецка. В них отражены результаты лингвостилистических исследований в научной, художественной, публицистической, массмедийной сферах, намечены перспективы дальнейшей работы.

В разделе I «**Истоки и перспективы развития научного направления**» представлена статья **Н. С. Болотновой** «Коммуникативная стилистика текста: история и современность», в которой освещаются истоки научного направления, этапы его развития в рамках теории регулятивности, текстовых ассоциаций и смыслового развёртывания текста. Намечены перспективы исследований по коммуникативной стилистике, связанные с жанрово-стилистическими особенностями текстовой деятельности в разных сферах коммуникации с учётом анализа идиостилей языковых личностей, с дальнейшей разработкой методик лингвосмыслового анализа текстов разных типов, с изучением лингвокогнитивных механизмов общения в медиасреде, новых медиажанров и тенденций в медиaprостранстве.

В разделе II «**Методы и методики реализации коммуникативно-деятельностного подхода к тексту**» представлены исследования, в

которых разрабатываются методические аспекты реализации коммуникативно-деятельностного подхода к текстам разных типов. В статье **В. А. Салимовского, Д. А. Девяткина и Н. В. Чудовой** обосновывается положение о значимости стилистико-речевой системности для компьютерного когнитивного моделирования, предлагается способ автоматического описания данной категории, отражающей изучаемые когнитивные и аффективные процессы, с использованием многослойных нейронных сетей (языковых моделей). Работа **Ю. М. Кузнецовой** и **В. А. Мишланова** содержит обобщение результатов психолого-лингвистического анализа высказываний, извлеченных из сетевого контента и прямо или косвенно выражающих психологическое состояние симпатии/антипатии, с целью совершенствования программ автоматического анализа текстов электронной онлайн-коммуникации. Определены системно-речевые признаки формирующегося «разговорного массмедийного стиля». В статье **И. И. Подрезовой** рассматриваются различные стратегии работы с текстом, использующиеся в проектной деятельности, такие как лэпбук, кроссенс, виртуальный музей книги, электронный путеводитель по книге. В работе **М. В. Сурковой** представлен разноаспектный анализ учебников русского языка для иностранных студентов.

Раздел III «**Медийный вектор коммуникативной стилистики текста в сфере науки и образования**» содержит статьи, отражающие исследования актуальных медиатрендов в современной медиасреде и их типологии (**А. В. Болотнов**), лингвопрагматических характеристик фейковых новостей с учётом имеющихся в научной литературе классификаций указанной проблематики (**Н. Н. Кошкаророва**), специфики заголовочных комплексов региональных периодических изданий (**Ю. А. Хомченко**), особенностей медиакультуры и медиакомпетентности публичной языковой личности в медийном пространстве (**Е. А. Бородай**).

В разделе IV «**Использование теории регулятивности в научной и образовательной деятельности**» представлены результаты апробации методики анализа студенческих интерпретаций художественного текста на основе опыта преподавания филологического анализа,

выявлены проблемы, связанные с профессиональной интерпретацией (**Н. В. Орлова**), рассматриваются вопросы лексической регулятивности в творчестве М. И. Цветаевой (**О. Л. Кабанина**), И. Анненского (**М. В. Бондарев**), А. Кушнера (**В. Н. Кириченко**), в рекламных текстах о Сибири (**Т. А. Федосенко**), даны рекомендации по проведению лингвостилистического анализа в средней общеобразовательной школе с учётом формирования у обучающихся коммуникативной компетенции (**Н. В. Захарчевская**).

В разделе V «**Теория текстовых ассоциаций как база текстообразования и концептуального анализа текста**» отражены вопросы изучения аксиосферы русского эпистолярного текста на основе выделения ключевых ценностных смыслов – аксиологических доминант (**А. В. Курьянович**), анализируются концепт «красота» и средства его вербализации в лирике Н. А. Заболоцкого (**О. В. Исаева**), символика круга в ассоциативном аспекте в лирике Б. Ахмадулиной (**С. М. Карпенко**), особенности лексической структуры поэтических текстов М. А. Волошина (**С. А. Иванченко**).

Раздел VI. «**Теория смыслового развертывания текста и его интерпретация**» содержит статьи, посвящённые эластичности как коммуникативному свойству научного текста (исследование **М. П. Котюровой**), вариативному повтору и его роли в смысловом развёртывании научного текста (статья **Н. В. Данилевской**), проблеме синонимии в аспекте функциональной лексикологии (**В. Д. Черняк**), развёрнутому вариативному повтору как механизму текстообразования в научном тексте (**В. А. Данилевская**).

Таким образом, материалы научного семинара «Коммуникативная стилистика текста: итоги и перспективы» базируются на традициях лингвистических и стилистических учений и вместе с тем являются следствием нового парадигмального поворота к тексту, к коммуникативной способности языковой личности, отражают новые достижения в области коммуникативной стилистики текста, когнитивистики, лингвопрагматики, аксиологии, компьютерной лингвистики.

Сборник будет интересен учёным, занимающимся вопросами теории текста, филологического анализа, культуры речи, специа-

листам в области медиалингвистики и компьютерного программирования, а также аспирантам, магистрантам, студентам, преподавателям русского языка и всем, кто небезразличен к русскому языку и культуре.

С. М. Карпенко
Ответственный редактор

Раздел I. Истоки и перспективы развития научного направления

УДК 811.161.1'42
ГРНТИ 16.21.33

КОММУНИКАТИВНАЯ СТИЛИСТИКА ТЕКСТА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

COMMUNICATIVE TEXT STYLISTIC: HISTORY AND MODERNITY

Н. С. Болотнова

*ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»,
Томск, Россия*

Ключевые слова: коммуникативная стилистика текста, функциональная стилистика, функциональная лексикология, новая лингвистическая парадигма, теории регулятивности, текстовых ассоциаций, смыслового развертывания текста

Keywords: communicative text stylistics, functional stylistics, functional lexicology, new linguistic paradigm, theories of regulativeness, text associations, semantic development of the text

Аннотация. Освещаются истоки научного направления, этапы его развития и перспективы, связанные с разработкой теорий регулятивности, текстовых ассоциаций и смыслового развертывания текста. Развитие коммуникативной стилистики текста рассмотрено в рамках общего научного контекста и смены научной лингвистической парадигмы.

Annotation. The article highlights the origins of the scientific direction, the stages of its development and the prospects associated with the development of theories of regulativity, text associations and semantic deployment of the text. The development of the communicative style of the text is considered within the framework of the general scientific context and the change of the scientific linguistic paradigm.

Становление коммуникативной стилистики текста как научного направления в 90-е гг. XX в. связано с переходом от системно-структурной научной лингвистической парадигмы к социальной по терминологии Ю. Н. Караулова [1], называемой также функционально-прагматической, коммуникативной.

Теоретической основой для появления коммуникативной стилистики стали достижения разных областей лингвистики: стилистики, теории текста, психолингвистики, лингвистической прагматики, герменевтики. В качестве непосредственных истоков данного научного направления, прежде всего, можно назвать функциональную стилистику и функциональную лексикологию.

Функциональная стилистика успешно разрабатывалась с 1960-х гг. в Пермском государственном университете под руководством М. Н. Кожиной [2]. Данное научное направление отличалось особым вниманием ученых не только к системе языка и его функциональным стилям, но и к речи и речевой деятельности (работы М. Н. Кожиной, М. П. Котуровой, Е. А. Баженовой, В. А. Салимовского, Л. Р. Дускаевой, Н. В. Данилевской и др.).

Введенное в научный обиход М. Н. Кожиной ключевое понятие *речевой системности стиля* и связанное с этим признание двойной системности текста (языковой и речевой) были особенно важны для последующей разработки коммуникативной теории текста в рамках коммуникативной стилистики. Столь же важным был общий акцент исследователей на функционировании языковых средств разных уровней в текстах разной жанрово-стилистической ориентации. Данный подход определил поиск механизмов функционирования слов в системе художественного текста с учетом их ассоциативных связей, что нашло воплощение в кандидатской диссертации автора данных строк «Образная перспектива глагольного слова в рассказах Ю. М. Нагибина (на материале семантико-стилистической группы языковых единиц, соотносящихся с речью)» (1983) [3].

Идеи коммуникативно-деятельностного подхода к тексту были стимулированы растущим интересом лингвистов в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. к проблемам коммуникации. Значительную роль в

развитии системно-деятельностного подхода к тексту сыграли и достижения отечественной психолингвистики (труды А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьева, И. А. Зимней, А. А. Залевской и др.). Это оказалось созвучно ученым, разрабатывающим с 70-х гг. XX в. *функциональную лексикологию* под руководством В. В. Степановой [4] в ЛГПИ им. А. И. Герцена (позднее РГПУ им. А. И. Герцена) (труды В. В. Степановой, Н. Е. Сулименко, В. Д. Черняк, Р. Л. Смулаковской и др.).

Опорными для появления общей концепции коммуникативной стилистики текста стали такие понятия функциональной лексикологии, как *текстовая парадигма*, *лексическая структура текста*, *ассоциативное поле слова*, *коммуникативные свойства слова*. Это нашло новое системное осмысление и дополнение в докторской диссертации автора данных строк «Коммуникативный подход к художественному тексту и комплексный анализ единиц лексического уровня» (1992) [5] (научный консультант – проф. В. В. Степанова). В частности, были разработаны типы текстовых парадигм с учетом разных видов текстовых ассоциаций; создана типология лексических структур художественных текстов по различным параметрам в рамках коммуникативно-деятельностного подхода к тексту с учетом ориентации на диалог с адресатом; введены понятия *коммуникативный потенциал слова* и *лексические коммуникативные универсалии*, определяемые как законы и принципы организации художественного текста, обусловленные его коммуникативной природой и эстетической сущностью.

Следующим этапом в развитии коммуникативной стилистики текста в конце 1990-х – начале 2000-х гг. стало усиление внимания к *теории текста*, к его лингвистическим и экстралингвистическим аспектам как системно-структурного и коммуникативно-смыслового феномена с опорой на концепцию Е. В. Сидорова, выделившего такие системные качества текста, как информативность, регулятивность, структурность, интегративность [6; 7]. Данная концепция и идеи лингвистической прагматики в связи с экспансионизмом современной лингвистики (термин Е. С. Кубряковой) определили разработку *теории регулятивности текста* и ее понятийно-терминологического аппарата, который дополнялся новыми исследованиями по коммуника-

тивной стилистике (*регулятивные средства, регулятивные структуры, типы регулятивных структур, доминанта регулятивности, способы регулятивности, регулятивная стратегия, регулятивные цепочки, регулятивная рамка* (термин Н. Г. Петровой [8]), *лексические регулятивные универсалии* (термин О. Л. Кабаниной [9]).

Параллельно с теорией регулятивности с опорой на достижения современной психолингвистики в коммуникативной стилистике разрабатывалась *теория текстовых ассоциаций*, значимая для изучения диалога автора и адресата на основе стимулирования его ассоциативной деятельности различными регулятивными средствами и структурами [10–15]. В кандидатских диссертациях по данному направлению И. А. Пушкаревой, С. М. Карпенко, И. И. Бабенко, А. А. Васильевой используются понятия: *текстовый ассоциат, типы текстовых ассоциаций, ассоциативная доминанта текста, ассоциативная структура текста, ассоциативное поле текста*. С. М. Карпенко [12] вводятся термины *ассоциативная параллель, ассоциативные переклички, ассоциативный блок* как особый способ организации текстовых ассоциативно-смысловых полей; Т. Е. Яцуга – термин *ассоциативно-образная цепочка* [16]; *ассоциативность* слова как его универсальное интегральное коммуникативное свойство определяется в работе И. И. Бабенко [13].

Новый когнитивный подход к анализу поэтических текстов в рамках общего научного контекста лингвистики начала XXI в. нашел отражение в исследованиях по коммуникативной стилистике. Это было реализовано в диссертациях О. В. Орловой на материале поэзии И. Бродского [17]; А. А. Васильевой – при изучении лирики О. Э. Мандельштама [18]; Е. В. Веселовской – при рассмотрении лирических циклов М. И. Цветаевой [19]. При этом важно, что анализ отдельных концептов проводился исследователями на основе лексической структуры текстов, рассматриваемых в коммуникативном аспекте с учетом их ассоциативного развертывания. В этом была специфика сравнительно с многочисленными работами, посвященными анализу отдельных концептов и средств их лексического выражения.

В последующие годы в работах по коммуникативной стилистике с опорой на *филологическую герменевтику* с точки зрения идиостиля авторов изучались различные закономерности и регулятивные структуры, стимулирующие ассоциативно-смысловое развертывание текстов. Исследованию коммуникативных универсалий в творчестве Б. Л. Пастернака была посвящена диссертация И. Н. Тюковой [20]; выявление имплицитных смыслов в рассказах В. В. Набокова нашло отражение в работе Е. А. Баклановой [21]. Акцент делался и на коммуникативном потенциале различных регулятивных структур: в диссертации Ю. Е. Бочкаревой [22] речь шла о повторах разных типов; А. В. Громовой [23] изучались регулятивные структуры атрибутивного типа; И. В. Кочетовой [24] рассматривались регулятивные структуры колоративного типа. Это сопровождалось переходом от анализа репрезентации отдельных концептов в текстовой деятельности поэтов серебряного века в аспекте идиостиля к их сравнительно-сопоставительному анализу в диссертациях А. В. Болотнова [25] и И. В. Кочетовой [24].

Прикладные аспекты теории регулятивности и текстовых ассоциаций нашли отражение в работах по методике обучения первичной и вторичной текстовой деятельности в школе в исследованиях О. В. Касперской [26] и Л. А. Безменовой [27].

Выход за рамки художественных текстов позволил существенно расширить материал для анализа в докторских диссертациях в русле *когнитивно-дискурсивных исследований*, актуальных в русистике для второго десятилетия XXI в. Вопросы дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцептов были рассмотрены О. В. Орловой [28]; динамике жанрово-стилистических особенностей эпистолярного дискурса носителей элитарной речевой культуры была посвящена диссертация А. В. Курьянович [29].

Концепция разных субстилей (культурно-речевого, когнитивного, коммуникативного) в общей модели идиостиля информационно-медийных языковых личностей была разработана и реализована в докторской диссертации А. В. Болотновым [30]. Об усиливающемся интересе к массмедиа в рамках коммуникативной стилистики можно

судить по диссертационным исследованиям И. А. Пушкаревой [31], изучившей отражение ценностной картины мира в дискурсе городской газеты, и А. А. Каширина, работа которого была посвящена анализу индивидуального медиадискурса журналистов – ведущих авторских телевизионных программ [32].

Поворот от анализа единичных концептов и отдельных концептуальных структур на основе регулятивности текстов к исследованию концептосферы целых текстов в контексте всего творчества автора нашел отражение в кандидатской диссертации А. В. Шутовой [33].

Эвристический потенциал теории регулятивности с точки зрения ее объяснительных возможностей, позволяющий через анализ лексической регулятивности поэтических текстов автора раскрыть особенности его мировосприятия и концептосферы в динамике, был раскрыт в кандидатской диссертации О. Л. Кабаниной при изучении контраста как лексической регулятивной универсалии на материале текстовой деятельности М. И. Цветаевой [9].

Перспективы исследований по коммуникативной стилистике обусловлены ключевой ролью коммуникации, осуществляемой на основе текстовой деятельности в жизнедеятельности человека. Многообразие сфер общения, типов языковых личностей и их специфика на уровне идиостиля создают новые возможности для исследования жанрово-стилистических особенностей их текстовой деятельности с учетом различных аспектов анализа идиостилей: культурно-речевого, коммуникативного, когнитивного.

Экспансионизм современной полипарадигмальной лингвистики позволяет использовать эвристические возможности смежных областей знания и их методологическую базу, открывая новые возможности для изучения лингвокультурологических, когнитивно-дискурсивных, психолингвистических, социолингвистических аспектов текстовой деятельности в рамках коммуникативной стилистики текста и её основных направлений: теории регулятивности, теории текстовых ассоциаций, теории смыслового развертывания текста.

Центральное для коммуникативной стилистики текста понятие идиостиля языковой личности требует изучения, во-первых, на фоне

меняющегося стилистического узуса в условиях современной языковой ситуации; во-вторых, дальнейшей разработки в плане методологии с использованием новых компьютерных технологий и совершенствования экспериментальной базы исследований, выявления наиболее эффективных типов экспериментов с использованием аппаратных методик.

Ключевым является также определение в целом различного рода закономерностей в первичной и вторичной текстовой деятельности автора и адресата, изучение эффективности их творческого диалога с учетом достижений смежных областей знания: психолингвистики, лингвоперсонологии, лингвокультурологии и т. д.

Особого внимания исследователей заслуживает современная медиакоммуникация, анализ лингвокогнитивных механизмов общения в медиасреде, изучение новых медиажанров и тенденций в медиaprостранстве, связанных с деятельностью информационно-медийных личностей разных типов.

Глобальная проблема смысловой интерпретации текста также еще далека от своего решения, несмотря на уже имеющиеся различные методики лингвосмыслового анализа. Требуется новые методики многофакторного анализа поверхностного и глубинного смыслов в текстах разных типов.

Вполне очевидно, что у исследований по коммуникативной стилистике большая перспектива в русле обозначенных проблем.

Литература

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 263 с.
2. Кожина, М. Н. Речеведение : теория функциональной стилистики. Избранные труды / М. Н. Кожина. – Москва : Флинта : Наука, 2014. – 620 с.
3. Болотнова, Н. С. Образная перспектива глагольного слова в рассказах Ю. М. Нагибина (на материале семантико-стилистической группы языковых единиц, соотносящихся с речью) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Болотнова. – Томск, 1983. – 19 с.
4. Степанова, В. В. Слово в тексте: Из лекций по функциональной лексикологии / В. В. Степанова. – Санкт-Петербург : Наука : САГА, 2006. – 272 с.
5. Болотнова, Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте: комплексный анализ единиц лексического уровня : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. С. Болотнова. – Санкт-Петербург, 1992. – 40 с.

6. Сидоров, Е. В. Коммуникативный принцип исследования текста / Е. В. Сидоров // Известия АН СССР. – Сер. лит. и яз. – 1986. – Т. 45, № 5. – С. 425–432.

7. Сидоров, Е. В. Проблемы речевой системности / Е. В. Сидоров. – Москва : Наука, 1987. – 140 с.

8. Петрова, Н. Г. Лексические средства регулятивности в поэтических текстах К. Бальмонта : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Г. Петрова. – Томск, 2000. – 23 с.

9. Кабанина, О. Л. Контраст как лексическая регулятивная универсалия в поэзии М. И. Цветаевой : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Л. Кабанина. – Томск, 2022. – 23 с.

10. Болотнова, Н. С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте : монография / Н. С. Болотнова. – Томск : Изд-во ТГПУ, 1994. – 213 с.

11. Пушкарева, И. А. Смысловые лексические парадигмы в лирике М. И. Цветаевой : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. А. Пушкарева. – Томск, 1999. – 22 с.

12. Карпенко, С. М. Ассоциативные связи слова в узусе и поэтическом тексте (на материале творчества Н.С. Гумилёва) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. М. Карпенко. – Томск, 2000. – 26 с.

13. Бабенко, И. И. Коммуникативный потенциал слова и его отражение в лирике М. И. Цветаевой : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. И. Бабенко. – Томск, 2001. – 25 с.

14. Курьянович, А. В. Коммуникативные аспекты слова в эпистолярном дискурсе М. И. Цветаевой : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Курьянович. – Томск, 2001. – 17 с.

15. Васильева, А. А. Лексический аспект ассоциативного развертывания поэтических текстов О. Э. Мандельштама : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Васильева. – Томск, 2004. – 30 с.

16. Яцуга, Т. Е. Ключевые концепты и их вербализация в аспекте регулятивности в поэтических текстах Э. Гиппиус : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Е. Яцуга. – Томск, 2006. – 30 с.

17. Орлова, О. В. Коммуникативные аспекты лексической репрезентации концепта *язык* в лирике И. Бродского : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Орлова. – Томск, 2002. – 24 с.

18. Васильева, А. А. Лексический аспект ассоциативного развертывания поэтических текстов О. Э. Мандельштама : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Васильева. – Томск, 2004. – 30 с.

19. Веселовская, Е. В. Лексическая структура лирических циклов М. И. Цветаевой в коммуникативном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Веселовская. – Томск, 2002. – 22 с.

20. Тюкова, И. Н. Коммуникативные универсалии и их лексическое воплощение в лирике Б. Л. Пастернака (на материале книги стихов «Сестра моя – жизнь») : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Н. Тюкова. – Томск, 2005. – 30 с.

21. Бакланова, Е. А. Слово и имплицитный смысл в ранних рассказах В. В. Набокова (на материале сборника «Возвращение Чорба») : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Бакланова. – Томск, 2006. – 30 с.

22. Бочкарева, Ю. Е. Вариативные лексические повторы как средство регулятивности в лирике М. И. Цветаевой : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Е. Бочкарева. – Томск, 2007. – 23 с.

23. Громова, А. В. Регулятивный потенциал прилагательных в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Громова. – Томск, 2010. – 27 с.

24. Кочетова, И. В. Регулятивный потенциал цветоименований в поэтическом дискурсе серебряного века (на материале лирики А. Белого, Н. Гумилёва, И. Северянина) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. В. Кочетова. – Томск, 2010. – 26 с.

25. Болотнов, А. В. Вербализация концепта *chaos* в поэтическом дискурсе серебряного века (на материале творчества М. И. Цветаевой, М. А. Волошина, О. Э. Мандельштама) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Болотнов. – Томск, 2009. – 25 с.

26. Касперская, О. В. Методика обучения интерпретационной деятельности старшеклассников в профильной школе в процессе преподавания русского языка : автореф. дис. ... канд. пед. наук / О. В. Касперская. – Москва, 2010. – 28 с.

27. Безменова, Л. А. Обучение учащихся основной школы текстообразованию на ассоциативной основе в процессе преподавания русского языка : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Л. А. Безменова. – Москва, 2012. – 29 с.

28. Орлова, О. В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. В. Орлова. – Томск, 2012. – 43 с.

29. Курьянович, А. В. Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры (XX–XXI вв.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. В. Курьянович. – Томск, 2013. – 39 с.

30. Болотнов, А. В. Идиостиль информационно-медийной языковой личности: коммуникативно-когнитивные аспекты исследования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. В. Болотнов. – Томск, 2016. – 39 с.

31. Пушкарева, И. А. Дискурс городской газеты «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк) конца XX – начала XXI века как отражение ценностной картины мира : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. А. Пушкарева. – Томск, 2017. – 41 с.

32. Каширин, А. А. Индивидуальный медиадискурс как отражение идиостиля журналиста-ведущего авторской телевизионной программы : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Каширин. – Томск, 2019. – 27 с.

33. Шутова, А. В. Лексическая регулятивность в лирике О. Э. Мандельштама как отражение динамики его поэтической картины мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Шутова. – Томск, 2022. – 22 с.

Раздел II. Методы и методики реализации коммуникативно-деятельностного подхода к тексту

УДК 81'42
ГРНТИ 16.21.55

ОБ ЭВРИСТИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ КАТЕГОРИИ «СТИЛИСТИКО-РЕЧЕВАЯ СИСТЕМНОСТЬ»¹ ON THE HEURISTIC POTENTIAL OF THE CATEGORY «STYLISTIC-SPEECH SYSTEMS»

Д. А. Девяткин¹, В. А. Салимовский², Н. В. Чудова³

^{1,3} ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Москва, Россия

² ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия

Ключевые слова: речевая системность, функциональная стилистика, компьютерное когнитивное моделирование, языковые модели

Keywords: speech system, functional stylistics, computer cognitive modeling, language models

Аннотация. Обосновывается положение о том, что ключевая для функциональной стилистики категория речевой системности может служить лингвистической базой компьютерного когнитивного моделирования. Впервые предлагается способ автоматического описания стилистико-речевой системности, отражающей изучаемые когнитивные и аффективные процессы, с использованием многослойных нейронных сетей (языковых моделей).

Annotation. The article states that the key for functional stylistics category of speech systematicity can serve as a linguistic basis for computer cognitive

¹ Работа выполнена в рамках научной программы Национального центра физики и математики (направление № 9 «Искусственный интеллект и большие данные в технических, промышленных, природных и социальных системах»).

modeling. For the first time the method of automatic description of speech systematics, reflecting the studied cognitive and affective processes, using multi-layer neural networks (linguistic models) is offered.

1. Функциональная стилистика и коммуникативная стилистика текста. Основные трактовки объекта функциональной стилистики сложились уже в 1960–1980-е гг. Предлагавшиеся его определения либо отражали полученные к этому времени и признанные научным сообществом результаты, либо ориентировались на замысел той или иной фундаментальной концепции (были определениями «на вырост»).

В первом случае функциональная стилистика характеризовалась как наука о функциональных стилях языка (макростильях) и различиях между ними. К числу трактовок второго типа принадлежала опередившая свое время концепция А. Н. Васильевой. По мнению исследователя, функциональная стилистика представляет собой **особое методологическое направление**, которое «исходит из того, что на определенном этапе развития общества, соответственно уровню его <...> развития и актуальным коммуникативным потребностям на этом уровне, в действующем языке складывается определенная целостная функционально дифференцированная система систем, содержание, структура и форма которой близки к оптимальной целесообразности в плане этих потребностей» [1, с. 35]. Согласно А. Н. Васильевой, снижение уровня абстракции предполагает переход от рассмотрения внеконтекстуально стилистически дифференцированных языковых единиц к изучению функциональных макростилей, затем – основных макростилевых разновидностей (подстилей, жанров) и далее – еще более частных разновидностей речи, вплоть до конкретного нестандартного текста (нулевой уровень абстракции).

На рубеже столетий в результате тесного взаимодействия лингвистической стилистики с другими направлениями функционально-коммуникативного языкознания сформировалась новая научная дисциплина – коммуникативная стилистика текста. Как пишет Н. С. Болотнова, основавшая это исследовательское направление, в его задачи входит «разноаспектное рассмотрение <...> текста как

формы коммуникации, в которой отражается как стилистический узор, так и идиостиль автора» [2, с. 223]. Сегодня коммуникативная стилистика текста вышла за рамки функциональной стилистики в традиционном ее понимании. Можно сказать, что проблематика этой дисциплины, наряду с проблематикой некоторых других стилистических школ, представляет современный этап развития функционально-стилистических исследований.

2. Речевая системность как базовая категория функциональной стилистики и ее использование в когнитивном моделировании. Поверхностно-речевой план текста образован особой организацией языковых единиц. По отношению к этой организации, анализируемой на макростилевой ступени обобщения, М. Н. Кожина эксплицировала понятие речевой системности как «взаимосвязи и взаимозависимости используемых в данной сфере языковых средств разных уровней – по горизонтали и по вертикали – на основе выполнения этими средствами единого коммуникативного задания, обусловленного назначением экстралингвистической основы соответствующей речевой разновидности...» [3, с. 115–116].

Позже к разработке этой категории обратился Е. В. Сидоров. Его ключевая мысль состояла в том, что «системность существенным образом характеризует как процесс речевой коммуникации в целом, так и его основные компоненты» – коммуникативные деятельности отправителя и адресата сообщения и текст [4, с. 126]. Отметим, что понятие речи получило у Е. В. Сидорова предельно широкую трактовку. Это не только функционирование языка при создании текстов, но и сами тексты, и отражаемое в них сопряжение коммуникативной деятельности автора и адресата (интерпретатора), и речевое общение в целом. Соответственно, максимально широким оказывается и понятие речевой системности, распространяемое на разные объекты – язык в действии, текст, речевое общение.

Мысль Е. В. Сидорова о сопряжении в речевом произведении знаковых моделей коммуникативных деятельностей автора и адресата развили и верифицировали на обширном материале художественной

и массмедийной речи создатели коммуникативной стилистики текста в их теории регулятивности.

Переходя к содержательному плану текста, нужно подчеркнуть, что с психологической точки зрения «мысль, превращаясь в речь, перестраивается. Мысль не выражается, но совершается в слове» [5, с. 271]. Л. С. Выготский говорит о существовании трёх планов речи – поверхностного, семантического, внутреннего, – реализующих «превращение грамматики мысли в грамматику слов» [5, с. 274]. При этом подчеркивается, что «внутренняя речь по мере своего развития обнаруживает <...> совершенно своеобразную тенденцию к сокращению фразы и предложения в направлении сохранения сказуемого и относящихся к нему частей предложения <...>. Мы должны предположить чистую и абсолютную предикативность как основную синтаксическую форму внутренней речи» [5, с. 293].

В искусственном интеллекте (ИИ) такому понимаю природы отношений текста и мысли соответствует методология реляционно-ситуационного анализа, предложенная Г. С. Осиповым [6]. Этот метод автоматического анализа текста позволяет не только распознавать в тексте предикаты и именные синтаксемы, но и устанавливать семантику предложения: «Значение предложения определяется совокупностью значений, входящих в него синтаксем и семейством отношений на них» [6, с. 285], где под семейством отношений понимается формальное отображение синтаксем на вершины такого математического объекта, как неоднородная семантическая сеть. Этот подход, разработанный в 1990-е гг., позволяет на современном этапе развития средств машинного обучения выявлять вариации поверхностного плана речи, соотносимые с инвариантом внутреннего плана. А это уже путь к диагностике когнитивной и эмоциональной сфер личности говорящего (пишущего), которая соответствует процессу понимания партнера, реализуемому в общении.

Отметим, что в современной ситуации в ИИ такой подход, предполагающий моделирование психических процессов человека для создания автоматических систем, реализующих в некотором объёме возможности человека, противостоит нейросетевому подходу «чёрно-

го ящика». В частности, в сквозном нейросетевом (end-to-end) подходе текст рассматривается не как продукт человеческой деятельности, а как набор графических символов (слов, букв, знаков препинания и др.), связанных между собой лишь вероятностными отношениями и не предполагающих никакой языковой или речевой системности. Так что «анализ» текста в этом случае обходится без опоры на лингвистические знания. В классическом же ИИ, ориентированном на моделирование как на неотъемлемую часть процесса научного познания, существует этап в работе по созданию алгоритма, который связан с привлечением знаний специалистов-предметников. Этот этап получил название **когнитивного моделирования**, которое исследует сущность когнитивных функций посредством их эмпирического изучения и компьютерной реализации [7]. Таким образом, модельный подход в ИИ предполагает работу междисциплинарной команды и для создания алгоритмов автоматического анализа текста специалист по ИИ привлекает к когнитивному моделированию психолога и лингвиста.

В предшествующих наших исследованиях лингвистический аспект анализа заключался в описании разноуровневых языковых единиц, участвующих в воплощении изучаемых когнитивных процессов. В результате формализации этого описания создавались контекстно свободные шаблоны как фрагменты неоднородных семантических сетей высказываний. Затем для уточнения характера идентифицируемых внутренних процессов применялся метод классификации последовательностей (подробнее см. [8]). Показатель качества распознаваемости когнитивных действий, конституирующих жанровые формы научных академических текстов, составил 0,89 (по разным действиям – от 0,71 до 0,99) [9].

Важно отметить, что возможность автоматической идентификации мыслительных и аффективных структур на основе изучения речевой системности может осуществляться во всех случаях, когда в практике речевой коммуникации при постоянном воплощении определенных внутренних процессов сложились устойчивые способы выбора и употребления языковых единиц разных уровней. Совокупности этих единиц, по сути, являются регулятивами, позволяющими читателю (а в

дальнейшем и компьютерной программе) идентифицировать совершаемые автором познавательные действия.

3. Возможности языковой модели в формализации стилистико-речевой системности. Языковые модели, под которыми в статье понимаются многослойные нейронные сети «Трансформер», могут использоваться для повышения производительности работы лингвистов при формировании описаний речевой системности. Для решения проблемы слабой интерпретируемости результатов обучения предлагается применять сети не для поиска воплощений анализируемых явлений в тексте, а для выявления равноуровневых языковых средств, реализующих те или иные коммуникативные задания.

В основе языковых моделей лежит архитектура «Автокодировщик». Сети с этой архитектурой обучаются на неразмеченных данных и состоят из двух компонентов: кодировщика, формирующего компактные векторные представления входных данных, и декодировщика, восстанавливающего входные данные по их векторным представлениям. Для обучения сетей «Трансформер» используются большие (сотни миллиардов словоупотреблений) наборы текстов. Задача обучения, как правило, состоит в восстановлении пропущенных фрагментов текстов. Для анализа текстов используется компонент-кодировщик языковой модели, который дообучается (*fine-tuning*) решению прикладной задачи на размеченной выборке. Особенностью этих сетей является применение механизма множественного внимания (*multihead attention*), который позволяет выявлять и учитывать связи между векторными представлениями равноуровневых единиц текста. Несмотря на то, что эти связи носят статистический характер, они строятся в ходе обучения языковой модели на большом наборе текстов.

В статье [10] было эмпирически показано соответствие между *отдельными* связями, устанавливаемыми в процессе анализа текста механизмом внимания, и *некоторыми видами* синтаксических и семантических отношений. В исследованиях коллектива под руководством К. Маннинга [11, 12] установлено, что одиночные связи не позволяют надежно выявлять языковые средства в тексте. Однако использование

всех связей в совокупности в качестве данных для построения набора отображений *связи* → *языковые средства* позволяет обнаруживать их с высокой точностью и полнотой. В последующих исследованиях была показана возможность извлечения этим способом морфологических признаков, синтаксических, семантических и риторических отношений из текстов [13, 14].

Для построения описания стилистико-речевой системности составляется корпус текстов, в которых размечаются фрагменты, соответствующие языковым средствам, реализующим определенное коммуникативное задание. Далее сеть обучается находить подобные фрагменты и используется для обработки большого неразмеченного набора текстов. В ходе анализа набора с помощью методов [11] выявляются разноуровневые языковые средства, применяющиеся в выделенных фрагментах текстов. Существенной проблемой при реализации этого подхода является изменение связей в слоях внимания во время обучения. Для ее решения необходимо либо зафиксировать веса в кодировщике и обучать только несколько дополнительных слоев, либо проводить обучение выделению целевых фрагментов одновременно с построением отображений для выявления языковых средств. В дальнейшем предполагается реализация обоих способов решения этой проблемы.

4. Заключение. Значимость категории речевой системности не ограничивается необходимостью ее использования для изучения специфики речевых разновидностей и в связи с этим для решения практических задач обучения текстовой деятельности в различных коммуникативных сферах. Есть основания рассматривать эту категорию и как одно из базовых лингвистических понятий в междисциплинарных исследованиях по когнитивному моделированию – интенсивно развивающемуся направлению ИИ. Представляется, что существенному прогрессу в анализе речевой системности может служить предложенный в этой статье способ применения многослойных нейронных сетей (языковых моделей) для выявления разноуровневых языковых единиц, реализующих определенные коммуникативные задания. Этот

способ, по существу, является опытом преобразования «статистической языковой модели» в «аналитическую языковую модель».

Литература

1. Васильева, А. Н. Уровни стилистической абстракции и основные уровневые разделы функциональной стилистики / А. Н. Васильева // Основные понятия и категории лингвостилистики. – Пермь, 1982. – С. 34–42.
2. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста. Словарь-тезаурус / Н. С. Болотнова. – Москва : Флинта : Наука, 2014. – 384 с.
3. Кожина, М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими / М. Н. Кожина. – Пермь : Пермский университет, 1972. – 396 с.
4. Сидоров, Е. В. Проблемы речевой системности / Е. В. Сидоров. – Москва : Наука, 1987. – 142 с.
5. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – Москва ; Ленинград : Соцэргиз, 1934. – 352 с.
6. Осипов, Г. С. Методы искусственного интеллекта / Г. С. Осипов. – Москва : Физматлит, 2011. – 296 с.
7. Осипов, Г. С. Знаковая картина мира субъекта поведения / Г. С. Осипов, Н. А. Чудова, А. И. Панов, Ю. М. Кузнецова. – Москва : Физматлит, 2018. – 264 с.
8. Devyatkin, D. Extraction of Cognitive Operations from Scientific Texts / D. Devyatkin // Russian Conference on Artificial Intelligence. – Ulyanovsk : Springer, 2019. – P. 189–200.
9. Девяткин, Д. А. Исследование речевых жанров научного академического текста методами искусственного интеллекта / Д. А. Девяткин, Л. А. Каджая, Н. В. Чудова, В. А. Мишланов, В. А. Салимовский // Язык и искусственный интеллект. – Москва : Изд. дом ЯСК, 2023. – С. 101–135.
10. Raganato A. An analysis of encoder representations in transformer-based machine translation / A. Raganato, J. Tiedemann // Proceedings of the 2018 EMNLP Workshop BlackboxNLP. – The Association for Computational Linguistics, 2018. – P. 287–297.
11. Manning, C. D. Emergent linguistic structure in artificial neural networks trained by self-supervision / C. D. Manning et al. // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2020. – Vol. 117, № 48. – P. 30046–30054.
12. Clark, K. What does BERT look at? an analysis of BERT's attention / K. Clark et al. // arXiv preprint arXiv:1906.04341. – 2019. – URL: <https://arxiv.org/abs/1906.04341> (date of access: 30.12.2022).
13. Htut, P. M. Do attention heads in BERT track syntactic dependencies? / P. Htut M. et al. // arXiv:1911.12246. – 2019. – URL: <https://arxiv.org/abs/1911.12246> (date of access: 30.12.2022).
14. Zhu, Z. Examining the rhetorical capacities of neural language models / Z. Zhu et al. // arXiv:2010.00153. – 2020. – URL: <https://arxiv.org/abs/2010.00153> (date of access: 30.12.2022).

УДК 81'42, 81'23
ГРНТИ 16.21.55

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
С ЭМОТИВНЫМИ И ОЦЕНОЧНЫМИ ПРЕДИКАТАМИ
В ТЕКСТАХ МАССМЕДИА
(КОММУНИКАТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)¹**

**GRAMMATICAL MODELS OF UTTERANCES
WITH EMOTIVE AND EVALUATIVE PREDICATES
IN MASS MEDIA TEXTS
(COMMUNICATIVE AND STYLISTIC APPROACH)**

Ю. М. Кузнецова¹, В. А. Мишланов²

¹ *ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Москва, Россия*

² *ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет», Пермь, Россия*

Ключевые слова: эмотивные предикаты, грамматические модели, автоматический анализ текста, социальные сети, функциональная стилистика
Keywords: emotive predicates, grammar models, automatic text analysis, social media, functional stylistics

Аннотация. Обобщены некоторые результаты психолого-лингвистического анализа высказываний, извлеченных из сетевого контента и прямо или косвенно выражающих психологическое состояние симпатии/антипатии. В теоретическом плане ставилась задача выявления системно-речевых признаков формирующегося в наше время «разговорного массмедийного стиля». С прагматической точки зрения исследование имеет перспективной целью совершенствование программ автоматического анализа текстов электронной онлайн-коммуникации.

Annotation. The article summarizes some results of the psycho-linguistic analysis of statements extracted from online content and directly or indirectly expressing the psychological state of sympathy / antipathy. In theoretical terms, the task was to identify systemic and speech features of the "conversational

¹ Работа выполнена в рамках научной программы Национального центра физики и математики (направление № 9 «Искусственный интеллект и большие данные в технических, промышленных, природных и социальных системах»).

mass media style" that is emerging in our time. From a pragmatic point of view, the study has a promising goal of improving programs for automatic analysis of texts of electronic online communication.

Введение. Форма и содержание текстов массмедиа цифровой эпохи все более привлекает внимание представителей различных гуманитарных дисциплин. Одним из направлений междисциплинарных исследований является развитие цифровых инструментов сетевой диагностики, направленной на извлечение информации о психологических свойствах авторов текстов в целях создания «психологического портрета» конкретного человека [1] или оценки состояния определенной группы участников сетевого общения [2]. Для решения подобных задач привлекаются методы анализа тональности текста, оперирующие такими категориями, как мнение или оценка (тональный компонент высказывания), субъект мнения (автор) и объект, по отношению к которому выражено мнение [3]. Развитие этого направления тонального анализа мы связываем с дифференциацией содержания анализируемых сообщений и смещением акцента на определение типа и выявление причин эмоций [4]. Наиболее перспективными на данном этапе представляются исследования, нацеленные на совершенствование разновидностей автоматического предикатного анализа Semantic Role Labeling, позволяющего устанавливать в сообщениях семантические роли, ответственные за представление эмоций в тексте: слово или словосочетание, выражающее тип эмоции, ее экспериенцер, каузатор и стимул [5; 6].

Задача анализа семантических ролей реализована в программном инструменте интеллектуального анализа текстов социальных медиа TITANIS, разработанном в ФИЦ «Информатика и управление» РАН [7]. В нынешнем виде инструмент оперирует 79 микрогруппами («гнездами») эмотивов, в каждую из которых входят глагольные лексико-грамматические варианты, различающиеся по виду и возвратности/переходности, что позволяет достаточно полно представить каждую из эмоций, получивших номинацию в языке (*радоваться-обрадовать-порадовать-радоваться-обрадоваться-порадоваться; удивить-удивлять-удивиться-удивляться* и т. д.). Применяемый в ин-

струменте аппарат автоматического реляционно-ситуационного анализа позволяет проводить учет не только самого предиката, но и его именных зависимых (экспериенцера, объекта и каузатора) [2]. Ближайшие перспективы развития инструмента связаны с расширением его возможностей за счет привлечения более широкого круга предикатов с семантикой эмоционального состояния (симпатии – антипатии, радости – огорчения и др.).

В настоящей работе обобщены некоторые результаты психолого-лингвистического этапа исследований с использованием инструмента TITANIS, касающихся предикатных слов со значением эмоционального состояния.

О роли предикатных слов в структурно-семантическом описании предложения. Семиотическая природа глаголов и иных предикатных слов такова, что они оказываются своего рода отправной точкой как в синтаксических описаниях коммуникативных единиц, так и в психологических исследованиях ментально-эмоциональной сферы. По мнению Бенвениста, глаголы, перечисляемые в словарях (обычно в форме инфинитива), – это не имена действий, а абстракции, созданные лингвистами [8, с. 289]. «Глагол есть слово, совмещающее значение предиката и некоторое количество других признаков, вытекающих из семантики субъекта, объекта, трансформаций и перифраз данного предиката. Таким образом, предикаты – это особые семантические сущности языка, и они типизируются языком не в форме словарных единиц, глаголов [или прилагательных], а в форме пропозициональных функций и соответствующих им «структурных схем предложения» [9, с. 133]). Другими словами, если, например, конкретно-предметное существительное вызывает лишь некоторое представление о вещи, то глагол (шире – предикат) не просто обозначает некоторое действие, характеризуя его по способу реализации, а замещает в сознании пропозицию в целом, в полной совокупности своих обязательных валентностей – субъектной (агентивной), пациентной, орудийной, делиберативной и т. д., являясь, таким образом, «полномочным представителем» обозначаемой пропозиции.

Подчеркнем, что эмотивный предикат даже «в одежде» второстепенного члена предложения, не будучи аргументом подчиняющего его предиката, является, как правило, коммуникативно наиболее значимой частью высказывания. Высказывание *Иван радостно вбил в стену гвоздь* используется для сообщения не столько о событии «вбивания гвоздя в стену», сколько о психологическом состоянии действующего лица. В высказывании *Хожу на работу с удовольствием/ с радостью* сказуемое представлено глаголом движения, который употреблен здесь (вместе с квазиобстоятельством *на работу*) как функивный предикат (= ‘занимаюсь своей профессиональной деятельностью’), а сирконстант *с удовольствием* не является, по сути своей, обстоятельством образа действия, исполняя роль «сольной ремы» (по выражению П. Адамца). Коммуникативный смысл этого высказывания может быть выражен грамматическими моделями с эмотивным предикатом в синтаксической вершине, т. е. в позиции сказуемого: *Я получаю удовольствие от своей работы; Мне нравится моя работа.*

В психологическом изыскании перспективность подхода «от глагола» обуславливается двумя, по крайней мере, идеями, ибо эмоциональное отношение или эмоциональная реакция могут рассматриваться и как специфическое действие, имеющее субъекта с его мотивацией, ценностями, личностными особенностями и т. д., и как активность, разворачивающаяся по определенному сценарию, имеющему не только индивидуальную, но и социокультурную (дискурсную) обусловленность; такие фиксированные способы проживания важны, например, для формирования и поддержания социальной общности (некоторый опыт «сценарного» подхода к описанию эмоционального состояния индивида на основе анализа результатов его речемыслительной деятельности отражен в работе [10]).

Основные способы выражения симпатии/антипатии в текстах онлайн-коммуникации. Источником материала послужили относящиеся к различным темам тексты, размещенные в 2020–2021 гг. в сообществах «ВКонтакте», и тексты сетевой дискуссии по проблемам профессиональной жизни (объемом в 25 тыс. слов), на материале ко-

торых и анализировались структурные модели высказываний с эмоциональными предикатами. В общей сложности проанализировано около 800 контекстов, включающих предикаты (*не любить* и *не нравиться*), а также другие эмоциональные предикаты. Были рассмотрены характерные для текстов СМИ (в том числе сетевого контента) синтаксические модели с эмоциональными и оценочными предикатами, так или иначе выражающими психологическое состояние симпатии/антипатии.

Поверхностно-синтаксическое представление обозначаемой предикатом пропозиции обусловлено рядом факторов, среди которых, по-видимому, важнейшими являются функционально-стилистические нормы употребления языковых выражений (определяющие, в частности, выбор предикатного слова и, стало быть, потенциальный набор структурных моделей), жанровая принадлежность, функциональный тип порождаемого текста, степень диалогичности, социокультурные стереотипы коммуникативного поведения и др.

В лексической системе русского языка исследуемые значения могут быть выражены в обширном ряде предикатных слов, из которых основными (наиболее частотными и универсальными) являются глаголы *любить* и *нравиться* – с почти тождественной лексической семантикой, но противопоставленные друг другу залоговыми значениями и, стало быть, синтаксическими моделями – прямыми и косвенно-субъектными. Так, совершенно очевидно, что выбор глагола *любить* предопределяет использование конструкций действительного залога и почти блокирует употребление предикативной модели со страдательным причастием (не с прилагательным), обычной в книжных стилях русского языка, но не характерной для синтаксиса разговорной речи; в то же время использование для обозначения соответствующего психологического состояния глагола *нравиться*, в системе языка имеющего косвенно-субъектную диатезу, в принципе не допускает «активных» конструкций, где субъект состояния совпадает с подлежащим.

В то же время многое в структурном плане обусловлено правилами синтаксиса связного текста (диктующими, в частности, использование синхронно-деривационных трансформаций предикативных форм пропозиции в так называемой номинализации – в конструкции с

придаточными, словосочетания с девербативами или дезадъективами, морфологическая форма которых определяется уже тема-рематическим членением, и др.). Заметим, что номинализации, совершенно обычные для книжных стилей (*любовь, ненависть, радость, удовольствие, обожание, удовлетворение* и т. п.), в исследованных текстах практически не встречаются. Их использование ограничивается в основном случаями с перифрастическими оборотами *иметь/получить удовольствие* (*Найдёте и работу по душе, и будете получать от неё если и не удовольствие, то хотя бы удовлетворение*) или употреблением в качестве обозначения эмоций, например в обобщенных высказываниях-сентенциях (типа *Любовь и искренность побеждают. Но не расчёт*); и лишь иногда отглагольные или отадъективные номинализации являются результатом дезактуализации предикативной конструкции предтекста (реального или подразумеваемого); ср.: *А про меня думали, что я работаю бухгалтером, видимо любовь к математике* [← ‘Я любил/люблю математику’].

Кроме названных «ядерных» глаголов, для непосредственного выражения эмоций симпатии/антипатии в анализируемых текстах весьма часто используются глаголы *обождать* и *ненавидеть*. Косвенным обозначением психологических состояний симпатии/антипатии можно считать глаголы, буквальное значение которых связано с теми или иными «смежными» психологическими состояниями. К таковым следует отнести прежде всего «процессуальные» эмотивные предикаты отрицательного или положительного оценочного поля, например *сожалеть, огорчаться, грустить, страдать, маяться, мучаться – радоваться, восхищаться, быть в восторге*. Глаголы с подобной семантикой в норме воспринимаются коммуникантами не только как знаки-символы (со своим интенционалом), но и как знаки-индексы, отсылающие к пограничному смысловому полю – к эмоциям симпатии или антипатии. Очевидно, что к предикатам, выступающим одновременно как знаки-символы и знаки-индексы, можно причислить каузативные эмотивы, выражающие значение ‘быть причиной эмоции’: *достать/доставать, надоесть/надоедать* (в личной форме),

выносить мозг, гнести/угнетать, мучать, напрягать – радовать, восхищать, окрылять, воодушевлять, обнадеживать и др.

Кроме того, метонимически определенное эмоциональное состояние (любви, ненависти, тревоги, радости, бодрости, угнетенности, отваги, счастья, блаженства и т. п.) в определенном контексте и ситуации обозначается оценочными предикатами (с общим значением ‘хороший’ – ‘плохой’): *отличный, превосходный, неплохой, приемлемый, классный; супер, класс – ужасный, отвратительный, уродливый, кошмарный, мерзкий, омерзительный, отталкивающий, тошнотворный, жесть, кошмар, отстой, маразм, беспредел, бардак* и т. п. (ср. классическое: *Какая гадость эта ваша заливная рыба!* – где коммуникативно на первом месте выражение не качеств блюда, а антипатии к собеседнику).

Заключение. Теоретические задачи, которые мы ставили на психолого-лингвистическом этапе исследования, заключались не только в том, чтобы выявить наиболее существенные факторы, обуславливающие выбор тех или иных форм пропозиций (грамматических моделей) с эмотивными и оценочными предикатами, но и в поиске ответа на вопрос, существуют ли, с точки зрения языковой и речевой системности, сколько-нибудь значительные различия между поверхностно-синтаксическими формами модусных составляющих и эмотивных пропозиций в газетных текстах (на материале их электронных версий), с одной стороны, и в «примыкающих» к СМИ текстах социальных сетей, порождаемых в режиме онлайн (живого диалога «здесь и сейчас») – с другой. Насколько обоснованно, в частности, предположение, что в наше время все более утончается граница между книжно-письменным синтаксисом газетных текстов и просторечно-разговорной стихией сетевого контента. Уровень образованности авторов сообщений сетевых платформ, как правило, весьма разный (судя по орфографии и пунктуации), и по многим речевым параметрам (в лексике и синтаксисе, а не только в орфографии и пунктуации) все подобные тексты можно с функционально-стилистической точки зрения квалифицировать как относящиеся к особому «разговорному массмедийному стилю (подстилю)», буквально на глазах формирующему-

ся в онлайн-коммуникации и во многом пока отличающемся от газетно-публицистического стиля русского литературного языка, на который обычно ориентируются профессиональные журналисты.

Литература

1. Northup, T. Personality traits, personal motivations, and online news and social media commenting / T. Northup, A. D. Santana, H. Choi, R. Puspita // *Journal of Media and Communication Studies*. – 2022. – Vol. 14 (3). – P. 68–78. – DOI: 10.5897/JMCS2022.0775.

2. Григорьев, О. Г. Каузативно-эмотивный анализ. Часть I: Методика изучения эмоциональных реакций пользователей социальных сетей / О. Г. Григорьев, Ю. М. Кузнецова, Е. Н. Никитина, И. В. Смирнов, Н. В. Чудова // *Психологический журнал*. – 2022. – Т. 43, № 3. – С. 114–121. – DOI: 10.31857/S020595920020501-7.

3. Семина, Т. А. Анализ тональности текста : современные подходы и существующие проблемы / Т. А. Семина // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература*. – Сер. 6. Языкознание : Реферативный журнал. – 2020. – № 4. – С. 47–64.

4. Seyeditabari, A. Emotion detection in text: a review / A. Seyeditabari, N. Tabari, W. Zadrozny. – 2018. – arXiv preprint arXiv:1806.00674.

5. Campagnano, C. SRL4E–Semantic Role Labeling for Emotions: A Unified Evaluation Framework / C. Campagnano, S. Conia, R. Navigli // *Proceedings of the 60th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. – 2022. – Vol. 1: Long Papers. – P. 4586–4601.

6. Kim, E. Who feels what and why? Annotation of a literature corpus with semantic roles of emotions / E. Kim, R. Klinger // *Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics*. – 2018. – Vol. 134. – P. 5–1359.

7. Smirnov, I. TITANIS: A Tool for Intelligent Text Analysis in Social Media / I. Smirnov, M. Stankevich, Y. Kuznetsova, M. Suvorova, D. Larionov, E. Nikitina, M. Savelov, O. Grigoriev // *Artificial Intelligence*. – RCAI 2021. – *Lecture Notes in Computer Science* / eds. by S. M. Kovalev, S. O. Kuznetsov, A. I. Panov. – Springer, Cham, 2021. – Vol. 12948. – P. 232–247.

8. Бенвенист, Э. *Общая лингвистика* / Э. Бенвенист. – Москва : Прогресс, 1974. – 448 с.

9. Степанов, Ю. С. *Основы общего языкознания* / Ю. С. Степанов. – Москва : Просвещение, 1975. – 272 с.

10. Мишланов, В. А. К интерпретации имплицитного модуса : семиотические маркеры речевых интенций в текстах сетевой коммуникации / В. А. Мишланов, Е. М. Крижановская, Ю. М. Кузнецова // *Медиалингвистика*. – 2021. – Т. 8, № 4. – С. 366–378.

УДК 82'38'09:373.5.385
ГРНТИ 14.25.09

СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ РАБОТЫ С ТЕКСТОМ: ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

MODERN STRATEGIES FOR WORKING WITH TEXT: PROJECT ACTIVITY

И. И. Подрезова

*Муниципальное автономное образовательное учреждение № 36 г. Томска,
Томск, Россия*

Ключевые слова: чтение как творческая деятельность, стратегии текстовой деятельности, лэпбук, кроссенс, виртуальный музей книги, электронный путеводитель по книге

Keywords: reading as creative activity, text activity strategies, lapbook, cross sense, virtual museum of books, electronic book guide

Аннотация. Рассматриваются различные стратегии работы с текстом, которые можно эффективно использовать в проектной деятельности. Именно сотворческая проектная деятельность способствует формированию читательской грамотности, умению работать с текстом, а метод визуализации помогает наглядно представить сложный мир художественного произведения. Особое внимание обращено на такие стратегии работы с текстом, как лэпбук, кроссенс, виртуальный музей книги, электронный путеводитель по книге. Современные стратегии работы с текстом не только активизируют творческое мышление, но и формируют навыки внимательной работы со словом, интеллектуальную самостоятельность.

Annotation. The article discusses various strategies for working with text that can be used in project activity effectively. Co-creative project activity contributes to emergent reader literacy, ability to work with the text. The visualization helps to show the complex world of an artwork. The special attention is paid to such text activity strategies as a lapbook, a cross sense, a virtual museum of books, an electronic book guide. Modern text activity strategies not only activate creative thinking, but also form skills of careful work with the word, intellectual independence.

А что есть чтение – как не разгадывание, толкование,
извлечение тайного, оставшегося за строками,
за пределами слов. Чтение – прежде всего – сотворчество.

М. И. Цветаева

Чтение – это основной способ получения информации. От умения понимать, интерпретировать информацию, получаемую при чтении,

зависит успешность образовательного процесса в целом. Основной формой коммуникации и передачи информации является текст, поэтому умение правильно работать с текстом является необходимым элементом в формировании стратегии смыслового чтения.

А что значит «стратегия чтения»? По мнению Н. Н. Сметанниковой, стратегия чтения – это «план и программа действий и операций читателя, работающего с текстом, которые способствуют развитию умений чтения и размышления о читаемом и прочитанном, и включают в себя процедуры анализа информации и степени ее понимания, а также взаимодействие „чтец-текст“» [1, с. 258–277, 261–264]. Насчитывается множество современных стратегий работы с текстом: стратегиальное и продуктивное чтение, технология развития критического мышления через чтение и письмо. Обратим внимание на стратегии работы с текстом, которые можно эффективно использовать в проектной деятельности.

Проблема формирования читательской компетентности является на сегодняшний день наиболее актуальной. Одна из главных задач современной школы заключается в том, чтобы вызвать у обучающихся интерес к чтению, создать условия для воспитания компетентного читателя. Считаем, что именно сотворческая проектная деятельность способствует формированию читательской грамотности, умению работать с текстом, а метод визуализации помогает наглядно представить сложный мир художественного произведения. Такие современные стратегии работы с текстом, как лэпбук, виртуальный музей книги, электронный путеводитель по книге, кроссенс не только активизируют творческое мышление, но и формируют навыки внимательной работы со словом, интеллектуальную самостоятельность. Рассмотрим каждую из обозначенных стратегий.

Лэпбук – это самодельная интерактивная книжка (папка) с кармашками и выдвигаемыми деталями, которые можно рассматривать и соединять. В лэпбуке собирается материал по определенной теме: информация о знаменитых писателях, героях, книгах, праздниках и т. д. Задания лэпбука развивают навыки смыслового и функционального чтения: учащиеся должны уметь извлекать и анализировать ин-

формацию, полученную из текста; уметь читать не только сплошные, но и несплошные тексты (таблицы, схемы, инфографику, иллюстрации). Создание лэпбука поможет закрепить и систематизировать изученный материал, а работа с папкой в дальнейшем позволит в игровой форме повторить пройденные темы. Лэпбуки имеют яркое оформление, четкую структуру и являются финальным этапом изучения определенной темы, итоговым продуктом проекта. Обучающийся сам выбирает произведение и автора, но структурирование лэпбука осуществляется вместе с педагогом, поэтому лэпбук можно назвать сотворческим проектом ученика и учителя. В зависимости от возраста обучающихся и самого произведения в лэпбук входят задания разного уровня сложности.

Например, лэпбук по сказке Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес» предназначен для учащихся 4–5-х классов, поэтому в данном случае целесообразно включить задания, не только связанные с анализом текста (игра со словами в произведении), но и игровые: костюмерная Алисы, ролевые игры, танцы. Кроме этого, погружение в Викторианскую эпоху позволяет рассмотреть необычные традиции и обычаи, а анализ иллюстраций разных авторов к произведению – выявить закономерности изображения героев и символику образов.

Виртуальный музей книги чем-то напоминает лэпбук, но предоставляет больше возможности для интерактивных заданий. Создание виртуального музея книги – это, прежде всего, кропотливая работа с текстом: сбор информации об авторе произведения, истории создания, анализ героев и проблематики, подготовка заданий (проведение викторин, мастер-классов).

Деятельность по созданию виртуального музея книги начинается с поэтапного и постепенного введения понятий «музей», «экспонат», «экскурсовод», «экскурсия», «экспозиция», так как в дальнейшем предполагается именно экскурсия по залам (разделам) музея. Названия залов (зал автора, картинная галерея, исторический зал и т. д.) связаны как с самими заданиями, так и со структурой экскурсии, которая будет проведена. Например, в зале автора представлена информация (фотографии) о жизни и творчестве писателя, а в картинной

галерее могут быть не только иллюстрации различных художников к данному произведению, но и самого учащегося (его интерпретация текста). Итоговым продуктом проекта является не только презентация (виртуальный музей книги), но прежде всего экскурсия по залам музея, где учащийся выступает экскурсоводом. Названия некоторых залов в музее книги могут повторяться (зал автора, зал героев, зал знаменитых цитат, картинная галерея), но часто структура виртуального музея зависит от самого произведения.

Именно в таком формате была организована структура виртуального музея по книге А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц»: движение по залам музея соответствовало ходу путешествия Маленького принца по планетам. «Остановка на планете» предполагала не только анализ определенного фрагмента текста, но и игровые задания. Учащийся сам проводит экскурсию по книге, а учитель лишь немного корректирует и направляет ход занятия. Кроме этого, формируются умения публичных выступлений и успешной коммуникации с одноклассниками.

Более сложной формой проекта, продолжающего идеи виртуального музея, является *путеводитель по книге*. Жанр путеводителя обычно используется в научно-популярной литературе, так как путеводитель – это справочное издание, которое содержит сведения о каком-либо городе, достопримечательности, туристическом маршруте. Избрав жанр путеводителя, можно наполнить его абсолютно другим содержанием. Путеводитель по книге – это объемный проект, который включает в себя множество разделов и гиперссылок. Подобный проект требует от учащегося длительной подготовки: изучения биографии автора, проблематики произведения, анализа художественных особенностей, исторического контекста и мира персонажей, подбора кинофрагментов и иллюстраций, разработки различных заданий. Конечно, можно взять и идеи настоящего путеводителя: разработку туристических маршрутов и карт с достопримечательностями.

Например, в нашей практике в основе путеводителя по роману М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» как раз лежал принцип туристических карт: на карты Москвы и Иерусалима (Ершалаима) с по-

мощью гиперссылок были обозначены места (топонимы), связанные с героями романа. Пройдя по гиперссылке, можно было не только попасть на это место, но и узнать историю дома, улицы, увидеть связь с романом. Подобное виртуальное путешествие в мир произведения помогает не только привлечь внимание учащихся к чтению произведения, но и учит бережно относиться к слову.

Таким образом, чтение будет для обучающихся не скучным заданием, а по-настоящему творческой деятельностью. Особенно интересными для ребят становятся задания, основанные на синтезе разных видов искусства: литературы, кино, живописи, музыки. Одним из активных приемов, соединяющим в себе многие направления, является кроссенс.

Кроссенс – это ассоциативная головоломка, состоящая из девяти квадратов. В пятом квадрате (открывается последним) зашифровано какое-либо название, понятие, герой и т. д. Девять изображений в квадратах расставлены таким образом, что каждая картинка имеет связь с предыдущей и последующей, а центральная, пятая, объединяет по смыслу все. Составление кроссенса – это проектное задание не только для развития логического и творческого мышления, но и для формирования читательской грамотности. Подобные задания учат внимательно работать с текстом, так как нужно найти знаковые слова, эпизоды, детали и ассоциативно связать с ними все изображения.

Кроссенсы можно использовать как на уроках литературы, так и русского языка, когда нужно поработать с каким-либо определением или объяснить лексическое значение слова. Умения анализировать, проводить параллели, делать выводы очень важны для развития читательской грамотности. Обучающиеся углубляют свои знания, раскрывают новые грани понимания привычных вещей.

Таким образом, использование современных стратегий работы с текстом в проектной деятельности создает условия для воспитания компетентного читателя, способного отбирать, понимать информацию и успешно ее использовать в различных сферах общественной жизни, коммуникации и социальных отношениях.

Литература

1. Сметанникова, Н. Н. Стратегии воспитания читателя в культуросозидающей модели образования / Н. Н. Сметанникова // Homo legens-3 : сборник статей. – Москва : Школьная библиотека, 2006. – С. 258–278.

2. Современные стратегии чтения: теория и практика. Смысловое чтение и работа с текстом : учебное пособие / Г. В. Пранцова, Е. С. Романичева. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Форум, 2015. – 368 с.

УДК 811.161.1`37.81`243

ГРНТИ 16.21.47

**ЛЕКСИКОН ТЕКСТОВ УЧЕБНИКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК ИНОСТРАННОГО И ЕГО РОЛЬ
В СОЗДАНИИ ОБЛИКА РОССИЯНИНА**

**LEXICON OF TEXTBOOKS OF RUSSIAN AS A FOREIGN
LANGUAGE AND ITS ROLE IN CREATING
THE IMAGE OF A RUSSIAN**

М. В. Суркова

ФГБОУ «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского», Саратов, Россия

Научный руководитель: д-р филол. наук, проф. О. В. Мякшева

Ключевые слова: текст, учебник русского языка, лексикон, русский язык как иностранный, культурные ценности, лексико-семантические группы существительных, облик россиянина

Keywords: text, Russian language textbook, lexicon, Russian as a foreign language, cultural values, lexical-semantic groups of nouns, linguistic picture of the world, appearance of a Russian

Аннотация. Рассматриваются учебники русского языка для иностранных студентов, изучающих русский язык в России и за ее пределами. Анализ учебников показал, что образ россиянина в них создается с учетом практических нужд человека в иноязычной среде, что подтверждается выделенными в процессе анализа лексико-семантическими группами существительных (транспорт, еда, хобби, виды спорта, названия общественных мест). В анализируемых учебниках содержится и страноведческая инфор-

мация, в них есть тексты об образе жизни людей, живущих в разных городах России, об известных людях, об их увлечениях и профессиях. В текстовом материале довольно ограниченно представлена информация о природе и животном мире России. Активны лексико-семантические группы личных существительных, отражающих значимость для русского человека семьи, работы, а также интерес к спорту и искусству.

Annotation. Russian Russian textbooks for foreign students studying the Russian language in Russia and abroad are considered in the article. The analysis of textbooks showed that the image of a Russian in them is created taking into account the practical needs of a person in a foreign language environment, which is confirmed by the lexico-semantic groups of nouns identified in the analysis (transport, food, hobbies, sports, names of public places). The analyzed textbooks also contain country-specific information, they contain texts about the lifestyle of people living in different cities of Russia, about famous people, about their hobbies and professions. The text material provides rather limited information about the nature and wildlife of Russia. Lexical and semantic groups of personal nouns are active, reflecting the importance of family, work, interest in sports and art for a Russian person.

Облик россиянина в представлении иностранца является весьма интересной темой для исследования. На просторах Интернета мнение о России и русских нередко не выходит за рамки стереотипных сведений о медведях, бродящих по улицам, водке, шапке-ушанке, лютых морозах и т. п. Западный кинематограф давно типизировал русских как некультурных, грубых, жестоких, интеллектуально не развитых людей, склонных к чрезмерному употреблению алкоголя. В голливудских картинах «плохие» русские часто выступают в роли главных антагонистов «хороших» американцев («Мстители», 2012 – черная вдова, киллер; «Очень странные дела», 2019 – русские проводят эксперименты с материей из другого измерения, что может стать причиной конца света; за деньги готовы помочь преступнику сбежать, обманывают, употребляют алкоголь; «Чернобыль», 2021 – СССР стремится скрыть от других стран причину взрыва на Чернобыльской АЭС, высшие чины препятствуют расследованию).

Поскольку в последнее десятилетие появилось много учебников русского языка для иностранных учащихся, в которых воссоздаётся облик россиянина, представляется интересным его проанализировать. О. А. Зайцева, Е. В. Паустьян справедливо отмечают: «Изучение ино-

странного языка всегда сопряжено с получением представлений о его стране, о носителях данного языка и о культуре, находящей отражение в нем. Одной из главных задач, стоящих перед авторами учебника по русскому языку как иностранному, является формирование положительного образа России и русских» [1, с. 830]. Вряд ли кто может оспорить это мнение, однако исследование содержания учебников для иностранцев во время обучения в магистратуре по специальности русский как иностранный (РКИ) заставляет усомниться в том, что такие стратегические задачи в них решаются успешно. Изучению образа России и россиянина в текстах учебников РКИ посвящены, например, статьи О. В. Мякшевой [2], С. К. Милославской [3], Н. А. Востряковой [4] и других ученых.

Задача данного исследования – определить, какие лексико-семантические группы (ЛСГ) существительных наиболее активны в учебниках РКИ, что позволит понять, какой образ России и русского человека формируют эти учебники и какие культурные ценности в них отражены. В качестве источника материала исследования был взят учебник русского языка как иностранного «Точка.ру» (авторы Долматова О. А., Новочац Е. М.) [5] и «Поехали!» (авторы Чернышов С. И., Чернышова А. В.) [6]. За основу при распределении слов по ЛСГ нами был взят «Русский семантический словарь» под общей редакцией Н. Ю. Шведовой [7–9]. Распределив материал из указанных учебников по ЛСГ, мы выделили группы существительных, которые наиболее активны в текстах упражнений исследуемых учебников.

В учебнике «Точка.ру» [5] наиболее активны ЛСГ личных существительных: по степени родства (*отец, мать, сын, дочь, брат, сестра* и др.), по национальности (*испанец, швейцарец, немка, испанка* и др.), по виду взаимоотношений (*друг, коллега, шеф, девушка, сотрудник* и др.), по виду деятельности, должности (*преподаватель, композитор, теннисистка, хоккеист, секретарь, журналист, писательница* и др.), характерному признаку (*гений, звезда, полиглот, носитель (языка), любимчик* и др.), по месту проживания (*москвич* и др.). Учебник содержит тексты о представителях разных профессий, среди которых есть тексты об известных личностях: о теннисистке Анне Кур-

никовой, о шеф-поваре Анатолии Комме, о космонавтах Юрии Гагарине и Ниле Армстронге, о писательнице Джоан Роулинг, о композиторах В. А. Моцарте и С. В. Рахманинове. Как видим, среди известных личностей есть иностранцы (Джоан Роулинг, В. А. Моцарт, Н. Армстронг), рассказы о них удачно сопоставлены с рассказами о русских выдающихся личностях (С. В. Рахманинове, Ю. А. Гагарине). Однако отсутствие информации о русских писателях снижает лингвострановедческий потенциал учебника, так как художественная литература является неотъемлемой частью русской культуры и в учебнике могли бы быть отражены имена ее представителей. Текст о теннисистке Анне Курниковой ориентирован на западные образцы, так как в европейской и американской культуре важную роль в биографии известного человека играют успех в шоу-бизнесе и личная жизнь: *Анна Курникова была не только теннисисткой, но и успешной звездой шоу-бизнеса. Она рекламировала нижнее бельё, часы и одежду...* («Точка.ру» [5, с. 37]). Комментарии о личной жизни спортсменки излишне подробны и двусмысленны: *Анна Курникова встречалась с русскими хоккеистами Сергеем Фёдоровым и Павлом Буре*, что снижает общее впечатление о теннисистке, формирует образ, неоднозначно воспринимаемый представителями разных стран (например, для жителей исламских стран изложенная информация будет неприемлемой).

Актуализированы в текстах учебника также ЛСГ, связанные с повседневной жизнью человека: место, пространство, территория (*город, район, парк, горы, страна, улица* и др.); учреждение (*школа, университет, факультет, театр, зоопарк, ресторан, баня, музей* и др.); помещение (*квартира, дом, офис*); еда (*блюдо, печенье, борщ, продукты, роллы, селедка, десерт, йогурт, бутерброд, обед* и др.); напитки (*чай, кофе, пиво* и др.); одежда, обувь, аксессуары (*юбка, шорты, белье* и др.); средства передвижения (*машина, автомобиль, крейсер*); виды деятельности (*отдых, работа, путешествие*); мебель (*стульчик, кровать, матрас, кресло, диван* и др.). При этом недостаточно отражены специфические особенности русской культуры и быта.

Интересным представляется текст «Как я жил в России». От лица иностранного студента в нём рассказано о привычках, которые отличают русского человека от представителей других национальностей: *Я жил в типичной русской семье, в небольшой уютной квартире на четвёртом этаже. Отец, мать, сын и дочь – все они очень гостеприимные люди. <...> Я много узнал о русской культуре, быте и традициях. Например, русские всегда носят дома тапочки, смотрят телевизор во время ужина, постоянно пьют чай с печеньем или конфетами, любят рассказывать анекдоты и произносить длинные тосты на праздниках* [5, с. 7–8].

Страноведческая информация представлена в текстах о городах России (Москве, Санкт-Петербурге, Мурманске, Волгограде и Сочи). Например, текст о Москве содержит много сведений, которые касаются в основном мест, предназначенных для отдыха: *В Москве много кафе и ресторанов, а также 98 «МакДональдсов». В среднем москвичи тратят на обед в ресторане 1 400 рублей (тысячу четыреста рублей). В Москве 170 театров, 128 кинотеатров и 1 зоопарк.* Как видим, в тексте много числительных. Конечно, можно предположить, что таким образом отрабатывается навык произнесения слов этой части речи, однако общее впечатление о городе тускнеет. Информация о климате, природе, строениях этих городов представлена довольно интересно, но кратко: о Мурманске (*В городе морской климат, а снег лежит 210 дней в году. <...> Он особенный, не в каждом городе можно увидеть такое красивое северное сияние. В городе много озёр и есть морской порт*); о Сочи (*Говорят, что у нас только три времени года: весна, лето и осень. Здесь очень красивая природа, тёплое море и много гор*); о Санкт-Петербурге (*Мой родной город очень красивый. В нём много рек, мостов и самое глубокое метро в России. На каждом шагу театры и музеи*) [5, с. 98]. ЛСГ названий явлений природы, растений и животных немногочисленны: животные (*кот, собака*), явления природы (*снег, северное сияние, дождь, ветер*), растения (*пальма*).

В учебнике «Поехали!» [6], как и в учебнике «Точка.ру» [5], наиболее активны группы личных существительных: по профессии,

виду деятельности (*повар, спортсмен, художник, капитан, директор, музыкант, волонтер, президент, министр* и др.); по степени родства (*жена, дочка, семья, родители, сын, дочь, бабушка, внук*); по характерному признаку (*фантазерка, романтик, жаворонок, сова, миллионер, хулиган*); по национальности (*американец*); по виду взаимоотношений (*клиент, друг, коллега, босс, директор, сосед*); по возрасту (*ребенок, пенсионерка*); по статусу (*аристократ, царь, император*).

Отметим, что в анализируемом материале из учебника «Поехали!» нет ни одного текста об известных россиянах. В одном из заданий – 16 картинок с известными личностями, из которых 15 – иностранцы и 1 – русский (президент России В. В. Путин). В текстах о композиторах, художниках и поэтах рассказывается о вымышленных людях (*Я поэт, обычно я встаю в полдень. Я принимаю ванну, завтракаю, читаю книгу и думаю. <...> Это Алекс, он бедный, но талантливый художник и живет в маленькой студии. <...> У меня есть друг. Его зовут Марк. Он композитор. Я думаю, что у него есть талант. У него есть пианино, и он много играет*), а информация о русской культуре и искусстве вообще отсутствует. В тексте «Что наша жизнь? Игра!» (уместность его заглавия уже вызывает вопросы) рассказывается о любви русских к спорту, театру и азартным играм, по этому поводу упоминаются русские писатели: *Раньше аристократы все время играли в карты, даже писатели-классики: и Пушкин, и Толстой, и Достоевский* [6, с. 73]. Если напомнить, что текстов об этих писателях, их творчестве в учебнике нет, то увлечение карточными играми становится для иностранного студента первичной характеристикой выдающихся представителей русской интеллигенции. Отметим также, что авторы учебника соединяют в одном тексте информацию о спорте, музыке, театре и об азартных играх, вероятно, не учитывая многозначности слова «игра» и не задумываясь над тем, что обществом по-разному оцениваются эти «игры».

Тексты данного учебника содержат преимущественно информацию о повседневной жизни людей, в нем актуализированы ЛСГ существительных, отражающих реалии окружающей действительности: техника (*телевизор, радио, компьютер, телефон, смартфон, плита, робот, холодильник*); учреждения, общественные места (*кафе, кино,*

театр, музей, стадион, фабрика, ресторан, банк, офис, полиция, магазин и др.); жилые помещения (дом, квартира, гостиница, общежитие, комната, спальня и др.); место, пространство, территория (пляж, гора, город, деревня, страна, столица, улица, проспект и др.); средства передвижения (машина, автомобиль, самолет, транспорт, трамвай, поезд); водоемы (море, река, канал); явления природы (снег, дождь, мороз, лед); события (олимпиада, матч, конференция, урок, экскурсия и др.); мебель (ванна, душ, стол, кровать, шкаф, стул); еда (виноград, биопродукты, продукты, хлеб, сахар, паста, картошка, пицца, капуста, шоколад и др.); напитки (молоко, кофе, чай, пиво, алкоголь, шампанское); одежда (пиджак, галстук, юбка, джинсы, футболка, брюки и др.); денежные единицы, финансовые инструменты (криптовалюта, биткоин, деньги, инвестиции, золото, акции).

Из анализа содержания представленных групп и частотности слов, их представляющих в текстах, можем отметить, что самыми частотными являются слова *телефон*, *телевизор*, *компьютер* и *Интернет* (сравните: телефон – 9, телевизор – 5, Интернет – 6). Хотя в текстах, содержащих информацию о хобби и увлечениях людей, чрезмерная увлеченность социальными сетями оценивается негативно. Обратим также внимание на то, что слово *ресторан* и близкое по значению слово *кафе* встречаются в материалах учебника более 25 раз, авторы сообщают о них как о местах, где люди ведут беседу и пьют пиво, водку, шампанское. Чрезмерная повторяемость этих лексем формирует представление о том, что основной вид отдыха русского человека – посещение ресторанов и распитие алкоголя.

Активны ЛСГ, обозначающие виды деятельности: занятия, способы времяпрепровождения. ЛСГ «Виды спорта» (*футбол*, *баскетбол*, *хоккей*, *теннис*, *волейбол*), «Виды искусства» (*фильм*, *музыка*, *архитектура*, *фотография*, *балет* и др.), «Жанры и формы текстовых произведений» (*книга*, *комплимент*, *новости*, *газета*, *история*, *текст*), музыкальные инструменты (*пианино*, *гитара*, *флейта*, *скрипка* и др.) иллюстрируют разнообразие интересов человека. Однако информация о культуре и искусстве не связана с упоминанием известных российских представителей этих сфер.

Обратим внимание на синтагматические характеристики некоторых рассматриваемых слов. Например, в предложении *Играют в футбол миллионеры, а любят смотреть футбол хулиганы* не совсем понятна логика противопоставления [6, с. 60]. В тексте «Что одежда говорит о нас?» сформировано представление о полицейском или военном в форме как о человеке, который может совершать действия, не опираясь на закон и общественные нормы, что формирует негативное о них мнение: *Армия и полиция носят форму – и это очень важно, потому что форма дает им власть, человек в форме может делать очень многое* [6, с. 138–139].

Сформулируем некоторые выводы. В анализируемых учебниках наиболее активны ЛСГ личных существительных (человек по профессии, степени родства, характерному признаку, национальности) и ЛСГ существительных, отражающих реалии окружающей человека действительности, чаще всего связанные с удовлетворением прагматических нужд (еда, напитки, техника, помещения, общественные места). В анализируемых учебниках отражена значимость таких понятий, как семья и работа, спорт и искусство. Информация о природе и животном мире России представлена незначительно.

Учебник русского языка для иностранных студентов, как отмечалось ранее, – один из важнейших инструментов формирования у иностранцев представления о России. Анализ материала показал, что в текстах из учебника «Поехали!» облик России и ее гражданина во многом соответствует стереотипам о России и русских (например, частое употребление русскими алкоголя). Стремление к упрощению текстов приводит к тому, что его информационная ценность и тем более культурологическая значимость нередко снижаются. В качестве места для отдыха персонажи текстов часто выбирают ресторан, где они употребляют алкоголь (пиво, шампанское или водку). Учебник не содержит информацию о национальной русской кухне или национальных традициях, нет в нем и упоминаний о выдающихся людях России.

В рассмотренном нами учебнике «Точка.ру» страноведческий компонент реализован в текстах о крупных городах России (Сочи,

Москве, Санкт-Петербурге, Мурманске). Информация о климате, природе, архитектуре городов представлена в краткой, но интересной и доступной форме. Учебник содержит тексты об известных личностях (А. Курниковой, Ю. А. Гагарине, С. В. Рахманинове, А. А. Комме), однако иногда в них ощущается отражение западных ценностей. Например, в тексте об Анне Курниковой есть информация о личной, скорее интимной, жизни теннисистки и её успехах в сфере шоу-бизнеса, что не является в русской культуре значимой характеристикой личности. Стоит отметить, что информация о достижениях русских соседствует с рассказами об иностранцах (В. А. Моцарте, Н. Армстронге), благодаря чему формируется ощущение целостности мира науки и искусства. Учебник «Точка.ру» воссоздает положительный облик россиянина, содержит достоверную информацию о природе и климате России, органично включены в него тексты о привычках русских людей (*пьют чай со сладостями, носят дома тапочки* и др.).

Литература

1. Зайцева, О. А. Этнические стереотипы о русских в китайских учебных изданиях по русскому языку как иностранному / О. А. Зайцева, Е. В. Паустьян // Коммуникативные исследования. – 2019. – № 3. – С. 829–842.
2. Мякшева, О. В. Образ России в учебниках русского языка для иностранных учащихся / О. В. Мякшева, З. Джураева, М. Розымова // Русский язык и культура. Взаимосвязи и взаимодействие : материалы VI Международного педагогического форума (Сочи, 2–3 декабря 2019 г.) / ред. кол. : С. И. Богданов, С. В. Друговейко-Должанская, Ю. В. Меньшикова и др. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. – С. 73–85.
3. Милославская, С. К. Учебник русского языка как иностранного – уникальное средство формирования образа России в мире : к теоретическому обоснованию лингвопедагогической имагологии / С. К. Милославская // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2008. – № 4. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/uchebnik-russkogo-azyka-kak-inostrannogo-unikalnoe-sredstvo-formirovaniya-obraza-rossii-v-mire-k-teoreticheskomu-obosnovaniyu> (дата обращения: 21.12.2022).
4. Вострякова, Н. А. Нравственные ценности русского народа как предмет освоения мусульманами зарубежных стран в процессе изучения универсального учебника русского языка как иностранного / Н. А. Вострякова // Язык и культура. – 2022. – № 59. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennye>

tsennosti-russkogo-naroda-kak-predmet-osmysleniya-musulmanami-zarubezhnyh-stran-v-protssesse-izucheniya-universalnogo (дата обращения: 21.12.2022).

5. Долматова, О. А. Точка.ру. А2 / О. А. Долматова, Е. М. Новочац. – Часть 1. – Москва : Перо, 2019. – 148 с.

6. Чернышов, С. И. Поехали! Русский язык для взрослых. Начальный курс : учебник / С. И. Чернышов, А. В. Чернышова. – Часть 1.1. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2019. – 176 с.

7. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – Том I: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). – Москва, 2002. – 807 с.

8. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – Том 2: Имена существительные с конкретным значением. Всё создаваемое руками и умом человека (населённые места, обрабатываемые участки, дороги; вещественные продукты труда; организации и учреждения). Названия предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, употреблению. – Москва, 2002. – 762 с.

9. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – Том 3: Имена существительные с абстрактным значением. Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. – Москва : Азбуковник, 2003. – 720 с.

Раздел III. Медийный вектор коммуникативной стилистики текста в сфере науки и образования

УДК 811.161.1'42
ГРНТИ 16.21.33

МЕДИАТРЕНД И ЕГО ТИПЫ

MEDIA TREND AND ITS TYPES

А. В. Болотнов

*ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»,
Томск, Россия*

Ключевые слова: медиалингвистика, медиатренд, медиадискурс, медиакоммуникация, медиасреда, информационное поле

Keywords: media linguistics, media trend, media discourse, media communication, media environment, information field

Аннотация. Рассмотрено понятие *медиатренд*, определены его типы на основе разных подходов и возможных аспектов анализа. Выявлены некоторые актуальные медиатренды в современной медиасреде с учетом меняющегося социально-исторического контекста и частоты проявления некоторых общественно значимых тенденций и информационных поводов в современной медиакоммуникации.

Annotation. The article considers the concept of a media trend, defines its types based on different approaches and possible aspects of analysis. Some relevant media trends in the modern media environment are identified, taking into account the changing socio-historical context and the frequency of manifestation of some socially significant trends and newsworthy events in modern media communication.

В словаре «Медиалингвистика в терминах и понятиях» [1], отражающем современное состояние одного из наиболее интенсивно развивающегося направления русистики – медиалингвистики, термина *медиатренд* нет. Между тем данное понятие и термин актуальны в

условиях возрастающей роли медиакоммуникации в жизни современного общества и требуют разработки. Во-первых, в связи с многофункциональностью данного понятия, имеющего информативную и прогностическую функции. Во-вторых, в связи с необходимостью выявления важных тенденций в социальной жизни общества и осмысления закономерностей в изменении общественного сознания, которое прямо или косвенно проявляется в медиакоммуникации на разных площадках, в разных медиажанрах и медиадискурсах разных типов информационно-медийных личностей, особенно публичных.

В задачи данной статьи входит уточнение содержания понятия *медиатренд* с учетом имеющихся источников и разработка подходов к проблеме типологии медиатрендов с опорой на современные достижения медиалингвистики, теории коммуникации и дискурсологии.

Ранее нами предпринималась попытка определения данного понятия с использованием различных лексикографических источников, включая толковые словари и словари синонимов [2]. Медиатренд рассматривался как видовое понятие по отношению к гиперониму *тренд* и его синонимам, включая ближайший синоним *тенденция*. Среди других семантически близких слов можно выделить: *направление, курс, установка, ориентация, направленность, тренд* [3].

Опираясь на интерпретацию терминов «медиа» как «совокупность всех технологических средств коммуникации, служащих для передачи информационного сообщения в виде текста, музыки, изображения и др.» [4, с. 53], и «медиасреда», трактуемую нами как «сложная иерархически организованная структура информационных полей глобальной сети, СМИ, языковой личности и текста; с лингвистической точки зрения является огромным открытым, развивающимся гиперпространством, характерным для современной медиакоммуникации» [5, с. 265], было дано определение понятия *медиатренд*. На наш взгляд, это прогнозируемая доминирующая тенденция в области современной медиакоммуникации, выраженная с помощью различных лингвистических и экстралингвистических средств на основе анализа повторяющихся явлений в медиа, отражающих динамично развивающийся контент.

Исследователи в области медиабизнеса, цифровизации, развития игровой индустрии, журналистики подчеркивают прогностический характер медиатрендов [6], повторяемость различных явлений [7], процессуальность [8].

Как многозначный термин, допускающий многоаспектное рассмотрение, определяет медиатренд В. С. Байдина [9]. С точки зрения «аспектов бытования медиатренда» автор рассматривает данное понятие широко, допуская множественность интерпретаций, практически неограниченных, связывая это с наличием повтора и доминирования чего-либо, выраженного в средствах массмедиа. Медиатренд рассматривается автором как *ведущая тема или резонансное событие; как новая форма коммуникации с аудиторией или новый способ подачи информации; как новые технологии в журналистике; как социокультурный феномен; как социальная технология; как способ и форма репрезентации образа социального времени; как маркетинговая стратегия* [9, с. 10–11].

В качестве медиатрендов в области спортивной журналистики Р. Л. Гутцайт рассматривает «количественные и качественные изменения контента, превращения эфирного продукта в мультимедиаальный, с неограниченным доступом к медиаканалам и внутренним интерактивным пользовательским сервисам» [10, с. 113]; трактует медиатренд как то, что «к традиционным функциям сайта присоединились коммуникативная, интерактивная и транзакционная» [10, с. 115]. К медиатрендам автор относит и «телесмотрение за компьютером» [10, с. 116], определяет «многофункциональность профессии журналиста как один из трендов» [10, с. 116].

В сфере обучения в области интернет-журналистики А. А. Градюшко как медиатренды выделяет «уход аудитории в сегменты новых медиаформатов» [11, с. 63], «внедрение в образовательный процесс новых мультимедийных форматов (вебинары, онлайн-лекции)» [11, с. 64], дает анализ цифровых стратегий ведущих интернет-медиа Беларуси в условиях дигитализации.

Таким образом, с учетом сферы использования термина *медиа-тренд* его содержание варьируется, а само понятие получает трактовку в широком и узком смысле.

В отличие от данных авторов, считаем возможным в выявлении специфики медиатрендов на уровне обобщения, учитывая эпоху глобализации в области информации, опираться на понятие *информационное поле*, у которого есть ядро и периферия. Преимущество такого подхода, включающего коммуникативно-деятельностный и когнитивно-дискурсивный аспекты, связано с возможностью аналитического осмысления имеющихся тенденций в медиакommunikации и исключения случайных, периферийных явлений, которые ошибочно могут быть отнесены к медиатренду. Нами дифференцируются информационные поля глобальной сети – «пространство Интернета, в котором существуют гипертексты и ссылки на информационные поводы» [5, с. 263]; информационное поле медийной личности; информационное поле СМИ; информационное поле текста – «проекция текста на общественное сознание, стимулирующая различные реакции в медиасреде» [5, с. 263].

С этих позиций медиатренд можно рассматривать как динамично развивающуюся ядерную зону информационного поля глобальной сети, формирующейся на основе взаимодействия информационных полей СМИ, текстов и публичных медиаперсон. Учитывая связь медиатренда с информационными полями разных типов, можно также определять медиатренд как мультимедийно стимулируемую (т. е. представленную во многих медиа), нелинейно репрезентируемую в медиатекстах (т. е. имеющую полевую структуру, у которой есть ядро информации и периферия), доминирующую самоорганизующуюся тенденцию в отражении актуальных для общества реалий [2].

Типы медиатрендов могут быть выделены по разным основаниям:

1. По сфере бытования (в области разных видов журналистики (спортивной, аналитической, информационной и т. д.); медиабизнеса; игровой индустрии; социальной сферы; культуры и др.).

2. По жанрово-стилистическим особенностям медиапродуктов (усиление внимания к новостному контенту, лонгриду и подкастам; гибридизация жанров и др.).

3. По специфике используемых технологий (рост дигитализации, мультимедийных продуктов; появление новых технологий интерактивной коммуникации с аудиторией и т. д.).

4. По основным факторам текстообразования в области медиакommunikации (прогноз на востребованность конкретных тем медиатекстов, на актуальные тематические доминанты; востребованность медиаперсон определенного типа (авторов первичных текстов, способных породить информационное эхо и вторичные и третичные тексты (см. об этом подробнее: [5]); преобладание конкретных идеологем и т. д.).

Относительно медиатрендов 2022 г. есть разные точки зрения. Так, Диана Добродий со ссылкой на японскую компанию Dentsu отмечает: «Японская компания Dentsu выявила ключевые мировые тренды в сфере медиа в 2022 г. Среди них – адаптация брендов и потребителей к продолжающейся пандемии, усиливающаяся социальная направленность компаний и усложнение идентификации пользователя» [12].

Среди других прогнозов на основе опроса издателей относительно медиатрендов на 2022 г. со ссылкой на Институт изучения журналистики агентства Reuter отмечается, например, доминирование смешанных форматов: «Хотя почти четыре из пяти издателей (79 %) говорят, что подписка является их приоритетом в 2022 г., многие ищут смешанную модель с медийной (73 %) и нативной (59 %) рекламой, мероприятиями и спонсируемыми действиями с платформ. И не без причины – почти половина руководителей новостных агентств беспокоятся, что журналистика с подпиской на чтение будет нацелена только на более богатую и образованную аудиторию, оставляя других в стороне» [13], предполагается инвестиция «в подкасты и другое цифровое аудио, за ними следуют информационные бюллетени (70 %) и форматы цифрового видео (63 %)» [13].

Как видно, методика выявления прогнозов в области медиатрендов включает опрос и количественно-статистические методы.

Дальнейшее изучение медиатрендов представляется актуальным в области прогнозирования разных аспектов жизни общества и деятельности современной информационно-медийной личности. Нуждается в разработке и методология выявления медиатрендов.

Литература

1. Медиалингвистика в терминах и понятиях : словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой. – Москва : Флинта, 2018. – 440 с.

2. Болотнов, А. В. К вопросу о понятии и термине «медиаатренд» / А. В. Болотнов // Высшая школа : научные исследования : материалы Межвузовского международного конгресса (г. Москва, 23 декабря 2021 г.). – Москва : Инфинити, 2021. – С. 96–100.

3. Словарь синонимов русского языка. – URL: <https://sinonim.org/s/%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F#list-s> (дата обращения: 19.12.2021).

4. Корконосенко, С. Г. Медиа / С. Г. Корконосенко // Медиалингвистика в терминах и понятиях : словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой. – Москва : Флинта, 2018. – С. 53–55.

5. Болотнов, А. В. Текстовая деятельность как отражение коммуникативного и когнитивного стилей информационно-медийной языковой личности : монография / А. В. Болотнов. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2015. – 274 с.

6. Сидорова, Д. Восемь медиаатрендов в 2021 году / Д. Сидорова. – URL: [RB.RU https://rb.ru/story/2021-media-trends](https://rb.ru/story/2021-media-trends) (дата обращения: 14.12.2021).

7. Хомерики, Л. 30 декабря 2020. ТОП-10 событий и трендов 2020 г. в медиабизнесе / Л. Хомерики. – URL: <https://vc.ru/media/192547-top-10-sobytiy-itrendov-2020-g-v-mediabiznese> (дата обращения: 14.12.2021).

8. Николайчук, И. А. Медиа как система-тренд: новые подходы в медиалогии / И. А. Николайчук, Т. С. Якова, М. М. Яегеляева // МедиаАльманах. – 2016. – № 1 (72). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/media-kak-sistema-trend-novyye-podhody-v-medialogii> (дата обращения: 20.12.2021).

9. Байдина, В. С. Медиаатренды российского ТВ эпохи «Нулевых» : аспекты бытования и реализации / В. С. Байдина // Журналистский ежегодник. – 2013. – № 2-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatrendy-rossiyskogo-tv-epochi-nulevyh-aspekty-bytovaniya-i-realizatsii> (дата обращения: 11.01.2023).

10. Гутцайт, Р. Л. Медиаатренды спортивной журналистики: опыт спутникового телеканала НТВ-Плюс. Футбол / Р. Л. Гутцайт // Вестник РУДН. – Серия: Литературоведение, журналистика. – 2011. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatrendy-sportivnoy-zhurnalistiki-opyt-sputnikovogo-telekanala-ntv-plyus-futbol> (дата обращения: 12.01.2023).

11. Градюшко, А. А. Современные технологии обучения студентов в области интернет-журналистики / А. А. Градюшко // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2017. – № 1 (23). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tehnologii-obucheniya-studentov-v-oblasti-internet-zhurnalistiki> (дата обращения: 12.01.2023).

12. Добродий, Д. Главные медиаатренды 2022 года / Д. Добродий. – URL: <https://adpass.ru/glavnye-mediatrendy-2022-goda/> (дата обращения: 12.01.2023).

13. Береговой, А. Главные тренды в медиа на 2022 год / А. Береговой. – URL: <https://vc.ru/media/347126-10-glavnyh-trendov-v-media-na-2022-god> (дата обращения: 12.01.2023).

УДК 811.161.125
ГРНТИ 16.21.33

ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВОЧНЫХ КОМПЛЕКСОВ В ПУБЛИКАЦИЯХ ТОМСКИХ ГАЗЕТ НАЧАЛА XXI в.

FEATURES OF HEADING COMPLEXES IN PUBLICATIONS OF TOMSK NEWSPAPERS IN THE EARLY XXI CENTURY

Ю. А. Хомченко

*ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»,
Томск, Россия*

Научный руководитель: А. В. Болотнов, д-р филол. наук, проф.

Ключевые слова: заголовочный комплекс, структура заголовочного комплекса, функции заголовочного комплекса

Keywords: headings, structure of headings, functions of headlines

Аннотация. Рассмотрены заголовочные комплексы трех газет за 2007 г. с точки зрения периодичности их выхода в печать, состава и характера элементов заголовочного комплекса, структуры, языковых особенностей и функций. Исследование выполнено на материале газет «Томские новости», «Красное знамя» и «Томский Вестник».

Annotation. The article considers the heading complex of three newspapers for 2007 from the point of view of the periodicity of their publication, the composition and nature of the elements of the heading complex, structure, linguistic features and functions. The study was carried out on the material of the newspapers "Tomskiy Novosti", "Krasnoe Znamya" and "Tomskiy Vestnik".

Известно, что публицистические тексты имеют большое значение для общества. Публицистика точно отражает изменения в общественно-политической и экономической жизни общества. Первыми на мировые события реагируют газеты, заголовочный комплекс играет немаловажную роль в газетной публикации.

В статье будут рассмотрены особенности заголовочных комплексов томских газет «Красное знамя», «Томские новости» и «Томский Вестник» за 2007 г. Данный период, по нашему мнению, является наиболее подходящим для анализа, так как представляет собой имен-

но начало века, не переходный период, как 2000-е, и не первую четверть, как 2020-е гг.

Первое, что следует отметить: данные издания имеют различную периодичность выхода. Газета «Томские новости» является еженедельной, а другие два издания выпускались каждый день. Сегодня газета «Красное знамя» существует только в онлайн-формате, а «Томский Вестник» закрылся совсем. Периодичность выхода важна для нас, так как она влияет на отбор материала, на тематическое наполнение газет, наличие тех или иных рубрик и т. д.

Для начала проведем сравнение томских газет по составу и характеру элементов заголовочных комплексов.

На уровне элементов заголовочного комплекса главной отличительной чертой газеты «Томские новости» является наличие такого элемента, как *шапка*. *Шапка* открывает полосу, указывает на тему материала: *Новости, Общество, Город и Горожане, Власть, Спорт, Бизнес-новости, Азарт, Люди нашего города, Тема номера, Конфликты и происшествия, Университетский проспект, Гайд-парк, Персона, Рынок труда, Томский Дом*. В основном наименования *шапок* переходят из номера в номер. Изменения происходят в том случае, если материала с такой темой нет. В таком случае *рубрика* уже практически не требуется. Ее роль – просто информировать о характере и источнике материала: *Вкратце, Одной строкой, Анонс, Кадр за кадром, Коротко, Есть мнение, Угол зрения, Читателя удивляют, ГОРод ДУМАет, Мы об этом писали, ЧП, Нам рапортуют*. Если *шапка* дается всей полосе, то *рубрика* возглавляет не все материалы, а один или несколько. *Нам рапортуют. Освещение должно быть, Вкратце. Трамваи едут в Томск, Коротко*.

Такой элемент, как *подзаголовки*, не характерен для «Томских новостей». Они присутствуют, но крайне редко. *Подзаголовки* встречаются чаще всего в аналитических жанрах, где в заголовке ярко выражена позиция автора, его оценка. *Углубленный английский. Бизнесмен Юрий Лирмак претендует на должность директора института языковых коммуникаций ТПУ, «Неопознанное пиротехническое изделие». Влетело в квартиру пожилой женщины 1 января*.

В томском периодическом издании «Красное знамя» из элементов заголовочного комплекса в наличии только *рубрика* и *подзаголовок*. *Рубрика* на полосе этой газеты есть всегда. Она объединяет не всю полосу, но значительный материал на странице. Все рубрики газеты можно разделить по функциям:

1) указание на тему: *Домашний кошелек, Медицинская карта, Демография, Вокруг нас, Отцы и дети, Образование* и др.;

2) происхождение информации: *Письма в редакцию, Благодарность, Публичные слушания, Б. Мальцев: на темы дня, От первого лица* и т. д.;

3) характер сообщения: *Новости, Приоритеты, Благодарность*. Многие рубрики переходят из номера в номер (*Новости, Письма в редакцию, Образование, Творчество*), но чаще рубрики несколько меняют свой вид (*Отцы и дети* («КЗ». № 1. 2007. 10 января), *Наши дети* («КЗ». № 85. 2007. 27 июня); *Армия* («КЗ». № 1. 2007. 10 января), *Дела армейские* («КЗ». № 45. 2007. 6 апреля); *Медицинская карта* («КЗ». № 45. 2007. 6 апреля), *Главное – здоровье* («КЗ». № 44. 2007. 4 апреля)).

Следующий элемент – это *подзаголовок*. На полосах газеты этот элемент встречается не так часто. Он, как и в предыдущей газете, раскрывает только те заглавия, которые из-за своей экспрессивности, оценочности не сообщают в полной мере о материале публикации.

Газета «Томский Вестник» отличается от издания «Томские новости» тем, что не имеет *шапок*. Отличие ее от «Красного знамени» заключается в малом количестве *рубрик*. Отсюда можно сделать вывод, что заголовочный комплекс у этого издания весьма беден по структуре, состоит в основном из *заглавия* и *подзаголовка*. *Рубрики* этой газеты имеют постоянный характер (*Происшествия, В мире, в стране, в Томске, Репортер, Alma Mater, Строй-площадка*). Под ними публикуется от одного до трех текстов. Чаще каждый отдельный текст имеет свою *рубрику* (*В Томске, Внеплановый расход, Глас народа. Татарская школа: воспоминания и мечты*). Почти каждый *заголовок*, кроме текстов жанра хроники и заметки, имеет *подзаголовок*. Часто, не выразив своей позиции в заглавии, автор переносит ее в подзаголовок.

Злоупотребил доверием; Владелец несуществующего предприятия положил в карман почти полтора миллиона; Предъявите документы; В Ленинском РОВД разбираются со «спиртосодержащей» историей.

Следующим параметром для сравнения томских изданий будут структура заголовочного комплекса и языковые особенности. В газете «Томские новости» чаще представлены заголовки, актуализирующие признак статичности сообщаемого за счёт существительных и прилагательных в составе соответствующих моделей заглавий: *Дети понедельника; Счет в рублях; Народная структура; Новые рыночные правила; Генеральский прием; Явочная квартира.*

Заголовочные комплексы, выраженные сложными предложениями, в издании не встречаются. Авторы стараются более лаконично акцентировать свою позицию в заглавии. Хорошо концентрируют информацию простые двусоставные предложения, которые авторы чаще всего и используют в качестве заголовков: *Проезд подорожал; «Стая» готовится к старту; Томичи опять запели; Ширко выстрелил дуплетом; Томичи порезвились в Канаде; Маршрутки уходят в on-line.*

В «Красном знамени», в отличие от «Томских новостей», преобладают более сложные в синтаксическом отношении заглавия. Как и в предыдущей газете, используются часто простые двусоставные предложения: *«Востокгазпром» заработал стабильность; Воды всем хватило; Бесхоз обретет владельца; Что решает губернатор?* Встречается много неполных предложений, есть односоставные: *При любой скорости ветра; В особом режиме; Помощь старшему поколению.*

В периодическом издании «Томский Вестник» главным отличием от других газет является то, что авторы в качестве заголовков более активно используют однословные модели. Стоит отметить, что часто в заглавии используются экспрессивные слова: *Гигантомания; SOS; Террористы-гуманисты; Очевидное-невероятное.*

Сходные параметры с «Томскими новостями» – это доминирование моделей, актуализирующих статичность благодаря существительным и прилагательным, входящим в их состав: *Каток для звезд; Арифметика совершеннолетия; Самолет для чиновника; Мартовская*

посевная; Открытые небеса; Трагедия на дороге; Внеплановый рас-ход; Убойная доза юмора.

Таким образом, можно отметить, что все три издания существенно отличаются друг от друга. Например, в «Красном знамени» в качестве заголовков используются сложные синтаксические конструкции. Авторы стремятся к точности и информативности. В «Томском Вестнике» чаще встречаются однословные модели. Слова, входящие в их состав, носят экспрессивный характер и своей «необычностью» привлекают внимание читателя. Наконец, в газете «Томские новости» преобладают сверхсловные заголовки, актуализирующие признак статичности. Такие заглавия более лаконичны. В небольшом заглавии отражено большое количество информации.

Проанализировав газету «Томские новости» с точки зрения тематической подборки, мы пришли к выводу, что данная газета является социально-политической. Наибольшее количество публикаций связано с **политической темой**: *На твердую четверку; Дурневу предъявлено обвинение; Сапожник без сапог; Новые промышленные льготы; Новый департамент* и др. Вместе с тем широко обсуждается **тема социальная** (коммунальные услуги, пособия, вредные привычки и т. д.): *ТСЖ в роли Деда Мороза; Гостеприимство жителей Черной речки запомнится инвалидам; Снегопады не страшны; Освещение должно быть; Выселить незаконных жильцов*. Следует отметить, что тематическое поле издания достаточно широко. В равной степени здесь представлены публикации на темы **культуры** (*Святые в мозаике и стекле; Томичи опять запели*), **отдыха** (*По морям, по волнам; Найди двух львов и Пушкина*), **транспорта** (*Хроническое опоздание; Таксофирмы подписали договоры*), **образования** (*В «сказке» надо соблюдать закон; Тревожная приемная комиссия*), **экономики** (*Кризиса не будет?, По ночам – за депозитом*). Из этого можно сделать вывод, что газета «Томские новости» ориентирована на широкий круг читателя.

Тематический спектр материалов газеты «Томский Вестник» также весьма разнообразен. Редакция газеты называет свое издание социально-политическим. С этим в целом можно согласиться. Эти темы

хорошо освещены в газете. Изучив заголовки представленных в газете текстов, мы обнаружили, что особенно часто в публикациях даются сообщения о каких-либо **происшествиях, преступлениях, криминале**: *Дорогая пропажа; Полуночный наезд; Сотрудники не порядка; За пунктиком – жизни!, Эхо «Ульяновской»*. О **политике** журналисты пишут, но не так много, как в газете «Томские новости»: *Планы первой трехлетки; Марш согласных; Самолет для чиновника; Буш против законодателей*. Чаще на страницах издания обсуждают проблемы **образования**: *Лауреаты и дипломанты; В Москву – не за песнями; Задача педагога – удивлять и убеждать; Энергия в мирных целях*. **Культурная сторона** жизни города, отдых горожан тоже неплохо освещены: *Азиатский магнит; Убойная доза юмора; Красавицы взялись за пяльцы; Радуга над «Авангардом»; Рождение Нового дня*. Большое внимание уделяется **спортивной жизни города**: *Чемпионский лед; Серебряный конек на звонком льду*. Подводя итог, можно отметить, что газета ориентирована на читателя молодого или зрелого возраста.

Периодическое издание «Красное знамя» отличается от других газет ориентацией на свою целевую аудиторию. Такой вывод мы сделали после анализа тематики представленных в нем материалов. Главное место на страницах «Красного знамени» занимает тема **криминала, преступлений, катастроф и происшествий**: *Как рухнул семейный бизнес; Вор у вора украл телефон; Дело направлено в суд; Встречу назначили в сквере; Не утонуть бы в водке; Реальное надувательство в виртуальном пространстве*. Примерно одинаковый объем материала посвящен **коммунальным проблемам** (*Убрали тополь с дома; Нужна ли Томску «прослойка» посредника?*), **экономике** (*Как поработали, так и отчитались; Сколько стоит проезд; Сразу по трем программам*), **политике** (*Министры витают в облаках; Создана фракция «Единая Россия»; Что решает губернатор?*) и **медицине** (*Королева Англии не знала про НИИТО; Вакцинация против краснухи*).

Публикации на тему **культуры** часто помещаются под рубрикой *Новости*, что говорит о малом значении данной темы для этой газеты: *Как создаются шедевры; Играет оркестр; Когда поет милиция*. Не-

смотря на то, что город Томск принято считать образовательным центром, проблемы **образования** широко не освещаются на страницах этого издания: *Не только интересно, но и полезно; Прекрасный шанс заявить о себе; Колыбель для идей*. В связи с этим нами и был сделан вывод, что читательская аудитория у газеты – это преимущественно люди старшего поколения.

Сравнивая периодические издания по *функции заголовочных комплексов*, следует отметить, что в газетах «Томские новости» и «Томский вестник» преобладающими являются **заголовки-информации**. Это связано с тем, что главной функцией публицистики является информативность. Большая часть публикаций в данных изданиях относится к информативным жанрам. Главная роль заглавий – сообщение информации.

Приведём примеры. В газете «Томские новости» представлен заголовок-информация: *Трамваи едут в Томск; Повышение стипендий; Дурневу предъявлено обвинение; Шимкевич оставлен под стражей; Новый департамент; В новогоднем ритме*. В данном издании часто можно встретить **заголовок-иронию**. Такие заголовки создаются благодаря игре слов, сравнениям, метафорам, фразеологическим оборотам, особенностям синтаксических конструкций: *«Неопознанное пиротехническое изделие»; Любитель «норок», Ахтунг! Русский комар!, Черепашьим шагом – о ликвидации последствий после урагана, Отдай миллиард!; Хроническое опоздание; Тур-облом*.

Заголовкам газеты «Томские новости» свойственна и **оценочная функция**: *Тревожная приемная кампания 2007 года; Вонючий источник на Усова; Журавля в руке на синицу в небе; Скажем «железнякам» прощай»*.

Особенно часто, по сравнению с другими изданиями, заголовки выполняют **рекламную функцию**. Это связано, в первую очередь, с тем, что в целом в периодике увеличилось число рекламных публикаций: *Предложение от Soni; «Пуль» досуга*.

Для данного издания характерно использование в заголовках экспрессивных выразительных средств, фразеологических оборотов: *Пи-*

мейки делать; В шкуре мамонта; Сапожник без сапог; Дети понедельника; Огласите все списки, пожалуйста!

Классифицируя заголовки по функциям, можно заключить, что в газете «Красное знамя» преобладает **оценочная функция**. Выше мы отмечали, что в данном периодическом издании поднимаются острые социально-политические проблемы. Возможно, с этим связана такая яркая оценочность заглавий: *Не утонуть бы в водке; Посадили ветераны деревья...; Такой подарок дорогого стоит; Кутузову 70? Не верю!; А там хоть трава не расти; Нас все меньше и меньше.*

В отличие от других анализируемых нами изданий, в этой газете **информативная функция** не доминирует, хотя и представлена в некоторых заглавиях: *Воды всем хватило; Один дома; Лучший друг; Не платят зарплату; Анастасия, Дарья, Виктория...; Деньги пойдут отдельной строкой; Тайвань готов к реальным проектам.*

Заголовок-ирония не так часто встречается в заголовочных комплексах газеты «Красное знамя»: *Загадка «инопланетян»; Домохозяйки, объединяйтесь!; Не каждый смог пережить каникулы; Министры витают в облаках.* **Заголовок-реклама**, как и в «Томских новостях», в «Красном знамени» также использовался журналистами в публикациях: *Объединяет всю Сибирь; Все 24 часа; Ради комфорта клиентов!; Прекрасный шанс заявить о себе.* По сравнению с другими изданиями особенно ярких выразительных средств, фразеологических оборотов в «Красном знамени» не так много.

Преобладающей функцией в периодическом издании «Томский Вестник» является **заголовок-информация**. Это сближает газету с изданием «Томские новости». Такие заголовки информативны, четки, основная мысль в них выражена концентрированно и ясно: *Люди в белых халатах; Время торопит весну; Без права пересылки; 10 лет работы и... презентации; Замороженные акцизы; Погибли на пожаре; Трагедия на дороге.* Одинаково распространены **заголовок-оценка** и **заголовок-ирония**: *Не так страшен диагноз...; Верните время; К паводку будь готов!; Не согреемся; Через тернии... к паспорту; Публично о наличных; Штраф за зарплату; Гигантомания.*

Заглавия в данной газете включают лексические выразительные средства, фразеологические обороты, экспрессивные синтаксические конструкции: *Долой разруху в клозетах!*; *Не место красит человека*; *Сохранить свое лицо*; *«Методичный» камень преткновения*; *Если нельзя, но очень хочется*; *...И примкнувшая к ним Морякина*; *Мракобесие в умном городе*.

Таким образом, мы проанализировали заголовочные комплексы трех газет за 2007 г. с точки зрения периодичности их выхода в печать, состава и характера элементов заголовочного комплекса, структуры, языковых особенностей и функций.

Интересным и перспективным представляется анализ томских газет и заголовочных комплексов 2020-х гг. Этот период характеризуется яркими мировыми событиями, политическими и экономическими изменениями. Кроме того, технологический прогресс значительно шагнул вперед. Практически все региональные периодические издания имеют онлайн-формат, который пользуется большей популярностью, чем бумажный.

УДК 81'42 + 801.7 : 321.019.5

ГРНТИ 16.31.02

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ

LINGUISTIC AND PRAGMATIC CHARACTERISTICS OF FAKE NEWS

Н. Н. Кошкарова

*ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет»,
Челябинск, Россия*

Ключевые слова: фейковые новости, постправда, массмедийный дискурс, информационно-психологическая война, фактчекинг

Keywords: fake news, post-truth, mass-media discourse, information and psychological warfare, fact-checking

Аннотация. Анализируются лингвопрагматические характеристики фейковых новостей. Представлена классификация исследований, в которых анализируется указанная проблематика. Все публикации условно можно разделить на несколько групп. Авторы первой из них исследуют соотношение постправды и фейковых новостей, другая группа обращается непосредственно к изучению фейковых новостей как способу манипулирования общественным сознанием. В отдельную группу следует выделить публикации, в которых авторы обращаются к функционированию фейковых новостей в эпоху информационно-психологической войны. В научных публикациях рассматриваются и дипфейки как явление современной медиареальности. На конкретном речевом материале анализируются механизмы создания фейка.

Annotation. The article is devoted to the analysis of linguistic and pragmatic characteristics of fake news. The material presents a classification of studies in which the above-mentioned problems are analyzed. All publications can be divided into several groups. The authors of the first of them investigate the relationship between post truth and fake news, another group of authors directly addresses the study of fake news as a way of manipulating public consciousness. A separate group should include publications in which the authors address the functioning of fake news in the era of information and psychological warfare. Scientific publications also consider deep fakes as a phenomenon of modern media reality. The mechanisms of fake creation are analyzed on a specific speech material.

Важной характеристикой современного массмедийного дискурса является то, что он не только отражает действительность, но и формирует информационную повестку дня. При этом средства массовой информации выполняют не только информативную, но и аксиологическую функцию, транслируя ценности и убеждения акторов указанного типа дискурса. С наибольшей силой функция передачи ценностных предпочтений будет проявляться при создании фейковых новостей, которые представляют собой не только лингвистическую, но и социальную проблему. От решения данной проблемы зависит как геополитическая ситуация в целом, так и информационная безопасность потребителя информации в частности.

Действительно, проблема ложных сообщений приобретает в настоящее время такое острое звучание, что она исследуется с точки зрения различных научных парадигм. В свет выходят монографические исследования и учебные пособия, авторы которых проводят

комплексный анализ процесса фейковизации современных медиа [1–4]. Однако справедливости ради надо сказать, что значительная часть исследований фейка представлена в виде научных статей. Все эти публикации условно можно разделить на несколько групп. Авторы первой из них анализируют соотношение постправды и фейковых новостей [5]. Другая группа авторов обращается непосредственно к изучению фейковых новостей как способу манипулирования общественным сознанием [6]. В отдельную группу следует выделить публикации, в которых авторы обращаются к функционированию фейковых новостей в эпоху информационно-психологической войны [7]. В научных публикациях рассматриваются и дипфейки как явление современной медиареальности [8]. Ученые представляют обзор дипфейков в аспекте лингвистической экспертизы [9]. Не вызывает сомнения тот факт, что научное сообщество не могло обойти вниманием фейки, созданные во время пандемии COVID-19 [10]. Однако главной задачей ученых является не только анализ сложившейся ситуации с фейковыми новостями, но и предоставление рядовым гражданам надежного инструментария по проверке ложных сообщений. В этом отношении неоценимую помощь могут оказать публикации, в которых анализируется фактчекинг как инструмент для изучения и проверки контента [11]. Фейки и постправда рассматриваются и в диссертационных исследованиях [12].

В своих предыдущих публикациях [13; 14] мы уже обращались к вопросу о лингвопрагматических характеристиках фейковых новостей. Современный массмедийный контент, с одной стороны, подтверждает обоснованность выводов о механизмах создания ложной информации, с другой стороны, предоставляет ученому материал, на основе которого ранее сделанные наблюдения могут быть дополнены и расширены.

Представим **типологию лингвопрагматических маркеров фейковой новости**, подкрепив теоретические положения конкретными примерами. Материалом для иллюстрации лингвопрагматических характеристик фейковых новостей послужила статья «Russia beat, starved, and electrocuted people from a captured Ukrainian nuclear power

plant in a web of underground prisons, escaped workers say», размещенная на американском новостном сайте Insider [15].

1. «Кликабельный» заголовок с элементами сенсационности, фаворитизмом по отношению к одной стороне и неприязненным отношением к другой: *Russia beat, starved, and electrocuted people from a captured Ukrainian nuclear power plant in a web of underground prisons, escaped workers say.* – *Россия избивала, морила голодом и пытала электрическим током людей с захваченной украинской АЭС в подземных тюрьмах, сообщили сбежавшие рабочие* (здесь и далее перевод наш. – Н. К.).

2. Отсутствие конкретных доказательств, фото- и видеоматериалов, подтверждающих правдивость выдвинутых в фейковом материале обвинений: *One worker, Voldymr Zhayvoronok, said he was detained in an underground prison for 53 days. He said he was regularly beaten and showed reporters a missing fingernail that he said was ripped out by his interrogators.* – *Один рабочий, Владимир Жайворонок, рассказал, что провел в подземной тюрьме 53 дня. Он сказал, что его регулярно избивали, и показал журналистам, что у него нет одного ногтя, который он потерял в результате пыток.*

3. Приведение в качестве «доказательств» слов нерукопожатных лиц: *The plant's former director, Ihor Murashov, ran the facility for seven months under Russian occupation. Speaking to the Journal, he recounted how he himself was detained in one of the Russian occupier's basement prisons before being released under international pressure in October.* – *Бывший директор завода Игорь Мурашов¹ в течение семи месяцев управлял предприятием в условиях российской оккупации. В беседе с Wall Street Journal он рассказал, как сам содержался в одной из подвальных тюрем российских оккупантов, а в октябре был освобожден под международным давлением.*

4. Нагнетание обстановки за счет «детального» описания событий, которые якобы имели место, с целью более эффективного воздей-

¹ Игорь Мурашов – бывший гендиректор Запорожской атомной электростанции, который был депортирован с территории России за сотрудничество с СБУ.

ствия на эмоционально-психологическую сферу целевой аудитории: *According to Murashov, he was detained by Russia's FSB, the successor to the Soviet Union's KGB, in a facility near the nuclear plant known as "the Hole," one of several purported underground detention centers. He and other workers described being beaten, starved, and electrocuted by their interrogators; some were also shot, with at least one employee being tortured to death.* – По словам Мурашова, он был задержан российской ФСБ, преемницей советского КГБ, в объекте рядом с атомной станцией, известном как «Дыра», одном из нескольких предполагаемых подземных центров содержания под стражей. Он и другие рабочие описали, как их избивали, морили голодом и пытали электрическим током следователи; некоторых даже застрелили, по крайней мере, один сотрудник был замучен до смерти.

5. «Вплетение» описываемых событий в общий геополитический контекст: *The attacks on essential staff came after some continued to passively resist Russian occupation, such as by displaying miniature Ukrainian flags at their desks.* – Нападения на персонал произошли после того, как некоторые из них продолжали сопротивляться российской оккупации, размещая на своих столах миниатюрные украинские флаги.

Не вызывает сомнения тот факт, что репертуар средств, эксплуатируемых создателями фейка, в своей основе не изменяется: будут варьироваться лишь некоторые стратегии и тактики воздействия на потребителя такой информации в зависимости от тематического наполнения материала. При этом важно понимать, что создание и распространение фейковых новостей – это не шутка или развлечение, а серьезный урон отдельным людям, корпорациям и даже государствам. Новость, содержащая в себе словосочетание «с высокой долей вероятности», не может претендовать на статус достоверного сообщения. Следует сказать и о том, что в России многое делается и на законодательном уровне для предотвращения распространения ложной информации. Так, в марте 2019 г. Государственной Думой был принят закон, согласно которому устанавливается ответственность за размещение в информационно-телекоммуникационных сетях и СМИ заведомо недостоверной общественно значимой информации под ви-

дом достоверных сообщений. Современная геополитическая ситуация инициирует лавинообразное появление фейков. В этой связи ученым, занимающимся проблемой ложных новостей, рядовым гражданам предстоит большая и кропотливая работа по распознаванию и противодействию подобного рода информации. Именно в отношении фейка правило «предупрежден – значит, вооружен» действует со стопроцентной гарантией.

Литература

1. Ильченко, С. Н. Фейковая журналистика. Спецкурс : учебное пособие / С. Н. Ильченко. – Москва : Берлин : Директ-Медиа, 2019. – 309 с.
2. Ильченко, С. Н. Как нас обманывают СМИ. Манипуляция информацией / С. Н. Ильченко, Дмитрий Goblin Пучков. – Санкт-Петербург : Питер, 2019. – 320 с.
3. Распопова, Е. С. Фейковые новости : информационная мистификация : учебное пособие / Е. С. Распопова, Е. Н. Богдан. – Москва : Аспект Пресс, 2018. – 112 с.
4. Козловский, Б. Максимальный репост : Как соцсети заставляют нас верить фейковым новостям / Б. Козловский. – Москва : Альпина Паблишер, 2018. – 198 с.
5. Грачев, М. Н. Концепт «разрушения правды» в условиях цифрового общества (аналитический обзор) / М. Н. Грачев, Р. В. Евстифеев // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. – Т. 13, № 2. – С. 229–248.
6. Богословская, В. Р. Феномен фейковых новостей : обзор исследований последних лет / В. Р. Богословская, Ф. И. Шарков // Коммуникология : электронный научный журнал. – 2021. – Т. 6, № 3. – С. 111–118.
7. Анастасьева, В. Н. Использование фейковых технологий для ведения информационных войн / В. Н. Анастасьева // Эффективное государственное и муниципальное управление как фактор социально-экономического развития территорий : сборник научных статей III Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых. – Севастополь, 2022. – С. 8–12.
8. Иванов, В. Г. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности / В. Г. Иванов, Я. Р. Игнатовский // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия : Государственное и муниципальное управление. – 2020. – Т. 7, № 4. – С. 379–386.
9. Петрова, А. А. Фейковые новости в аспекте лингвистической экспертизы / А. А. Петрова // Лингвополитическая персонология : дискурсивный поворот. – 2019. – С. 165–169.
10. Акименко, Г. В. Инфодемия : фейковые новости в условиях пандемии / Г. В. Акименко, Л. В. Начева, А. А. Лопатин, А. М. Селедцов, Ю. Ю. Кирина // Вестник общественных и гуманитарных наук. – 2021. – Т. 2, № 3. – С. 43–52.

11. Шестеркина, Л. П. Фактчекинг и верификация : учебное пособие / Л. П. Шестеркина, А. В. Красавина, Е. М. Хакимова. – Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2021.

12. Пром, Н. А. Фактуализация реальности в медиадискурсе : характеристика, типы, способы выражения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Н. А. Пром. – Москва, 2020. – 40 с.

13. Кошкарлова, Н. Н. Политическая провокация : лингвистический комментарий недостоверных сообщений / Н. Н. Кошкарлова, Н. Б. Руженцева // Учимся понимать Россию : политическая и массмедийная коммуникация : материалы Международной научной конференции / отв. ред. А. П. Чудинов. – 2018. – С. 225–230.

14. Кошкарлова, Н. Н. Ревизионистские теории через призму фейка и постправды / Н. Н. Кошкарлова // Русская речевая культура и текст : материалы XI Международной научной конференции / под общ. ред. Н. С. Болотновой. – Томск, 2020. – С. 161–167.

15. Davis, Ch. R. Russia beat, starved, and electrocuted people from a captured Ukrainian nuclear power plant in a web of underground prisons, escaped workers say / R. Ch. Davis. – URL: <https://www.businessinsider.com/russia-tortured-workers-at-zaporizhzhia-nuclear-power-plant-2022-11> (date of access: 02.01.2023).

УДК 81'373'42:316.77

ГРНТИ 16.21.33

О СРЕДСТВАХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕДИАКУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ В ТЕКСТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ABOUT THE MEANS OF REPRESENTATION OF THE MEDIA CULTURE OF THE INDIVIDUAL IN TEXTUAL ACTIVITY

Е. А. Бородай

*ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»,
Томск, Россия*

Научный руководитель: Н. С. Болотнова, д-р филол. наук, проф.

Ключевые слова: медиакультура, медиатекст, информация, текстовая деятельность, личность

Keywords: media culture, media text, information, textual activity, personality

Аннотация. Сегодня различные отрасли медиа стали частью жизни каждого человека. В связи с этим особую актуальность приобрело понятие «медиакультура», характеризующее уровень грамотности языковой личности в медийном пространстве. Рассмотрено, как медиатекст может представить человека и уровень его медиакомпетентности. Опираясь на показатели медиакультуры личности, предложенные А. В. Федоровым, нами была проанализирована личность Михаила Архарова, активного пользователя портала mel.fm.

Annotation. Today various media industries have become a part of everyone's life. In this regard the concept of "media culture", which characterizes the level of literacy of a linguistic personality in the media space, has become particularly relevant. In the framework of this article we have considered the way of representing with media text a person and the level of his media competence. Based on the indicators of the media culture of the personality proposed by A. V. Fedorov, we analyzed the personality of Mikhail Arkharov, an active user of the portal mel.fm.

Сфера медиа сегодня играет огромную роль в обществе, так как позволяет описать многие процессы и явления, которые происходят в современном мире. Данная область не перестает совершенствоваться. В век развития компьютерных и информационных технологий очень сложно представить жизнь без потока новостей и сообщений.

Человек каждый день находится в потоке информации: он может прочитать, проанализировать, создать новости в средствах массовой информации. Перечисленные виды деятельности позволяют говорить о том, что для этого индивид должен обладать определенным уровнем медиакультуры. Как отмечает Н. Б. Кириллова, «медиакультура включает в себя культуру передачи информации и культуру ее восприятия; она может выступать и системой уровней развития личности, способной читать, анализировать, оценивать медиатекст, заниматься медиатворчеством, усваивать новые знания посредством медиа» [1, с. 8]. Из этого можно сделать вывод о том, что медиакультура тесно связана с личностью и играет немалую роль в процессе ее формирования и развития.

В XX в. было предложено понятие «медиатекст», которое связано с информацией, получаемой через Интернет, радио, печать, телевидение. Медиатекст обладает определенной спецификой, обусловленной

в первую очередь тем, что имеет визуальный компонент, который может быть представлен в разных формах. М. Ю. Казак выделяет следующие признаки медиатекста: «медийность, массовость, семиотическая интегративность, интертекстуальная открытость» [2, с. 65]. *Медийность* определяет каналы передачи информации (Интернет, радио, печать и т. д.) и их возможности; *массовость* устанавливает количество человек, которые могут создавать медиатекст, а также число адресатов; *интегративность* представляет собой объединение различных семиотических элементов в единое целое для передачи информации; *интертекстуальная открытость* характеризуется включением в медиатекст ссылок на мнение авторитетных лиц и комментаторов.

«Медиатекст – сообщение, содержащее информацию и изложенное в любом виде и жанре медиа (газетная статья, телепередача, видеоклип, фильм и пр.)» [3, с. 20]. Автором медиатекста может быть любой человек. Медиатекст, являясь частью сферы медиа, эволюционирует, поэтому очень важно следить за всеми нововведениями в данной области.

Способность грамотно работать с медиатекстами, уметь «читать» медиатекст – это медиаграмотность. Личность, обладающая высоким уровнем медиаграмотности, способна понимать сферу медиа, следовательно, ориентироваться в отборе и анализе информации в медиатексте, может отличить достоверную новость от «фейковой», обладает навыком качественно доносить актуальную информацию до других людей. К сожалению, немало людей, которые не обладают достаточным уровнем медиаграмотности, что приводит к распространению ложной информации (так как не обладающий медиаграмотностью человек не может отличить реальную новость от фейковой, вследствие этого может доносить до других людей ошибочные сведения).

Синонимом медиаграмотности и медиакультуры является понятие «медиакомпетентность». Некоторые исследователи считают, что «термин *медиакомпетентность* более точно определяет суть имеющихся у индивида умений использовать, критически анализировать, оценивать и передавать медиатексты в различных видах, формах и жанрах, анализировать сложные процессы функционирования медиа в социу-

ме» [4, с. 82]. В рамках данной статьи ключевым является термин «медиакультура», включающий совокупность перечисленных видов деятельности языковой личности.

О личности автора медиатекста можно судить по уровню медиакультуры (медиаграмотности, медиакомпетентности) индивида.

Рассмотрим, какими средствами выражается медиакультура личности автора медиатекста на примере статьи Николая Архарова [5], опубликованной 26.10.2022 на сайте mel.fm. Николай Архаров является активным пользователем портала mel.fm, автором многочисленных статей на этом сайте. В публикациях он высказывает мнение, касающееся актуальных проблем в сфере образования и русского языка, грамотно аргументируя свою позицию.

Говоря о конкретном создателе текста в области медиа, первое, что позволяет нам отметить уровень его медиакомпетентности, – это *актуальность* данной темы. Этот критерий показывает, насколько человек ориентируется в современных проблемах, требующих подробного разъяснения и решения. В приведенной выше статье мы можем наблюдать, как автор обозначает даты принятия закона, о котором будет идти речь в его медиатексте, подчеркивая, что событие действительно является актуальным: «*24 сентября 2022 года принят закон, который вносит изменения в ФЗ „Об образовании“*». Актуальность выбранной автором темы подчеркивается риторическими вопросами, на которые в данный момент нет четкого ответа: «*Что будет в этих учебниках? Пока никто не знает. Это, можно сказать, кот в мешке. Какой он будет? Будет царапаться или мурлыкать? А мышей ловить будет? Какая у него порода? А может, это будет беспородный кот с улицы? Что будет с котами, которые сейчас живут в Министерстве просвещения?*». Автор использует прием языковой игры, метафорически осмысливая описываемую ситуацию, взяв за основу в качестве ключевого слова элемент фразеологического оборота *кот в мешке*.

Создатель медиаконтента должен учитывать *предпочтения своей аудитории*, её возрастные и гендерные характеристики, сферу профессиональной деятельности адресатов, чтобы тексты адресанта были

эффективны. Соответственно, автор текста должен быть приближен к слушателям, чтобы знать их потребности. Сайт, на котором представлена статья, посвящен образованию и воспитанию детей, таким образом, аудитория будет соответствующая – это могут быть учителя школ, преподаватели вузов, а также родители, которые хотят больше знать об образовании своих детей. Статья написана доступным языком, но в некоторых случаях Николай Архаров использует распространенные слова из области педагогической терминологии, такие как *УМК*, *ФГОС*, которые непонятны людям, не связанным со сферой образования.

Важно донесение до читателей не только актуальной, но и *достоверной информации*, ведь отличие правдивой информации от ложной является одним из показателей уровня медиакомпетентности личности. Поэтому данным навыком должны обладать не только грамотные читатели медиатекста, но и создатели контента. Автор приведенного медиатекста использует *гиперссылку*, при нажатии на которую пользователя переводят на сайт, где размещён федеральный закон с изменениями, отраженными в тексте статьи. Тем самым Николай Архаров показывает, что его информация является правдивой.

Как уже было отмечено в данной статье, *визуальная составляющая* является отличительной особенностью медиатекста. Создание/отбор иллюстраций (музыкального сопровождения, видео), правильное их использование и расположение являются показателем креативности автора. Креативность и оригинальность создателя текста медийного жанра – одна из составляющих высокого уровня медиакультуры (медиакомпетентности) личности. Приведенный медиатекст имеет одну уникальную *иллюстрацию*, связанную с темой статьи. Помимо иллюстрации, автор делит свою статью на блоки, название каждого блока имеет отличительный от всего текста вид – жирный *шрифт*. В целом оформление данного медиатекста является лаконичным, в статье нет ничего лишнего в визуальной составляющей, что мешало бы комфортному восприятию информации.

Не только создание, но и *распространение медиатекста* является показателем уровня медиакультуры. Выбор платформы может быть

связан с целевой аудиторией, тематикой медиатекста и т. п. – это является важным компонентом эффективности воздействия медиатекста на аудиторию. Николай Архаров для своего медиатекста выбрал *платформу mel.fm*, так как она непосредственно связана с темой его статьи. Как уже отмечалось, данная платформа посвящена образованию и воспитанию детей, следовательно, размещение медиатекста Николая Архарова уместно.

Отметим, что перечисленные качества могут относиться не только к создателю медиатекста, но и к его читателям. Для эффективной работы с медиатекстами читатель должен обладать хорошим уровнем медиакультуры и быть готовым к общению в области медиа. «Чем основательнее подготовка личности к общению с миром медиа, тем легче человек переходит от одного контекста к другому, соединяя различные аспекты действительности в единую реальную картину» [6, с. 82].

А. В. Федоров выделяет следующие показатели медиакультуры (медиакомпетентности) личности: «мотивационный, контактный, информационный, перцептивный, интерпретационный/оценочный, практико-операционный (деятельностный), креативный» [4, с. 84–85]. Рассмотрим особенности личности Николая Архарова в рамках этих показателей.

Мотивационный показатель заключается в стремлении личности получить информацию, найти новые сведения для своих исследовательских целей. Данный показатель может быть связан с параметром актуальности, который уже был описан нами. Николай Архаров использует новые сведения, а именно изменения в федеральном законе, как тему для своей статьи. Из этого следует, что автора интересуют изменения, происходящие в обществе, он способен на них реагировать, давать комментарий.

Непосредственное взаимодействие с медиатекстами, частоту этого взаимодействия включает в себя *контактный показатель* медиакомпетентности. Наличие медиатекста уже говорит о том, что данный показатель у Николая Архарова присутствует. В его блоге опубликовано большое количество статей на разные темы, следовательно, частота взаимодействия будет высокой.

К *информационному показателю* относят знание терминов, теорий и других факторов, связанных с массовой коммуникацией. Сюда же можно включить и знание целевой аудитории, ее предпочтений. Как уже было отмечено, автор медиатекста учитывает предпочтения своей аудитории, ее статус. Помимо этого, к информационному показателю относится выбор платформы, то, насколько эффективно личность будет размещать свою статью на том или ином сайте. Все эти аспекты были уже выше описаны, что позволяет сделать вывод о достаточном уровне медиакультуры Николая Архарова по информационному показателю.

Способность самостоятельно воспринимать предложенный медиатекст – *перцептивный показатель*. Умение грамотно интерпретировать полученную информацию соответствует *интерпретационному* показателю медиакомпетентности. Данные показатели больше относятся к читателю медиатекста, который воспринимает информацию.

Процесс создания и распространения медиатекста, возможность из многообразия информации выбрать нужный медиатекст – это *практико-ориентированный показатель*. *Креативный показатель* медиакомпетентности связан с творческим потенциалом личности. Оба показателя уже были отмечены нами.

После знакомства с показателями медиакультуры личности может возникнуть вопрос о том, как их развивать, чтобы обладать высоким уровнем в этой области. Развитие медиакультуры личности является целью медиаобразования, которое с каждым годом набирает популярность и становится востребованным в России. В ряде зарубежных стран медиаобразование уже несколько лет назад было введено в школьную программу. За развитие медиаобразования в России выступал А. Ф. Федоров, посвятив этой сфере немалое количество научных трудов [3; 4].

Медиатексты отражают разные аспекты личности человека: его основные качества, сферу интересов, уровень образования и медиакомпетентности, общей культуры. Уровень медиакомпетентности (медиакультуры) определяет ряд показателей, которые были сформулированы А. В. Федоровым.

Литература

1. Кириллова, Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну / Н. Б. Кириллова. – Москва : Академический Проект, 2006. – 448 с.
2. Казак М. Ю. Современные медиатексты: проблемы идентификации, делимитации, типологии / М. Ю. Казак // Медиалингвистика. – 2014. – № 1 (4). – С. 65–76.
3. Федоров, А. В. Медиаобразование: история, теория и методика / А. В. Федоров. – Ростов-на-Дону : Изд-во ЦВВР, 2001. – 708 с.
4. Федоров, А. В. Медиакомпетентность личности: от терминологии к показателям / А. В. Федоров // Инновации в образовании. – 2007. – № 10. – С. 75–108.
5. Медиа про образование и воспитание детей : сайт. – URL: <https://mel.fm/blog/nikolay-arkharov/90482-uzhe-seychas-nachalka-ne-vypolnyayet-svoikh-funktsy-cto-poteryayet-shkola-posle-vvedeniya-edinykh-uchebnikov> (дата обращения: 24.12.2022).
6. Возчиков, В. А. Текст медиакультуры: личностное восприятие как проблема / В. А. Возчиков // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). – 2008. – № 2 (7). – С. 74–84.

Раздел IV. Использование теории регулятивности в научной и образовательной деятельности

УДК 81-114.4

ГРНТИ 16.21.33, 16.01.45

РЕГУЛЯТИВНОСТЬ ТЕКСТА И КОМПЕТЕНЦИИ АДРЕСАТА: ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

REGULATION OF THE TEXT AND COMPETENCE OF THE ADDRESSER: FROM THE EXPERIENCE OF TEACHING PHILOLOGICAL ANALYSIS

Н. В. Орлова

*ФГАОУ «Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского»,
Омск, Россия*

Ключевые слова: текст, филологический анализ текста, коммуникативная стилистика, регулятивность, компетенции адресата

Keywords: text, philological analysis of the text, communicative style, regulativeness, competences of the addressee

Аннотация. Осуществлен анализ студенческих интерпретаций смысла рассказа А. Аствацатурова «Первая любовь». Апробирована методика анализа, включающая реконструкцию регулятивной системы текста исследователем; выявление регулятивов, воспринятых и не воспринятых студентами; исследование в студенческих работах ассоциаций, не имеющих опоры в исходном тексте. Обозначены проблемы профессиональной интерпретации: игнорирование неярых регулятивов, в том числе нелингвистической природы, неготовность к синтезу воспринятых регулятивных средств, недостаток общекультурных компетенций. Показано, как в исследованном материале проявились коллективные социально-психологические свойства адресатов.

Annotation. The analysis of student interpretations of the meaning of A. Astvatsaturov's story "First Love" is carried out. The method of analysis has

been tested, including the reconstruction of the regulatory system of the text by the researcher; identification of regulatives perceived and not perceived by students; research in student works of associations that have no support in the source text. The problems of professional interpretation are revealed: ignoring of vague regulatives, including non-linguistic nature, unwillingness to synthesize perceived regulatory means, lack of general cultural competencies. It is shown how the collective socio-psychological properties of the addressees manifested themselves in the studied material.

В настоящее время преподавание филологических дисциплин, как справедливо отмечает Н. С. Болотнова, отражает «поворот... к выдвижению личности обучаемых в центр исследовательского внимания» [1, с. 49]. На занятиях по филологическому анализу текста обращение к идеям современной коммуникативной стилистики, в частности к категории регулятивности [2, с. 170–173, 481–487], дает студенту возможность проявить общекультурные, профессиональные, читательские компетенции, а также индивидуально-личностные качества.

В нашем исследовании ставилась задача проанализировать результаты интерпретации студентами небольшого прозаического текста современного автора – рассказа А. Аствацатурова «Первая любовь». Материал (всего 45 лабораторных работ) собран в 2020–2022 гг. в Омском государственном университете им. Ф. М. Достоевского и в Омском государственном педагогическом университете. К общим социальным чертам адресата относится возраст (большинству респондентов 21–23 года), пол (женский в 42 случаях из 45), неполное высшее филологическое образование (4-й и 5-й курс обучения по направлению «Филология»). Практическое значение исследования состояло в том, чтобы определить реальный уровень профессиональных компетенций студентов в целях возможной коррекции дидактических действий.

Задание выполнялось на относительно раннем этапе изучения курса: студенты освоили базовые текстовые категории, но специально не работали с обобщающими понятиями филологического анализа. (Относительно регулятивности учебная ситуация представляла собой констатирующий эксперимент.) Мы предполагали, что студенты воспримут систему регулятивов текста настолько, насколько позволит их

читательский опыт и филологические знания, имеющиеся на момент выполнения работы. Задание было сформулировано следующим образом: «*Выявите средства когезии. Поразмышляйте о том, как когезия переходит в когерентность (цельность). Сформулируйте, в чём, по вашему, заключается смысл текста. Дайте свой ответ на вопрос, почему девушка бросила героя*». Предполагалась демонстрация специальных знаний, но не исключался и субъективный взгляд «обычного» читателя, который «относительно свободен в выборе путей поиска смысла» [3, с. 54].

Охарактеризуем методику исследования. На первом этапе экспериментатором была построена своя версия системы средств управления вниманием читателя в тексте: выделены регулятивы разного радиуса действия и разной природы. На втором этапе устанавливалось, какие из них были восприняты студентами, какие проигнорированы, при этом использовались количественные подсчеты. На третьем этапе в работах выявлялись субъективные ассоциации, не подкрепленные фактами текста. Таким образом, хотя сами студенты не пользовались термином «регулятивность», данная категория стала инструментом для изучения их версий смысла рассказа.

Регулятивность текста. В начале рассказа ярко выражены текстовые парадигмы со смысловыми признаками 'любовь' и 'звёзды'. Говорится о «*навязчивой логике*» любви к звёздам, которую рассказчик показывает на примерах, обнаруживающих связь между тем, в кого его знакомые влюблялись в юности, и кем они стали впоследствии. Многократно повторяется местоимение «я», в частности, в связи с историями влюбленностей самого рассказчика в *певицу Таисью Калининко* и *актрису Белохвостикову*. Способ представления «навязчивой логики» является регулятивом-локативом – импульсом для размышлений о личности рассказчика и его судьбе.

На ассоциации, связанные с образом героя и поступком девушки, наводят прецедентные имена и интертекстуальные включения: песенная строчка «*умчи меня, олень, в свою страну оленью*», фильмы советского времени «На всю оставшуюся жизнь» и «Легенда о Тиле». Напрашивается вопрос: кем стал человек, который когда-то любил

тех, кто воплощал в своем творчестве романтику, героику, патриотизм? Существенны также знаки размытости воспоминаний (*В закоулках памяти, наконец, обнаружил... Или это Ведищева пела про оленя?*), которые в смысловой структуре рассказа вызывают такие ассоциации, как 'не разобрался в себе', 'не нашел себя' и т. д. Значимо, что вопрос без ответа «И кто из меня получился?» выделяется в отдельный абзац.

Следует подчеркнуть, что композиция рассказа является регулятивом концептуального уровня. В сильных позициях текста упоминается *девушка* героя. Рассказ начинается фразой: *Как-то раз я заговорил со своей девушкой о том, что люди часто влюбляются в теле- и кинозвезд* – и заканчивается следующим образом: *А девушка вскоре после этого разговора меня бросила. Она уехала в Египет на Красное море работать аниматором.* Еще одно упоминание *девушки* приходится на концовку того сложного синтаксического целого, в котором говорится об объектах любви героя в юности: *Своей девушке я так и не смог объяснить, кто это такие.*

Итак, регулятивная система текста подталкивает читателя к восприятию смыслов 'герой-рассказчик почти расстался с идеалами прошлого, но не нашел себя в настоящем', 'герой и его девушка – разные люди'.

Вербализация когерентности/смысла текста в работах студентов. Непосредственно высказались о когерентности текста или предложили формулировку его смысла 32 студента (71,1 %). Только в трёх ответах высказаны идеи, которые коррелируют с системой ярких и неярких регулятивных средств текста. В одной из работ «*когерентность*» представлена суждением «*герой и девушка не подходят друг другу*»; в другой «*смысл текста*» описан как «*непонимание героем собственной сути*». В третьей обе интерпретации учтены в формулировке «*целостности текста*»: «*Любовь и звезды становятся ключевыми понятиями для самоопределения героя... Романтического героя сталкивается с реальным, обыденным девушки*». Аргументами в вышеуказанных работах становятся отсылки к композиции текста (1), фоновая информация о ролях, которые сыграли актрисы (2); построе-

ние ассоциативных рядов на основе показателей размытости воспоминаний (3): (1) *Эти люди никак не подходили друг к другу, о чем и указывается в последнем абзаце;* (2) *...Их роли важны для понимания текста... вторая (Б.) сыграла спутницу бесстрашного Тиля;* (3) *не удастся влюбиться в душу, прочувствовать истинную, глубинную энергетику кумиров => непонимание собственной сути.*

Авторы других 29 работ при формулировке общего смысла текста отреагировали исключительно на лексические регулятивы. Описывая средства когезии, они выделили ряды слов и словосочетаний со смысловыми признаками 'любовь' и 'звезды'; обратили внимание на заголовок «Первая любовь»; посчитали, сколько раз повторяется в тексте корень -люб-. Ассоциации, связанные с признаками 'любовь' и 'звёзды', легли в основу суждений о смысле текста, соответствующие текстовые парадигмы были восприняты как регулятивы концептуального уровня. Приведем типичные примеры, в которых студенты повторяли за автором мысль о навязчивой логике влюбленностей в звезд (4), выражали несогласие с этой мыслью (5), а также рассуждали о чувстве любви вообще (6): (4) *Главная тема повествования – как восхищение и влюбленность в некого идеала... влияет на судьбу человека, его сферу деятельности;* (5) *Идея текста – выбираемые нами идеалы никак не влияют на то, кто мы есть или кем будем; ...Мы становимся кем-то только из-за самих себя;* (6) *Главной темой текста А. Аствацатурова является многогранное чувство любви. Автор выражает этот смысл многократным повторением слов с корнем -люб-...*

Отметим, что смыслы 'любовь', 'влюбленность', 'первая любовь' в аналитических работах ассоциативно разворачивались в направлениях, которые отчасти заданы семантикой текста, отчасти – особенностями воспринимающего сознания: *многогранное чувство; то, что невозможно забыть; эти чувства, эмоции живут внутри нас – в душе; не вечное, призрачное чувство; воспоминания о прошлых отношениях; трагедия; критическая грусть; мой знакомый влюблен в актрису* и мн. др.

Интерпретация образа героя и поступка девушки. Неяркие регулятивные средства, с помощью которых формируется в рассказе

образ героя, студенты восприняли избирательно. Так, вопрос «И кто из меня получился?» включен в анализ в восьми работах (17,7 %), причем авторы пяти из них назвали его риторическим, с чем трудно согласиться. В двух работах сделана попытка отразить самоидентификацию героя: *Он недоволен тем, что из него вышло; ...Не до конца понимает свой путь в жизни.* Авторы семи работ (15,5 %) отреагировали на размытость воспоминаний героя, которая интерпретировалась как свидетельство легкомысленности и поверхностности его чувств: *Герой говорит о том, как сильно был влюблен в актрису – любил ее сильнее семьи и «Ленина», но не может вспомнить, она ли пела ту самую песню. Вероятно, его влюбленности легки и недолговечны, отчего отношения с девушкой не продержались долго; Чувства же главного героя были поверхностны: он не знал, кто пел песню, кто исполнял главную роль; Он был слишком легкомыслен и поверхностен.* По-видимому, в некоторых работах герой-рассказчик признается «*легкомысленным*» потому, что данное прилагательное употреблено в тексте. О своей первой влюбленности герой сообщает: *мне очень хотелось, чтобы она стала моей женой, о второй – моя влюбленность предполагала более легкомысленные отношения.* Студенты не замечают, что «*легкомысленный*» значимо в локальном контексте, и воспринимают слово как приемлемую опору для объяснения логики целого сюжета: *...девушка бросила рассказчика, потому что тот имел легкомысленные отношения с другими.*

Из иных регулятивных средств восприняты прецедентные феномены, которые у авторов трёх работ (6,6 %) вызвали ассоциации с мечтательностью, фантазиями, романтичностью: *По всей видимости, рассказчик – мечтательный человек, которому свойственно влюбляться в идеал, а девушка, как мы можем предположить... более прагматичная; ...Он слишком много значения придавал пустым мечтам... или же слишком много уделял фантазиям с другими девушками; он всегда был влюблен в романтический идеал, который может быть рядом лишь на мгновение.*

На вопрос «Почему девушка бросила героя?» ответили 15 студентов (33,3 %), но только в пяти работах (11,1 %) воспринята идея глу-

бинного несходства героев: *Возможно, разница в возрасте, культурах и взглядах на понятие любви и отношение к ней; их мировоззрения не сошлись; между героем и его девушкой существует определенный разрыв (интеллектуальный?, глубинный, возрастной...).*

Иные характеристики героя и объяснения поступка девушки не опираются на какие-либо факты текста. Герою приписываются необоснованные социальные и психологические характеристики, разрыв отношений связывается с ревностью, изменой: *Скорее всего он тоже стал успешным; возлюбленный-«шут»; разорвала отношения, потому что данные воспоминания могли причинить ей боль или были неприятны; поняла, что не она его первая любовь; не каждый способен... просто выслушать, поддержать, ведь это никакая не измена; бросила девушка из-за того, что он полюбил актрису; она поняла, что он любил «недоступных звезд», а не её.*

Проявления фактора адресата. Студенты стремились проявить себя как аналитики текста, но профессиональная интерпретация когерентности текста вызвала значительные трудности. Обнаружив в рассказе повторы и построив свою версию смысла только на текстовых парадигмах, авторы большинства работ проигнорировали не столь явные – нелексические средства управления вниманием адресата. Хотя частичная сформированность навыков анализа позволила им замечать отдельные приёмы, за их фиксацией не всегда следовали операции синтеза. Так, автор одной из работ увидел контраст во фрагментах «умчал в страну оленью» и «уехала в Египет на Красное море работать аниматором», но не смог встроить это наблюдение в общий смысл текста: *Не рассказчик «умчал в страну оленью», а его девушка «уехала в Египет на Красное море...». И эта небольшая ремарка как бы противоречит всем рассуждениям в тексте (? – Н. О.)* Декларация аналитических компетенций в ряде работ подменяла интерпретацию: *Повторяющееся «девушка» в начале и в конце помогает создать кольцевую структуру текста. Очевидно, что это проявление связности помогает воссоздать более целостную картину в сознании читателя. Важность для анализа прецедентных феноменов осознавалась (Лишь понимая культурный контекст и «прочитывая» интер-*

тексты, читатель сможет понять, что хотел сказать автор), но культурных знаний оказывалось недостаточно, чтобы раскрыть их конкретные значения в объекте анализа.

Непрофессиональные читательские составляющие интерпретаций в работах студентов выразились в их рассуждениях о любви. Ассоциативно-смысловое развертывание концепта 'любовь' в аналитических работах – штрих к социально-психологическому портрету студентов, у которых тема рассказа вызвала живой отклик. Направлениями ассоциирования, как отчасти было показано выше, являются глубина и сила чувства, дорогие воспоминания, ревность, измена, боль, трагедия, импульс к взлету, бесперспективность, «плохой конец» и др. Авторы 22 работ (48,8 %) использовали я-высказывания («мы», «наш», «я»), демонстрируя субъективно-личностное отношение к объекту анализа.

Выводы. Авторы большей части работ построили интерпретацию смысла рассказа на основе тождественных и частичных лексико-семантических повторов, но проигнорировали неяркие регулятивы; регулятивы-локативы были квалифицированы как регулятивы-концепты. За опознанием отдельных регулятивных средств не следовала их интеграция – регулятивность не была представлена как системное качество текста. Теоретические знания о свойствах текста автоматически не трансформировались у большинства студентов в такую реконструкцию целостности рассказа, которая соответствовала бы системе регулятивных средств. Отдельной причиной трудностей интерпретации явилось отсутствие культурных компетенций. Стремясь к профессиональному анализу, студенты одновременно проявили себя как читатели с определенными социально-психологическими свойствами, что выразилось в разнонаправленных ассоциациях, связанных с темой любви. Практическим выводом из исследования, которое мы рассматривали как констатирующий эксперимент, выявляющий готовность студентов к восприятию регулятивности текста, является необходимость некоторой перестройки учебного плана в сторону увеличения количества занятий, посвященных интегрирующим категориям текста.

Литература

1. Болотнова, Н. С. О роли коммуникативной теории текста в обучении студентов-филологов педагогического университета / Н. С. Болотнова // *Учитель для будущего : язык, культура, личность. к 200-летию со дня рождения Ф. И. Булаева ; отв. ред. В. Д. Янченко ; сост. и науч. ред. А. Д. Дейкина, А. Ю. Устинов, В. Д. Янченко. – Москва : Московский государственный педагогический университет, 2018. – С. 48–53.*

2. Болотнова, Н. С. *Филологический анализ текста : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Н. С. Болотнова. – 2-е изд., доп. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2006. – 631 с.*

3. Масленникова, Е. М. Личностная (читательская) проекция текста как текст–в–динамике / Е. М. Масленникова // *Вестник Московской международной академии. – 2018. – № 1. – С. 50–55.*

УДК 811.161.1'38'42-14:323.1

ГРНТИ 16.21.33

**ВЛИЯНИЕ РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ И ИСТОРИЧЕСКОГО
КОНТЕКСТА НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ
РЕГУЛЯТИВНЫХ УНИВЕРСАЛИЙ В ПОЭТИЧЕСКОЙ
КАРТИНЕ МИРА М. И. ЦВЕТАЕВОЙ**

**INFLUENCE OF REAL EVENTS AND HISTORICAL
CONTEXT ON THE FORMATION OF LEXICAL
REGULATORY UNIVERSALS IN THE POETIC WORLDVIEW
M. I. TSVETAeva**

О. Л. Кабанина

*ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»,
Томск, Россия*

Научный руководитель: Н. С. Болотнова, д-р филол. наук, проф.

Ключевые слова: лексические регулятивные универсалии, факторы реальной действительности, контраст, мышление личности

Keywords: lexical regulatory universals, factors of real reality, contrast, personality thinking

Аннотация. Рассматриваются факторы реальной действительности как один из критериев, обусловивший формирование контраста как лексиче-

ской регулятивной универсалии в творчестве М. И. Цветаевой. К факторам реальной действительности относятся биографический, исторический и внутриличностный. С опорой на автобиографию, воспоминания поэта и труды исследователей раскрываются ключевые контрасты, отражающие жизнь М. Цветаевой, начиная с детских лет.

Annotation. The factors of reality are considered as one of the criteria that determined the formation of contrast as a lexical regulatory universal in the work of M. I. Tsvetaeva. The factors of reality include: biographical, historical and intrapersonal. Relying on the autobiography, the poet's memoirs and the works of researchers, the key contrasts reflecting the life of M. Tsvetaeva, starting from childhood, are revealed.

Контраст в поэзии М. И. Цветаевой определяется нами как лексическая регулятивная универсалия. Под *лексическими регулятивными универсалиями (ЛРУ)* понимается вербальное воплощение в характерных для автора текста средствах и способах регулятивности особенностей мышления личности и способа её взаимодействия с адресатом [1, с. 42].

Лексические регулятивные универсалии отражают способы познания и взаимодействия автора с окружающим миром, обусловлены *частотностью в творчестве автора, устойчивостью (во времени), динамикой – изменяемостью/неизменяемостью (авторской реакции, оценки, отношения), факторами реальной действительности.*

Факторы реальной действительности выступают в данном случае значимым критерием для выявления лексических регулятивных универсалий в творчестве художника слова, и лишь при условии установления причинно-следственной связи между контекстом реальной жизни и воплощением в характерных для автора текста средствах и способах регулятивности особенностей мышления личности, сформированных под воздействием событий реальной жизни, исторического контекста и пр., можно говорить о наличии в творчестве автора той или иной лексической регулятивной универсалии.

К факторам реальной действительности, влияющим на появление лексических регулятивных универсалий, относятся биографические, связанные с событиями, обстоятельствами частной жизни автора; исторические, отражающие события эпохи на уровне государства

и мира; *внутриличностные*, связанные с мыслительной деятельностью автора, его реакцией на внешние стимулы, рефлексией, психологическим состоянием и т. д.

Факторы реальной действительности при этом рассматриваются с психологической точки зрения как «воспринимаемые через ощущение, их образное представление через хранящиеся в памяти понятия, сопоставление старых и новых понятий между собой и формулировку выводов, субъективного и эмоционально окрашенного отклика по поводу сделанных выводов» [2]. Согласно проведенному нами исследованию, они оказывают колоссальное влияние на трансформацию разных аспектов смыслового содержания тем в поэзии М. И. Цветаевой при общей их устойчивости в разных периодах творчества поэта и частотностью их употребления с точки зрения смены авторского восприятия, оценки, отношения (к человеку, явлению, ситуации, сфере жизни и пр.).

Остановимся более подробно на контрастах, отражающих жизнь М. Цветаевой, начиная с детских лет. За основу исследования взяты примеры из автобиографии, воспоминаний Цветаевой [3; 4] и труды исследователей [5; 6], которые служат обоснованием формирования именно контраста как характерного для Цветаевой способа познания и взаимодействия с окружающим миром.

Важным источником контрастов в жизни и мировосприятии Цветаевой являются факторы *биографический* и *внутриличностный*.

В доме маленькой Муси (как называли Марину Цветаеву домашние) с детства было привычным разделение вещей на **«Наше»** и **«иловой-ское»**, **Валерино**, потому что *«раньше, давно, у отца была другая жена – молодая, красивая, прекрасная певица – кажется, она даже выступала на сцене? – мать Валерии и Андрея. Потом она умерла, совсем молодой, как и мать нашей матери, чей портрет в гостиной, – вот почему у нас не бабушка, а Тетя. Лёре было восемь лет, а Андрюша только что родился. И тогда наша мать вышла замуж за отца: молодая, необыкновенная – за немолодого и самого обычного профессора. Душа матери жаждала подвига, и она искала его в жертве ради чужих детей... Потом родились мы – Марина и Ася»* [5, с. 18].

Контраст «свой» – «чужой» в жизни юной Марины Цветаевой появился и обозначился очень рано. Вещи в доме «свои» и «чужие», родственники – «свои» и «чужие». «Свой» дедушка – «папаша» матери Александр Данилович Мейн с женой, которую мать почему-то называет «Тетя» [5, с. 17], «добрый, он привозит подарки всем детям и иногда катает их на собственных лошадях». «Чужой» дедушка – Иловайский, «он приходит один и почему-то дедушка только старшим – сестре Валерии и брату Андрею», «подарков не приносит, и кажется, вообще ничего не замечает вокруг, во всяком случае, никогда не отличает Аси от Марины, хотя они совсем не похожи» [5, с. 17].

Воспитание, которое получила Марина Цветаева от матери, Марины Александровны, оказало большое влияние на восприятие мира будущим поэтом. Одним из ключевых постулатов в воспитании было следующее: «Раз и навсегда было определено, что важно лишь духовное: искусство, природа, честь и честность. Религия не навязывалась» [5, с. 34]; «материальное, внешнее считалось низким и недостойным, Мария Александровна хотела внушить презрение к нему» [5, с. 36]. Возможно, из этого принципа произошло противопоставление в поэзии М. И. Цветаевой «внешнего» – «внутреннему», «духовного» – «материальному».

Противопоставление «себя» (Марины) сестре «Асе» по принципу «мое» – «Асино», «свое» – «чужое», по принципу деления вещей, людей и того, что дорого сердцу, возникло тоже очень рано. Цветаева обращается к воспоминанию о своем мироощущении детства в автобиографическом рассказе «Хлыстовки» (1934 г.), сюжетной основой становится проблема любви и ее отсутствия – дилемма, ставящая юную Марину в позицию неприятия окружающего, создающая ее противоречивое отношение к миру. В сознании Цветаевой с детства родные и знакомые люди делятся на «разные категории».

В рассказе на одной стороне – родной дом и семья, где много запретов, отторжений («...мать нам словами никогда ничего не запрещала. Глазами – все»); на другой – дом соседок Хлыстовок. Противопоставление домочадцев – Хлыстовкам (две сестры Кирилловны) можно рассматривать на более широком уровне – противопоставле-

ния двух миров: «Это был не вход, а переход: от нас (одинокого дома в одинокой природе) – туда (к людям, – на почту, на ярмарку, на пристань, в лавку Наткина, позже – на городской бульвар) – средостояние, междуцарствие, промежуточная зона. И, вдруг, озарение: а ведь не вход, не переход, – выход! (Ведь первый дом – всегда последний дом!) И не только из города Тарусы выход, – из всех городов! Из всех Тарус, стен, уз, из собственного имени, из собственной кожи – выход! Из всякой плоти – в простор». Здесь четко прослеживается осознание героиней Мусей дома как одинокого заключения, а выход из него, за его пределы, туда, где живут люди (и с ними Хлыстовки), – как свободу. Выход оказывался сродни раю.

«Своих – ни папы, ни мамы, ни бонны, ни няни, ни Леры, ни Андрюши, ни Аси, я в том раю не помню. Я была – их», – пишет в рассказе М. Цветаева. Под местоимением «их» имеются в виду Хлыстовки.

Помимо данных оппозиций следует отметить разделение Мусей людей вокруг себя по принципу «любит – не любит».

«Кирилловны, удостоверяю это с усладой, меня любили больше всех, именно за мою жадность, цветущность, крепость – Андрюша был высок и худ, Ася мала и худая – за то, что такую вот дочку они бы, бездетные, хотели, одну – на всех!

– А меня хлыстовки больше любят! – с этой мыслью я, обиженная, засыпала. – Асю больше мама, Августа Ивановна, няня (папа по доброте «больше любил» – всех), а меня зато – дедушка и хлыстовки! Поблагодарил бы меня чинный остезийский выходец за такое объединение!».

За счет этого происходит разделение «домашних» на два лагеря: дедушка и Хлыстовки / мама, Августа Ивановна, няня.

Себя Марина противопоставляет брату Андрюше и младшей сестре Асе: «жадность, цветущность, крепость» героини оказывается в оппозиции худобе и росту («высок», «мала») брата и сестры.

Спустя время, когда повзрослевшая Цветаева вышла замуж и родила двух дочерей – **Алю и Ирину**, это сравнение-противопоставление «**Ася**» – «**Марина**» «передалось по наследству и им», как двум совершенно не похожим друг на друга сестрам, с совершен-

но разными судьбами. В письмах, когда младшая дочь Ирина умерла в приюте от голода, Цветаева пишет: «*И – наконец – я была так покинута! У всех есть кто-то: муж, отец, брат – у меня была только Аля, и Аля была больна, и я вся ушла в ее болезнь – и вот Бог наказал...*» – как будто Ирины и тогда не было. «С людьми мне сейчас плохо, никто меня не любит, никто – просто – не жалеет, чувствую все, что обо мне думают, это тяжело... – Никто не думает о том, что я ведь тоже человек...» [5, с. 251]. И опять здесь можно увидеть контрасты: «все» – «я», у всех есть – «муж, отец, брат», а у Цветаевой – только Аля, и то она больна. **Одна – против всех.** Острое одиночество Цветаевой с детства, пронесенное ею через годы, сквозь стихи, через всю поэзию [7].

Важны и исторические факторы, внешние обстоятельства, повлиявшие на автора:

1. Гражданская война, когда все общество разделилось – **«Белые»/«красные», «свой» (наши) – «чужие»:** «*Все рядом лежат – / Не развестись межгой. / Поглядеть: солдат. / Где свой, где чужой? / Белый был – красным стал: / Кровь обагрила. / Красным был – белый стал: / Смерть побелила*» (1920), «*Дом, пропитан насквозь! / Нашей затхло-сти запах! Как с ватой / В ухе – спелось, сжилось! / Не чужими: своими захватан!*» («Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь!..», 1922).

2. Столкновение людей, идей и разделение России на **Россию прошлого, Царскую – Россию новую, советскую:** «*Русь – прадедам, Россия – нам, / Вам – просветители пещер – / Призывное: СССР...*» («Ни к городу и ни к селу», 1932), «**наш» век (уходящего поколения) и «ваш» век (детей и правнуков, потомков):** «*Наша совесть – не ваша совесть! / Полно! – Вольно! – О всем забыв, / Дети, сами пишите повесть / Дней своих и страстей своих*»; «*Ваш край, ваш век, ваш день, ваш час, / Наш грех, наш крест, наш спор, наш – / Гнев...*» (цикл «Стихи к сыну», 1932).

3. Столкновение религии и идеологии, когда на смену **веры в Бога** пришло **безбожие и атеизм.** Из дневниковых записей Цветаевой: «*Ночной спор о Боге. Ненависть солдат к монахам и любовь к Богу. – «Зачем доску целовать? Коли хочешь молиться, молись один!*».

Солдат – офицеру (типа бывшего лицеиста):

– «А Вы, товарищ, какой веры придерживаетесь?».

Из темноты – ответ: «Я спирт социалистической партии»
(«Записные книжки», 1918).

4. Актуализация в обществе понятий «добра» и «зла», «смерти» и «жизни»: смерть друзей поэта, смерть близких.

5. Эмиграция Цветаевой и появление в ее жизни «**родины-чужбины**». М. Цветаева жила в эмиграции с 1922 по 1939 г. С начала 1930-х тоска и горечь не покидают поэта, для которого «Родина» давно превратилась в «Чужбину». Так, в стихотворении 1932 г. «Родина» Цветаева восклицает: «Чужбина, родина моя! / Даль, прирожденная, как боль, / Настолько родина и столь – / Рок, что повсюду, через всю / Даль – всю ее с собой несут!»

6. Жизнь в социуме, отношения поэта с другими людьми, **я – ты, мужчина – женщина, любовь – ненависть, влюбленность, страсть.**

7. В 1930-е гг. отмечено обращение Цветаевой к написанию автобиографической прозы и усиление контраста «себя» и «мира» воспоминаниями детства, обострение ощущения отверженности и чуждости этому веку, людям – даже близким.

8. Непризнанность современниками, внутренняя драма и острое противопоставление **себя – веку**, желание «выбраться» из всего происходящего – и уйти в поэзию, подняться куда-то «над» всеми ужасами эпохи: «*Век мой – яд мой, век мой – вред мой, / Век мой – враг мой, век мой – ад*» («О поэте не подумал век...», 1934) и др.

Таким образом, контраст как лексическая регулятивная универсалия в поэзии М. И. Цветаевой оказывается обусловленным обстоятельствами и событиями в жизни поэта с самого рождения, «идет из семьи» и подкрепляется внешними, историческими факторами. Это подтверждает значимость в методике определения лексических регулятивных универсалий в творчестве того или иного автора обращения к факторам реальной действительности и их влиянию на формирование мировоззрения творческой личности.

Литература

1. Кабанина, О. Л. Лексические регулятивные универсалии: к определению понятия / О. Л. Кабанина // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). – 2018. – Вып. 4 (193). – С. 41–45.
2. Гуленко, В. В. Выразительные возможности психических состояний. Человек и мир языком универсалий / В. В. Гуленко. – Киев, 1995. – URL: <http://www.socioniko.net/ru/articles/vyraz.html> (дата обращения: 25.09.2017).
3. Цветаева, М. И. Неизданное. Записные книжки : в 2 т. – Т. I: 1913–1919 / М. И. Цветаева ; подгот. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной и М. Г. Крутиковой. – Москва : Эллис Лак, 2000. – 560 с.
4. Цветаева, М. И. Нет на земле второго Вас...: Проза, стихи, письма: 1911–1925 / М. И. Цветаева, С. Я. Эфрон ; предисл. Л. Аннинского, примеч. Л. Поликовой, сост. Е. Толкачевой. – Москва : Вагриус, 2007. – 304 с.
5. Швейцер, В. Быт и бытие Марины Цветаевой / В. Швейцер. – Москва : Интерпринт, 1992. – 544 с.
6. Саакянц, А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество / А. Саакянц. – Москва : Эллис Лак, 1999. – 816 с.
7. Кабанина, О. Л. Контраст как лексическая регулятивная универсалия в поэзии М. И. Цветаевой : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Л. Кабанина. – Томск, 2022. – 23 с.

УДК 811.161.1 42
ГРНТИ 16.21.55

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕГУЛЯТИВНОСТЬ
В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ О СИБИРИ**

**LEXICAL REGULATION IN ADVERTISING TEXTS
ABOUT SIBERIA**

Т. А. Федосенко

*ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»,
Томск, Россия*

Научный руководитель: А. В. Болотнов, д-р филол. наук, проф.

Ключевые слова: регулятивное средство, лексическая регулятивность текста, коммуникативная стилистика, текст, реклама, рекламный текст, Сибирь

Keywords: means of regulation, lexical regularity of the text, communicative stylistics, text, advertising, advertising text, Siberia

Аннотация. Рассматривается специфика рекламных текстов, их функции и роль в современной медиакоммуникации. На материале 10 рекламных текстов о Сибири выявлены основные лексические средства регулятивности, значимые для определения содержания и структуры концепта *Сибирь*.
Annotation. The article discusses the specifics of advertising texts, their functions and role in modern media communication. Based on the material of 10 advertising texts about Siberia, the main lexical means of regulation that are significant for determining the content and structure of the concept of Siberia have been identified.

Одним из развивающихся современных направлений коммуникативной стилистики текста является теория регулятивности, которая основана «на рассмотрении регулятивности как системного текстового качества, отражающего способность текста, воздействуя на читателя, направлять его интерпретационную деятельность» [1, с. 31]. Целесообразно и результативно применить некоторые основные принципы теории регулятивности при изучении рекламных текстов. Их коммуникативная природа и воздействующая функция, отличающиеся от художественных текстов, представляют особый интерес в плане использования различных средств регулятивности.

В любой стране существуют свои способы оформления рекламы, которые строятся на культурном коде, т. е. специфика рекламных текстов и самой рекламы обусловлена менталитетом социума.

Одно из главных отличий рекламных текстов от художественных – направленный «адресатоцентризм» [2, с. 109], т. е. в этом случае диалог автора и адресата является однонаправленным, а удачной коммуникацией будет считаться покупка или продвижение рекламируемого продукта/услуги. Задача автора рекламы сужается: пропадает эстетическая составляющая, характерная для художественных текстов. Теперь автор должен воздействовать на аудиторию и максимально выгодно информировать о своем продукте/услуге. Таким образом, реклама и рекламные тексты в частности носят манипулятивный характер.

Перечисленные выше особенности рекламного текста, так или иначе, должны проявляться в использовании определенных регулятивных средств лингвистического и экстралингвистического уровней. Несмотря на то, что регулятивность имеет комплексный характер,

можно выделить доминанту регулятивности, преобладающие регулятивные средства одного уровня [3, с. 34]. Данное исследование основывается на анализе лексических регулятивных средств, так как весь комплекс различных регулятивных средств невозможно рассмотреть в рамках одной статьи. Ее целью является рассмотрение средств лексической регулятивности в рекламных текстах о Сибири.

С географической точки зрения, Сибирь, как отмечает Е. М. Поспелов, это территория России, простирающаяся от Урала на западе до хребтов тихоокеанского водораздела на востоке и от берегов Северного Ледовитого океана на севере до границы с Центральной Азией на юге [4]. Но в представлении многих людей Сибирь – это образ, а не просто географическое понятие. Для тех, кто здесь никогда не был, все это огромное пространство ассоциируется со стереотипными представлениями – снег, мороз, огромные расстояния, дикость. Но на самом деле Сибирь многолика. Ранее нами рассматривались содержание и структура концепта Сибирь по данным Национального корпуса русского языка и ассоциативных словарей [5].

Попытаемся дополнить этот образ, опираясь на анализ лексических регулятивных средств в рекламных текстах о Сибири некоторых региональных производителей.

Для исследования методом сплошной выборки были отобраны рекламные тексты 10 производителей [6–15]:

1) выпускающих продукты питания («Сибирский кедр», г. Томск; «Привет из Сибири», г. Кемерово; «Сибирский продукт», г. Барнаул; «Сила Сибири», г. Москва; «Сибирский знахарь», г. Томск; «Тайга Сибири», г. Красноярск; «Планета Сибири», г. Москва; «Сибирский продукт», г. Томск);

2) выпускающих детские игрушки («Томики», г. Томск);

3) предоставляющих услуги (санаторий «Курорт Белокуриха», г. Белокуриха).

Исследование рассматриваемых текстов позволяет выявить некоторые особенности: слова определенных тематических групп используются с целью акцентировать внимание на лучших сторонах рекламируемого продукта/услуги, что свойственно рекламному тексту.

В анализируемом материале можно выделить следующие лексико-тематические группы оценочного характера, выполняющие регулятивную функцию в целях воздействия, отражающие разные грани концепта «Сибирь»:

1) самобытность («*непривычный вкус*», «для Сибиряков – *вкус детства*», «*самобытных производств*», «*экзотические сиропы*», «*сибирские начинки*», «с сибирским *колоритом*», «в *первозданном* виде», «*сибирские дикоросы*», «*первозданный вкус*»);

2) здоровье («*чистейшее место*», «*оздоровительной составляющей*», «для Вашего *здоровья*», «*экологичность*», «экологически *чистые для здоровья*», «*диетическая продукция*», «*свежие продукты*», «*целитель*», «*чистый воздух*», «*натурпродукты*», «*пользу сибирских дикоросов*», «*стерильная чистота*», «*продукты полезные, свежайшие*», «*целебных источников*», «*возрождается человек*», «*играйте на здоровье*»);

3) ценность («*несметные богатства*», «*витаминами сокровищницами*», «с *дарами лесов и гор*», «*ценные вещи*», «*дары природы*», «*сибирский клад*», «*дарит щедрая природа*», «*питательную ценность*», «*смысл жизни*», «*величественная природа*», «по достоинству *оценить*», «*спустимся в кладовые наши*», «*природа одарила край*», «*бесценное деревянное зодчество*», «*ценность – семья*»);

4) связь с прошлым, с историей, традициями («*воспроизвести традиции*», «*древние знания*», «*мудрость сибиряков*», «*старинных рецептов*», «*славится традициями работы с деревом*»).

Самая же яркая межтекстовая смысловая парадигма синонимического типа включает регулятивные средства с общим семантическим компонентом «ценность», которая представлена следующими лексемами: «*богатства*», «*сокровищница*», «*клад*», «*смысл*», «*семья*».

В рекламных текстах о Сибири, актуализирующих природу края, применяются экспрессивные регулятивные средства и структуры, персонифицирующие сибирские реалии. Об этом свидетельствует использование в рекламе таких художественно-изобразительных средств, как *метафора* («из сердца Сибири»), *метонимия* («почувствуйте Сибирь»), *олицетворения* («сила Сибири», «Сибирь рожда-

ет», «дарит щедрая сибирская природа», «Сибирь-красавица», «сибирский край не признаёт фальши», «вода готова дарить», «вода нашла путь», «природа одарила», «общение с природой»), эпитеты («суровый сибирский край», «величественная природа», «благоухание полей», «живая вода»).

Таким образом, анализ лексических средств регулятивности показал, что вне зависимости от географического фактора (города Томск, Барнаул, Красноярск, Москва) авторы рекламных текстов в целях воздействия на массового адресата при создании образа Сибири используют особые лексико-тематические группы оценочного характера, выполняющие регулятивную функцию. Благодаря употреблению регулятивных средств актуализируется внимание на позитивной характеристике Сибири, расширяется представление о данном концепте, в котором акцентируются такие признаки, как *самобытность*, *здоровье*, *связь с прошлым*, *ценность*, а сама Сибирь и её природа олицетворяются.

Литература

1. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика художественного текста : лексическая структура и идиостиль : коллективная монография / Н. С. Болотнова, И. И. Бабенко, А. А. Васильева и др. – Томск : ТГПУ, 2001. – 331 с.
2. Орлова, О. В. К вопросу о специфике рекламного текста как объекта лингвистического анализа / О. В. Орлова // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). – 2007. – Вып. 2 (65). – С. 108–110.
3. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста / Н. С. Болотнова // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). – 2011. – Вып. 3 (105). – С. 34–40.
4. Поспелов, Е. М. Географические названия мира : Топонимический словарь / Е. М. Поспелов. – Москва : АСТ, 2001. – 512 с.
5. Федосенко, Т. А. Содержание и структура концепта «Сибирь» (по данным русского национального корпуса и словарей) / Т. А. Федосенко // Наука и образование : материалы XXIV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Томск, 14–22 апреля 2022 г.) : в 3 т. – Том 1 : Филология и филологическое образование. Актуальные вопросы теории и практики преподавания истории и права / науч. ред.: Н. С. Болотнова, Т. В. Галкина и др. – Томск : ТГПУ, 2022. – С. 128–131.

6. Сибирский кедр. – URL: <https://ecofactory.ru/#block1851> (дата обращения: 20.12.2022).
7. Привет из Сибири. – URL: <https://hellofromsiberia.ru/about> (дата обращения: 20.12.2022).
8. Сибирский продукт. – URL: <https://sib-product.ru/about-us/> (дата обращения: 20.12.2022).
9. Сила Сибири. – URL: <https://sibifood.ru/o-nas> (дата обращения: 10.01.2023).
10. Сибирский знахарь. – URL: <https://izsibiri.com/page/kontakty> (дата обращения: 10.01.2023).
11. Тайга Сибири. – URL: <https://taiga-sibiri.ru/> (дата обращения: 15.01.2023).
12. Планета Сибири. – URL: <https://planetsib.ru/company/> (дата обращения: 15.01.2023).
13. Сибирский продукт. – URL: <https://planetsib.ru/company/> (дата обращения: 15.01.2023).
14. Томик. – URL: <https://tomik.ru/about/> (дата обращения: 15.01.2023).
15. Курорт Белокуриха. – URL: <https://www.belokurikha.ru/about/> (дата обращения: 15.01.2023).

УДК 811.161.1'42
ГРНТИ 16.21.33

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕГУЛЯТИВНОСТЬ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОДТЕКСТА В СТИХАХ И. Ф. АННЕНСКОГО

LEXICAL REGULATION AS A METHOD OF REPRESENTA- TION OF SUBTEXT IN POEMS I. F. ANNENSKY

М. В. Бондарев

*Кузбасский гуманитарно-педагогический институт
Кемеровского государственного университета, Новокузнецк, Россия
ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»,
Томск, Россия*

Научный руководитель: А. В. Болотнов, д-р филол. наук, проф.

Ключевые слова: И. Анненский, подтекст, теория регулятивности, доминанта регулятивности, поэт-символист

Keywords: I. Annensky, subtext, dominant regularity, symbolist poet

Аннотация. Проанализировано одно из регулятивных средств имплицитного типа в творчестве И. Ф. Анненского. Выявлена такая индивидуально-

авторская доминанта регулятивности, как заглавие произведения, включающее жанровое определение текста.

Annotation. The article is devoted to the analysis of one of the regulatory means of the implicit type in the work of I. F. Annensky. Such individual-author's dominant of regulativeness as the title of the work, including the genre definition of the text, has been revealed.

Художественный текст является языковым способом репрезентации картины мира автора. Такой способ репрезентации отражает особенности художественного мышления поэта. При создании текста актуализируются различные аспекты миропонимания автора: ассоциативные, эстетические, культурные, духовные и другие. Это находит отражение в языковой организации произведения. Объект действительности интерпретируется читателем в зависимости от когнитивных и коммуникативных особенностей адресата и речевой ситуации. Художественный текст – форма коммуникации, однако важное место в такой коммуникации занимают опосредованные способы передачи информации. Одним из таких способов является сознательное/бессознательное воздействие на базовые эмоции человека: страх, гнев, печаль, ненависть, радость, любопытство.

Художественный текст как носитель информации направлен на активацию мыслительной деятельности человека. И чем сильнее вызванная эмоция, тем большее воздействие оказывает произведение искусства на формирование/изменение картины мира читателя. При совпадении некоторых закономерностей происходит катарсис, который не всегда в полной мере может быть осознан человеком. Таким образом, сложно объяснить интерес к творчеству того или иного писателя. Конечно, мы можем в большей или меньшей степени осознать фабулу, образную систему, субъекта речи и другие составляющие, однако вся совокупность воздействующих на картину мира читателя средств часто остается в подтексте.

Средства репрезентации картины мира отличаются в зависимости от мимесиса в текстах реалистических и нереалистических направлений литературы. Так, например, в литературе абсурда художественная деталь или образ могут выходить за рамки реализма и логики (потеря носа в абсурдистской повести «Нос» Н. В. Гоголя является лишь

триггером социальной драмы). Абсурд или парадокс способны вызвать в сознании человека ассоциативные и логические цепочки, которые могли быть не реализованы на основе критического мышления. При этом репрезентация картины мира происходит на основе уникального мыслительного процесса. Такой процесс, схваченный писателем в слове, называется потоком сознания – «изобразительный литературный прием – прямое воспроизведение процессов душевной жизни, предельная форма «внутреннего монолога» [1].

Создавая художественное произведение, писатель сознательно, подсознательно или бессознательно оставляет подсказки в тексте, способные направить читателя на осмысление действительности, близкое к авторскому. Благодаря этому происходит диалог автора и читателя не только через время и расстояние, но и через эпохи, ведь что такое искусство, как не диалог между людьми, которые могут никогда не встретиться?

Средства репрезентации авторской картины мира способны подсказать читателям направление мысли, являясь в каком-то смысле триггерами мыслительного процесса, определенного автором (сознательно, подсознательно или несознательно). Однако триггер срабатывает только в том случае, если читатель имеет определенный опыт и знания. При этом подтекстовая информация представляет собой не единое полотно смысла, а совокупность смыслов, связанных между собой в разной степени. Так, можно выявить фреймы и паттерны.

Данные термины применяются в различных сферах, поэтому не имеют однозначных определений. В когнитивной лингвистике фреймом называется понятие, означающее в общем виде смысловую рамку, используемую человеком для понимания чего-либо, и действий в рамках этого понимания, целостность, в рамках которой люди осмысливают себя в мире [2]. Паттерн (англ. pattern от лат. patronus – модель, образец для подражания, шаблон, стиль, узор, выкройка) – в современной методологии социогуманитарного знания – термин, близкий по содержательным и смысловым характеристикам к понятию «концепция» [3]. При этом подчеркиваются два аспекта паттерна: 1) «моментальность «схватывания»; 2) целостность [3].

Таким образом, в лингвистических и социально-гуманитарных науках выделяется множество понятий, обозначающих утвержденную модель, способную быть моментально узнанной. Подобные структуры выделяются в коммуникативной лингвистике Н. С. Болотновой: регулятивность как системное качество текста способна воздействовать на «интерпретационную деятельность» адресата, то есть читателя [4]. «Регулятивные структуры» способны *регулировать* «психологические операции», которые запускаются во время «коммуникации» читателя с текстом. При этом важно подчеркнуть, что регулятивные средства, как отмечает Н. С. Болотнова, могут быть нетождественными единицам узуса, так как это порождение конкретной текстовой системы, отражающей авторское мировидение, его творческий замысел [4].

Н. С. Болотнова выделяет «лингвистические (ритмико-звуковые, лексические, морфологические, словообразовательные, синтаксические) и экстралингвистические (композиционные, логические, графические) регулятивные средства [4]. Кроме того, можно говорить о «доминанте регулятивности» – преобладании регулятивов одного типа, что может являться проявлением идиостиля конкретного писателя.

Например, лирика И. Ф. Анненского отличается использованием большого количества регулятивных средств и структур, среди которых есть регулятивы имплицитного типа. В этой роли могут выступать названия произведений, включающие определение их жанра. Рассмотрим в качестве примера стихотворение «Октябрьский миф» (1910):

*Мне тоскливо. Мне невмочь,
Я шаги слепого слышу:
Надо мною он всю ночь
Оступается о крышу.*

*И мои ль, не знаю, жгут
Сердце слёзы, или это
Те, которые бегут
У слепого без ответа,*

*Что бегут из мутных глаз
По щекам его поблёклым,
И в глухой полночный час
Растекаются по стёклам.*

В данном произведении уже в заглавии – сильной позиции текста – автором вынесено жанровое определение – миф. Миф (от греч. *mythos* – предание, сказание)... сказание как символическое выражение некоторых событий, <...> передающее представления (*народ.* – *М. Б.*) о происхождении мира, о явлениях природы [1]. Таким образом, поэт подчеркивает сходство стихотворения с мифом (каким?), давая читателю установку искать в стихотворении черты мифа – синкретического представления о мире. Этот поиск должен включать опору на всю систему художественного произведения и его разные уровни (образный, композиционный, идейно-тематический). Многие характерные черты мифа прямо или косвенно заметны в стихотворении поэта.

1. В мифах выделяется неспособность отделения человека от природы [5]. То же мы видим и в строках «*Я шаги слепого слышу*» [6] – так лирический герой называет редкие капли дождя, упавшие на крышу. Происходит очеловечивание природных образов.

2. Мифическое мышление неотъемлемо от эмоций [5]. Уже первая строка стихотворения «*Мне тоскливо. Мне невмочь*» [6] показывает, насколько эмоционально будет повествование.

3. В мифе отсутствует чёткое разделение объекта и субъекта, предмета и знака, вещи и слова [5], что проявляется в смешении образов произведения: «*И мои ль, не знаю, слёзы, или те <...> у слепого*» [6]. Слепой – это не только дождь, но и внутреннее состояние лирического героя. Происходит смешение образов, которое не поддается логическому объяснению, напоминая скорее эмоциональную эстафету.

Таким образом, можно говорить о мифической сущности данного стихотворения, которая могла остаться незамеченной читателями, если бы поэт не указал в заглавии определение жанра, что является в данном случае триггером мыслительного процесса или одним из важ-

ных средств регулятивности, занимая сильную позицию названия стихотворения.

И. Ф. Анненский неоднократно давал жанровые определения в заглавиях своих произведений. Это и различные романсы («Романс без музыки», «Весенний романс», «Осенний романс» [6]), сонеты («Мучительный сонет», второй и третий «мучительный сонет» [6]), ямбы, баллады, сказка и «Canzone» (все произведения опубликованы в 1910 г. – М. Б.) [6]. Как показывает анализ стихотворений, такие *жанровые* заглавия указывают на формальное и содержательное сходство с произведениями разных эпох и литературных приемов. Традиция давать произведениям заглавия/подзаголовки с жанровым определением известна давно: «Божественная комедия» Данте, поэма «Мёртвые души» Н. В. Гоголя, «Поэма без героя» А. А. Ахматовой. Однако творчество И. Ф. Анненского отличается регулярными экспериментами с жанровыми формами.

Так, в произведении «Январская сказка» (1910) поэт вновь обращается к доминантному регулятиву – определению жанра в названии текста. В данном примере это сказка. Сказка – один из основных жанров фольклора, эпическое, преимущественно прозаическое произведение волшебного, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел [1]. Кроме того, январь отличается большим количеством христианских и языческих праздников, которые отмечены в славянских календарях, в том числе в месяцеслове. Таким образом, само название месяца обладает огромным регулятивным потенциалом для выражения подтекстовой информации стихотворения и стимулирования ассоциативно-смысловой деятельности адресата. Читатель на ассоциативном уровне связывает январь с праздниками, чудесами, волшебством.

Жанровое определение «сказка» в названии произведения актуализирует подтекстовую информацию, воздействуя на мыслительные процессы адресата. Так, читатель ищет в сказке волшебство – и находит: «Светилась колдуньяна маска, / Постукивал мерно костыль...» [6]. Однако дальше субъект речи обращается к самой сказке: «Моя новогодняя сказка, / Последняя сказка, не ты ль?» [6], ставя риторич-

ческий вопрос: является ли эта сказка последней (в жизни лирического «Я» или, может, самого автора). Реалистическая картина мира вытесняет вымышленную, «сказочную», однако далее лирический герой вновь обращается к сказочному миру, наделяя цветы человеческими чертами (олицетворение характерно для волшебных сказок): «*Мы те же, что были, всё те же, / Мы будем, мы вечны... а ты?*» [6]. Вопрос «а ты?» адресуется не только лирическому «Я», но и подсознательно воспринимается читателем как обращение к нему. «*Мы, – говорят цветы, – вечны... а ты?*». Благодаря этому в смысловом развертывании текста актуализируется тема вечности и смерти. Так сказочный настрой стихотворения сменяется сугубо реалистическим повествованием, однако лирическое «Я» призывает молчать («молчите») и вновь возвращается в вымышленный мир сказки.

Таким образом, среди различных индивидуально-авторских маркеров подтекста в творчестве И. Ф. Анненского можно выделить в качестве важной доминанты регулятивности названия стихотворений, в которых содержится определение жанра произведения.

Литература

1. Современный толковый словарь / БСЭ. – Москва : Астрель : АСТ, 2003. – 1578 с.
2. Гофман, И. Анализ фреймов : эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман ; пер. с англ. ; под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой ; вступ. статья Г. С. Батыгина. – Москва : Институт социологии РАН, 2003. – 752 с. – ISBN 5-93947-011-4.
3. Большой толковый социологический словарь : Русско-английский, англо-русский : пер. с англ. – Т. 2: П–Я / Д. Джери, Дж. Джери. – Москва : Вече : АСТ, 1999. – 527 с. – (Collins). – ISBN 5-7838-0427-4.
4. Болотнова, Н. С. О типологии регулятивных структур в тексте как форме коммуникации / Н. С. Болотнова // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). – 2011. – Вып. 3 (105). – С. 34–40.
5. Пивоев, В. М. Мифологическое сознание как способ освоения мира / В. М. Пивоев. – Петрозаводск : Карелия, 1991. – 111 с.
6. Анненский, И. Ф. Вторая книга стихов (посмертная) / И. Ф. Анненский. – Москва : Грифъ, 1910 // Анненский, И. Ф. Избранные произведения / И. Ф. Анненский. – Ленинград : Художественная литература, 1988. – С. 60–126.

УДК 811.161.1'38'42–14
ГРНТИ 16.21.55

ОБ ИРОНИИ В ЛИРИКЕ А. КУШНЕРА В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ РЕГУЛЯТИВНОСТИ

ABOUT IRONY IN A. KUSHNER'S LYRICS IN THE ASPECT OF REGULATIVITY THEORY

В. Н. Кириченко

*ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»,
Томск, Россия*

Научный руководитель: С. М. Карпенко, канд. филол. наук, доцент

Ключевые слова: ирония, теория регулятивности, А. Кушнер, типы регулятивных структур, регулятивные средства, регулятивные структуры

Keywords: irony, regulativity theory, A. Kushner, types of regulatory structures regulatory means, regulatory structures

Аннотация. Рассматривается ирония в поэзии А. Кушнера в аспекте теории регулятивности. Выявлены монокомпонентные и поликомпонентные регулятивные структуры разных типов, на основе которых создаётся ирония в поэтических текстах автора. Определены наиболее типичные для лирики А. Кушнера регулятивные средства создания иронии, такие как сравнение, олицетворение, оксюморон, антитеза, метафора, гипербола.

Annotation. The article examines irony in A. Kushner's poetry in the aspect of regulativity theory. Monocomponent and multicomponent regulatory structures of different types are identified, on the basis of which irony is created in the author's poetic texts. The most typical regulatory means of creating irony for A. Kushner's lyrics, such as comparison, personification, oxymoron, antithesis, metaphor, hyperbole, are identified.

Ирония является междисциплинарным понятием, которое трактуется исследователями как стилистический прием [1, с. 121], эстетическая установка [2, с. 140], вид комического [3, с. 141], притворство [4, с. 48], способ жизни [4, с. 48], мировоззренческая позиция автора [5, с. 27–28]. В стилистике под иронией понимается «выражающее насмешку или лукавство иносказание, когда слово или высказывание

обретают в контексте речи значение, противоположное буквальному смыслу или отрицающее его, ставящее под сомнение» [6, с. 227]. Целью данной статьи является анализ иронии в лирике Александра Кушнера с позиций коммуникативной стилистики текста в аспекте теории регулятивности.

Творчество А. Кушнера рассматривают в рамках петербургской поэтической школы, к которой принадлежат Е. Рейн, А. Найман, В. Кривулин, Е. Шварц и др. Исследователи отмечают, что его лирике свойственна «светлая» акмеистическая ирония, которая помогала акмеистам «затрагивать самые серьёзные темы без лишнего пафоса и громких, высокопарных слов, задавать свои вопросы „без нажима и аффектации“» [7, с. 85]. В качестве одной из характерных черт поэзии Кушнера выделяют игровое начало [7, с. 85], что во многом обуславливает иронический контекст в его творчестве.

Ирония в поэтическом тексте выполняет регулятивную функцию, т. е. стимулирует познавательную активность читателя, актуализирует его ассоциации, образное мышление, а также содержательно-подтекстовую информацию, т. е. «скрытую», «извлекаемую из содержательно-фактуальной информации, благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения, а также благодаря способности предложений внутри содержательно-фактуальной информации приращивать смыслы» [8, с. 28]. Ирония рассматривается как имплицитное средство выражения насмешливой или отрицательной оценки какого-либо явления или лица. В поэтическом тексте ирония создаётся на основе регулятивных структур разных типов, отражающих связь регулятивных средств, выделяющихся на уровне элементов текста [9].

В поэзии А. Кушнера нами выявлены регулятивные структуры разных типов, участвующие в создании иронии: 1) монокомпонентные регулятивные структуры, основанные на использовании образных средств одного типа; 2) поликомпонентные регулятивные структуры, основанные на использовании изобразительно-выразительных средств языка разных типов и включающие несколько тропов; 3) поликомпонентные регулятивные структуры, основанные на использо-

вании изобразительно-выразительных средств языка разных типов и включающие тропы и фигуры речи.

Выбор регулятивных структур определяется регулятивной стратегией текстового развёртывания, отражающей «поэтапный процесс регулирования познавательной деятельности адресата средствами текста в целях эффективного общения с адресатом» [9, с. 104].

Рассмотрим регулятивные структуры, на основе которых создаётся иронический контекст в лирике А. Кушнера.

Монокомпонентные регулятивные структуры, основанные на использовании изобразительно-выразительных средств языка одного типа

Сравнение. В стихотворении «С утра по комнате кружа...», опубликованном в книге «Прямая речь» (1975) [10, с. 280], ирония создаётся при помощи сравнения, выраженного посредством аналогии между действиями человека и ласточки: *«С какой готовностью душа / Себе устраивает горе! / (Так лепит ласточка гнездо.) / Не отвлечет ее ничто»*. Привычка людей во всем искать плохое, придумывать себе очередную проблему сравнивается здесь со скрупулезностью ласточек в строительстве гнезд. Ирония лирического героя направлена на людей, которые любят переживать, страдать по любому поводу. Такие люди испытывают необходимость в ощущении любых эмоций, даже плохих, испытывая при этом наслаждение. От обычных вещей они не получают такого удовольствия, как от страданий: *«Напрасно день блестящ и чист, / Ее не манит клейкий лист, / Ни стол, ни книжная страница. / Какой плохой знаток людей / Сказал, что счастье нужно ей? / Лишь с горем можно так носиться»*. Глагол *носиться*, относящийся к разговорной лексике, употребляется в значении «с кем (чем). Быть увлеченным, привлекать усиленное внимание к кому-чему-н.» [11].

Олицетворение. В стихотворении «Дунай», вошедшем в книгу «Голос» (1978) [10, с. 19], для создания иронии при изображении реки Дунай используется олицетворение: *«Души не чая, пристрастясь к*

веселым винам»; «Он покапризничает в сумасбродной Вене, / Уйдет в Словакию, в ее лесах побродит»; «Всеобщий баловень!»; «Вертявый, влюбчивый, забывчивый»; «Что ж выговаривать и выпрямлять извины, / Взывать к серьезности, – а он и не старался! / А легкомыслие? – так у него счастливый / Нрав, легче Габсбургов, и долго жить собрался».

Олицетворение выражено глаголами «покапризничает», «уйдет», «побродит», деепричастием «пристрастясь», существительным «баловень», прилагательными «вертявый, влюбчивый, забывчивый». Таким образом, река Дунай наделяется поведением, которое свойственно человеку, она ассоциируется с непоседливым ребенком, баловнем. Ирония заключается в сравнении реки с ветреным, поверхностным человеком.

Ирония в стихотворении создается и с помощью языковой игры. Способность реки извиваться/изгибаться сравнивается с привычкой некоторых людей «прогибаться» (унижаться, терять достоинство) перед другими: *«Дунай, теряющий достоинство в изгибах, / Подобно некоторым женщинам, мужчинам, / Течет, во взбалмошных своих дубах и липах / Души не чая, пристрастясь к веселым винам».* Таким образом, в стихотворении используется многозначное слово «извиваться» (извиваться – «иметь не прямое, извилистое направление (книж.)» [12, с. 184]; извиваться – «(перенос.) поступать заискивающе, униженно добиваться (разг. устар.)» [12, с. 184]).

Оксюморон. В стихотворении «Быть нелюбимым! Боже мой!», опубликованном в сборнике «Прямая речь» (1975) [10, с. 279], лирический герой получает удовольствие от безответной любви. Он понимает свою эмоциональную зависимость от объекта любви, который относится к нему равнодушно, и иронизирует по поводу своего болезненного состояния. Ирония основана на оксюмороне: *«Какое счастье быть несчастным!»*, *«Какая мука, благодать / Сидеть с закушенной губою, / Раз десять на день умирать»*, *«Какая жизнь – сходить с ума!»*, *«Какое счастье – ждать письма / По месяцам – и не дожидаться».* Таким образом, неприятные чувства, эмоции от неразделенной любви не тяготят лирического героя. Он нашел вдохновение

в этом состоянии. Лирический герой говорит, что мог бы разлюбить, если бы захотел этого: «*Когда б я не был счастлив им, / Я б разлюбил тебя*». Таким образом, он испытывает счастье от своего несчастья.

Поликомпонентные регулятивные структуры, включающие несколько тропов

Сравнение, олицетворение, метафора, гипербола. В стихотворении «Я делал контурные карты...», опубликованном в книге «Голос» (1978) [10, с. 17], описывается то, как отец вместо сына выполняет домашнее задание по географии, заполняет контурную карту. Ирония заключается в том, что лирический герой преувеличивает значимость своей работы, обводя границы стран, гор и т. д. на карте. Он думает, что из-за его неровных линий может поменяться граница страны: «*И страшно было ошибиться, / Позволить пыл себе и прыть, / В пески безвыходно зарыться, / В пучине город потопить*». Ирония в данном контексте создаётся на основе метафоры и гиперболы. Лирический герой оживляет страны («*И Филиппины, как улитка, / Мне заползали под рукав*»), сравнивает их с предметами («*Границу Бирмы обводил; / Она петляла, словно нитка / На пиджаке, к нему пристав*»). Заполнение контурной карты в стихотворении сравнивается с путешествием. Для этого используются глаголы движения *заходить*, *зависать* («*Я делал контурные карты / За сына, то есть заходил / С карандашом в Тибет и Татры*»), «*Не знали жители Манилы, / Что я над ними зависал, / Менял то грифель, то чернила / И буквы мелко писал*»).

Оксюморон, антитеза, антифразис. В стихотворении «На телеграфе», вошедшем в книгу «Первое впечатление» (1962) [10, с. 183], лирический герой иронизирует над способом написания сообщения в телеграмме, цена которого зависит от количества слов. За каждый символ, знак препинания необходимо платить. Ирония создаётся на основе оксюморона *грустен юмор*, антонимической парадигмы *жив – умер* и антифразиса *учат стилю*: «*На телеграфе грустен юмор. / Удобен способ телеграмм, / Но слово «жив» и слово «умер» / Равны*

по стоимости там // На телеграфе учат стилю. / Ни лишних слов, ни запятой».

Поликомпонентные регулятивные структуры, включающие тропы и фигуры речи

Сравнение и риторический вопрос. В стихотворении «Времена не выбирают» (из сборника «Голос» (1978) [10, с. 22]) для передачи иронического отношения лирического героя к людям, которые мечтают жить в другую эпоху, используется риторический вопрос: «*А при Грозном жить не хочешь? / Не мечтаешь о чуме / Флорентийской и проказе? / Хочешь ехать в первом классе, / А не в трюме, в полутьме?*». Обращаясь к истории, лирический герой хочет доказать, что настоящее время не является плохим: в любой исторический период происходят положительные и отрицательные события. Лирический герой иронизирует над людьми, которые жалуются на свою жизнь: «*Большой пошлости на свете / Нет, чем клянуть и пенять. / Будто можно те на эти, / Как на рынке, поменять*». При помощи сравнения как на рынке показана ирония над людьми, сетующими на время, в котором живут.

Поликомпонентная регулятивная структура, основанная на сопряжённости синтаксического параллелизма и сравнения

В стихотворении «Быть классиком» из цикла «Сложив крылья», опубликованном в книге «Голос» (1978) [10, с. 42]), для передачи иронии лирический герой употребляет сравнение. Бюсты классиков, стоящие в школьных кабинетах, сравниваются с чучелами птиц: «*Быть классиком – значит стоять на шкафу <...> / Так чучело ставят: бекаса, сову. / Стоишь вместо птицы*». Школьники воспринимают писателей-классиков не как живых людей, а как бюсты, которые находятся в кабинете русского языка и литературы: «*Быть классиком – в классе со шкафа смотреть / На школьников; им и запомнится Гоголь / Не странник, не праведник, даже не щеголь, / Не Гоголь, а*

Гоголя верхняя треть». Лирический герой обращает внимание на то, что многие современные люди не читают классические произведения и воспринимают их как что-то неактуальное, как артефакты, стоящие на полке. Автор иронизирует над стремлением молодых людей попасть в классики литературы: «О, юноши, пыль на лице, как чулок! / Быть классиком страшно, почти неприлично. / Не слышат: им хочется под потолок».

Таким образом, можно заключить, что ирония в поэзии А. С. Кушнера создаётся на основе регулятивных структур разных типов – монокомпонентных и поликомпонентных. Монокомпонентные регулятивные структуры состоят из одного изобразительно-выразительного средства – сравнения, олицетворения, оксюморона. Поликомпонентные регулятивные структуры включают несколько регулятивных средств – тропов и фигур речи. Иронический контекст в поэтических текстах А. Кушнера чаще создаётся на основе комплекса регулятивных средств – поликомпонентных регулятивных структур. Среди регулятивных средств, участвующих в создании иронии, для поэтических текстов автора характерны: сравнение, олицетворение, метафора, гипербола, оксюморон, риторический вопрос.

Литература

1. Солодилова, И. А. Оценочность иронических смыслов / И. А. Солодилова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – № 11 (172). – С. 121–127.
2. Печенихина, Е. А. Лексические средства выражения иронии у Эсы де Кейроша / Е. А. Печенихина // Вестник Московского государственного университета. – 2008. – № 4. Сер. 9. Филология. – С. 140–147.
3. Пикалова, Л. А. Особенности художественного воплощения иронии в тексте / Л. А. Пикалова, Ю. В. Кирдяшкина // Вестник Инновационного Евразийского университета. – 2012. – № 2 (46). – С. 141–145.
4. Беляева, Е. В. Структура иронического / Е. В. Беляева // Философия и социальные науки. – 2015. – № 1. – С. 47–52. – URL: <https://core.ac.uk/reader/38548367> (дата обращения: 06.01.2023).
5. Кучерявых, Ю. Н. Ирония как средство создания комического эффекта в тексте: нерелексивная и релексивная ироническая оценочность в художественных произведениях А. Т. Аверченко / Ю. Н. Кучерявых // Современные исследования социальных проблем. – 2018. – Т. 10, № 4. – Серия : Языкознание. – С. 24–37.

6. Сковородников, А. П. Ирония / А. П. Сковородников // Энциклопедический словарь-справочник : культура русской речи ; под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – С. 227–229.

7. Вытушняк, А. Н. Игра как проявление акмеистической иронии в лирике А. С. Кушнера / А. Н. Вытушняк // Мир русского слова. – 2011. – № 1. – С. 84–88.

8. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Москва : КомКнига, 2007. – 144 с.

9. Болотнова, Н. С. Регулятивные средства и структуры в поэтической деятельности / Н. С. Болотнова // Коммуникативная стилистика текста : лексическая регулятивность в текстовой деятельности : коллективная монография / Н. С. Болотнова, И. И. Бабенко, Е. А. Бакланова и др. ; под ред. Н. С. Болотновой. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2011. – С. 103–114.

10. Кушнер, А. С. Стихотворения / А. С. Кушнер. – Ленинград : Художественная литература, 1986. – 304 с.

11. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов : под ред. Н. Ю. Шведовой. – Москва : Азъ, 1992. – URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_m_o.txt (дата обращения: 06.01.2023).

12. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков ; под ред. А. И. Левина. – Москва : Аделант, 2014. – 800 с.

УДК 811.161.1'38'42:373.5.091.32

ГРНТИ 14.25.09

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В 6-м КЛАССЕ

LINGUOSTYLISTICAL ANALYSIS IN THE LESSONS RUSSIAN LANGUAGE IN THE 6TH CLASS

Н. В. Захарчевская

*ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»,
Томск, Россия*

Научный руководитель: Н. С. Болотнова, д-р филол. наук, проф.

Ключевые слова: лингвостилистический анализ, коммуникативная стилистика текста, внеурочная деятельность, смысловая интерпретация текста, поэтические тексты

Keywords: linguistic and stylistic analysis, communicative stylistics of the text, extracurricular activities, semantic interpretation of the text, poetic texts

Аннотация. Компетентностный подход в образовании предполагает формирование у обучающихся различных компетенций. Наиболее востребованной является коммуникативная компетенция. В средней школе на уроках русского языка эффективно включение в структуру занятия элементов лингвостилистического анализа, что способствует формированию у обучающихся навыков связной письменной речи и критического мышления. Предложен план лингвостилистического анализа, а также некоторые рекомендации по проведению урока на его основе этого анализа.

Annotation. Competency-based approach in education involves the formation of different competencies in students. The most demanded is the communicative competence. In secondary school, at the lessons of the Russian language, it is effective to include elements of linguo-stylistic analysis in the structure of the lesson, which contributes to the formation of students' skills in coherent written speech and critical thinking. The article proposes a plan for linguistic analysis and some recommendations about this lesson based on the analysis.

В современной педагогической практике анализ и интерпретация текста становятся особенно важными. Интерес к глубинному осмыслению художественного текста на уроках русского языка с учетом особенностей его регулятивной структуры с выходом на образный уровень обусловлено необходимостью развития у обучающихся коммуникативной и лингвистической компетенций, а также подготовкой обучающихся к ОГЭ в 9-м классе. Основной государственный экзамен включает в себя ряд заданий, предполагающих глубинное осмысление текста. Демонстрационные задания 7 и 8 ОГЭ 2023 г. предполагают работу со средствами выразительности, а также выполнение лингвистического анализа текста [1].

В настоящее время существует множество вариантов анализа текста, которые были успешно внедрены в школьную практику и показали свою эффективность. На наш взгляд, в 6-м классе особенно важен лингвостилистический анализ художественного целого, под которым нами, вслед за В. В. Виноградовым, понимается анализ, «при котором рассматривается, как образный строй выражается в художественной речевой системе произведения» [2]. Данный вид анализа занимает промежуточную позицию между лингвистическим и литературоведческим видами анализа, поскольку он позволяет осуществить перевод «слова-понятия в слово-образ (художественный)» [2]. Термин «худо-

жественно-образная речевая конкретизация» был введен в 1960-е гг. М. Н. Кожиной в качестве обозначения главной особенности художественной речи. Ключевое отличие художественно-образной речевой конкретизации состоит в том, что она призвана определить специфику художественной речи в ряду других функциональных стилей на основе ее базовых экстралингвистических факторов [3]. Поэтому ключевой функцией текста становится эстетическая функция. Анализ в данном случае – инструмент целостного исследования текста, что определяет актуальность его использования на уроках русского языка в средней общеобразовательной школе.

Важность глубинного осмысления текста с учетом его эстетической функции регламентирована и некоторыми нормативными документами. В федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования сделан акцент не только на формировании у обучающихся навыка глубинного анализа текста, но и на эстетическом воспитании школьников 5–9-х классов (развитие «восприимчивости к разным видам искусства», «понимание эмоционального воздействия искусства») [4, с. 32].

Примерная рабочая программа предметной области «Русский язык» предполагает проведение ряда уроков в 5–6-м классе, которые посвящены анализу текста с учетом его композиционных особенностей, микротем и абзацев, способов и средств связи предложений в тексте, а также использования различных языковых средств выразительности [5].

Опыт внедрения лингвостилистического анализа на уроках словесности был уже описан некоторыми учеными. Н. А. Кутняхова в своем диссертационном исследовании делает акцент на использовании данного вида анализа на уроках литературы в основной школе, выбирая в качестве материала для осмысления произведения М. А. Шолохова [6]. Г. П. Стуколкина считает, что лингвостилистический анализ художественного текста через систему образов является средством формирования речевых умений школьников при анализе прозаических миниатюр [7]. Практикующий учитель О. В. Гончар делает вывод о том, что применение элементов лингвостилистическо-

го анализа способствует формированию коммуникативной компетенции у обучающихся [8].

Стоит отметить и ценность текста как дидактического материала. Он всегда становился объектом внимания учителей-словесников на уроках русского языка и литературы в общеобразовательных учреждениях. Однако его рассматривали не как самостоятельную единицу, а лишь как контекст, в котором функционируют единицы разных уровней. Сейчас можно утверждать, что в соответствии с ФГОС и новой научной парадигмой акценты в обучении сменились. Текст стал рассматриваться как самостоятельный цельный дидактический материал. Благодаря текстоцентрическому подходу в преподавании школьники учатся интерпретационной деятельности и созданию собственных текстов.

На основе изучения предшествующего опыта исследователей и педагогов можно сделать вывод, что применение лингвостилистического анализа поэтического текста в основной школе не было широко апробировано ранее, хотя потенциал таких произведений искусства велик.

Поэтический текст отличается сложной структурой, образностью и неоднозначностью понимания. Чтобы понять авторский замысел, читателю следует «вступить в диалог с текстом», поэтому вопрос о диалогичности является актуальным. Структура кодов бывает сложна, она включает в себя языковой, предметный, коммуникативный и эстетические коды, что требует от читателя высокого уровня подготовки, поэтому раскрыть авторский замысел некоторых художественных текстов удастся только специалистам-филологам. По мнению Н. С. Болотновой, обучение интерпретационной деятельности «должно строиться с учетом всех кодов текста и их соотносённости между собой» [9, с. 7–9].

Исходя из этого, можно отметить, что при работе с поэтическим текстом в русле лингвостилистического анализа следует придерживаться определенных этапов. Рассмотрим их подробнее с некоторыми комментариями.

1. Осмысленное чтение поэтического текста, предполагающее погружение обучающегося в содержание стихотворения. Особенно

важно в основной школе формировать у обучающихся навык осмысленного чтения, поскольку отмечается тенденция «беглого» чтения у школьников. При необходимости следует прочитать текст несколько раз: самостоятельно и выразительно вслух.

2. **Рефлексия.** На данном этапе следует обратиться к эмоциональной составляющей, проанализировать первичное впечатление.

3. **Определение темы произведения и выявление ключевых слов, анализ заголовочного комплекса.**

4. **Историко-культурная справка.** Данный этап предполагает погружение обучающихся в историко-культурный контекст произведения. Этот элемент анализа особенно важен, поскольку одной из ключевых задач лингвостилистического анализа текста является раскрытие его эстетического потенциала.

5. **Толкование сложных слов. Работа со словарями,** что способствует формированию лингвистической компетенции у обучающихся средней школы.

6. **Анализ образных средств.**

7. **Определение идеи текста.**

Данный план анализа текста позволяет учесть первичное восприятие текста обучающимися с возможностью его последующей коррекции учителем.

На этапе представления *историко-культурной справки* можно использовать возможности информационно-коммуникационных технологий. Таким потенциалом обладают виртуальные экскурсии в места, которые значимы при изучении творчества автора; прямые трансляции и документальные фильмы, позволяющие выявить особенности памятника культуры или города в диахронии. Это способствует повышению общего уровня культуры школьников и интереса к творчеству автора.

В шестом классе школьники находятся на начальном этапе обучения анализу текста, поэтому рекомендуется использовать рабочие листы, в которых отражены этапы работы. На первых занятиях, возможно, некоторые образные средства, наиболее значимые для анализа, будут вынесены учителем в рабочий лист. Оформление идеи сти-

хотворения может быть не только словесным, но и визуальным в виде иллюстрации, коллажа из заранее подготовленных учителем изображений. Данный прием способствует развитию критического мышления у обучающихся и повышает их творческий потенциал.

Использование лингвостилистического анализа на занятиях словесности позволяет учителю быстрее увидеть образовательные результаты в виде заинтересованности учащихся в прочитанном тексте, желания поделиться своими наблюдениями. Внимание школьников привлекают не только сюжетная линия стихотворения или прозаического текста, но и необычные детали, образы, художественные средства, формирующие идею произведения. Также шестиклассники обратят внимание и на идиостилевые особенности автора, что будет способствовать формированию собственного отношения к творчеству поэта и повышать уровень читательской культуры учащихся.

Литература

1. Демонстрационный вариант контрольных измерительных материалов основного государственного экзамена 2023 года по русскому языку // ФИПИ : [сайт]. – URL: <https://fipi.ru/oge/demoversii-specifikacii-kodifikatory> (дата посещения: 17.01.2023).

2. Николина, Н. А. Филологический анализ текста : учебное пособие / Н. А. Николина. – Москва : Академия, 2003. – URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9D/nikolina-nataliya-anatoljevna/filologicheskij-analiz-teksta-uchebnoe-posobie> (дата обращения: 16.01.2023).

3. Кожина, М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л. М. Алексеева, В. И. Аннушкин, Е. А. Баженова и др. ; под ред. М. Н. Кожиной. – URL: <https://studfiles.net/preview/6006736/> (дата обращения 18.11.2022).

4. Российская Федерация. Министерство образования и науки. Стандарты. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [утвержден приказом от 31 мая 2021 г. № 64101] / Минобрнауки РФ. – Москва : Просвещение, 2021. – URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 16.01.2023).

5. Министерство просвещения Российской Федерации. Примерная основная образовательная программа основного общего образования [протокол 6/22 от 15.09.2022 г.] / Министерство просвещения РФ. – Москва, 2022. – URL: <https://fgosreestr.ru/poop/primernaia-osnovnaia-obrazovatelnaia-programma-osnovnogo-obshchego-obrazovaniia-2> (дата обращения: 15.01.2023).

6. Кутняхова, Н. А. Лингвостилистический анализ художественного произведения как средство литературного развития учащихся основной школы : дис. ...

канд. пед. наук : специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (литература, уровень общего образования)» / Н. А. Кутняхова. – Ставрополь, 2011. – 232 с.

7. Стуколкина, Г. П. Лингвостилистический анализ художественного текста (через систему образов) как средство формирования речевых умений младших школьников : автореф. дис. ... канд. пед. наук : специальность «Теория и методика обучения и воспитания (Русский язык)» 13.00.02 / Г. П. Стуколкина. – Рязань, 2007. – 22 с.

8. Гончар, О. В. Работа с текстом на уроках русского языка как средство формирования коммуникативной компетенции учащихся (Описание опыта работы) / О. В. Гончар. – Калга, 2022. – URL: <https://pedsouvet.su/load/28-1-0-57796> (дата обращения: 15.01.2023).

9. Болотнова, Н. С. Текстовая деятельность на уроках русской словесности / Н. С. Болотнова // Диалог с текстом: проблемы обучения смысловой интерпретации : материалы V регионального научно-практического семинара. Томск, 25 апреля 2002 г. / ред. Н. С. Болотнова. – Томск : ТГПУ, 2002. – С. 119–126.

**Раздел V. Теория текстовых ассоциаций
как база текстообразования
и концептуального анализа текста**

УДК 81-119
ГРНТИ 16.01.11

**«О ЦЕННОСТЯХ, КОТОРЫМ НЕТ ЦЕНЫ...»:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ АКСИОСФЕРЫ
РУССКОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО ТЕКСТА**

**«ABOUT VALUES WHICH HAVE NO PRICE...»:
FOR STATEMENT OF THE PROBLEM OF STUDYING
THE AXIOSPHERE OF THE RUSSIAN EPISTOLAR TEXT**

А. В. Курьянович

*ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»,
Томск, Россия*

Ключевые слова: коммуникативная стилистика текста, эпистолярный дискурс, эпистолярный текст, концепт, концептосфера эпистолярного текста, аксиосфера русского эпистолярного текста, аксиологическая доминанта, вариант и инвариант в аксиологическом моделировании

Keywords: communicative text style, epistolary discourse, epistolary text, concept, concept sphere of an epistolary text, axiosphere of a Russian epistolary text, axiological dominant, variant and invariant in axiological modeling

Аннотация. Рассматриваются теоретические и методологические «переклички» в исследовании эпистолярных текстов в коммуникативной стилистике текста и лингвоконцептологии, лингвокультурологии и лингвоаксиологии. Поднимается вопрос о необходимости изучения аксиосферы русского эпистолярного текста как значимой составляющей его концептосферы посредством выделения ключевых ценностных смыслов – аксиологических доминант. В качестве инструментария предлагается метод аксиологического моделирования, позволяющий с опорой на индивидуально-авторские варианты обобщить представление о ценностном фрагменте

национальной картины мира в виде инварианта аксиосферы русского эпистолярного дискурса. Материалом выступает эпистолярный представителей русской творческой интеллигенции.

Annotation. The article is devoted to the consideration of theoretical and methodological "echoes" in the study of epistolary texts in the communicative stylistics of the text and linguoconceptology, linguoculturology and linguoaxiology. The question of the necessity of studying the axiosphere of the Russian epistolary text as a significant component of its conceptual sphere is raised by highlighting the key value meanings – axiological dominants. As a tool, the method of axiological modeling is proposed, which allows, based on individual author's variants, to generalize the idea of a value fragment of the national picture of the world in the form of an invariant of the axiosphere of the Russian epistolary discourse. The material is an epistolary of representatives of the Russian creative intelligentsia.

Это письмо – из породы вечного...
М. И. Цветаева

Современная лингвистическая парадигма имеет текстоцентрированный характер: текст, привлекая внимание ученых из разных научных областей, выступает одновременно объектом, материалом и инструментом познания. *Коммуникативная стилистика текста* (Н. С. Болотнова, А. В. Болотнов, И. И. Бабенко, И. А. Бакланова, Ю. Е. Бочкарева, С. М. Карпенко, А. В. Курьянович, Н. Г. Петрова, И. А. Пушкарева, О. В. Орлова и др.) – научное направление, ориентированное на изучение речевых произведений разных жанров и стилей как формы взаимодействия автора и адресата в контексте многочисленных дискурсивных практик. «Именно в стилистике впервые было намечено многоаспектное изучение текста: его формы (языковой организации и композиции), содержания и функций, включая прагматику, с учетом сферы общения, типа мышления, фактора адресата, специфики целей и задач автора и др. экстралингвистических факторов» [1, с. 28].

Разработанные в рамках коммуникативной стилистики текста теоретические и методологические установки выступают отправными позициями для осуществления разнонаправленного текстового анализа. Продуктивными являются положения о ключевой роли лексических единиц в порождении, восприятии и интерпретации текстовой информации, регулятивном, в том числе ассоциативном, потенциале

языковых средств, особенностях идиостиля и идиолексикона автора, во многом определяющих закономерности смыслового развертывания в рамках текста и за его пределами – в многомерном дискурсивном пространстве.

В перечне исследовательских векторов – рассмотрение концептуального уровня смыслообразования в рамках конкретного текста или текстов определенного типа. Предметом нашего научного поиска выступают эпистолярные тексты, анализируемые в ракурсе лингвоконцептологического и лингвокультурологического подходов, основы которых заложены в трудах С. Г. Воркачева, Г. Д. Гачева, В. И. Карасика, З. Д. Поповой, Ю. Е. Прохорова, Ю. С. Степанова, И. А. Стернина, Г. Г. Слышкина и др.

Эпистолярные тексты (ЭТ), как аутентичные – в виде традиционной частной корреспонденции, принадлежащей разговорной сфере коммуникации, так и неаутентичные, освоенные другими стилями и экстраполированные в другие дискурсы, активно используются носителями национального языка для решения задач социального взаимодействия. Наиболее знаковой и сущностной разновидностью ЭТ являются *частные письма*. Изменившийся характер современной интеракции (перенесение значительной ее части в электронное пространство, расширение функционала за счет мультилингвальности, поликультурности, поликодowości) обусловил трансформацию эпистолярного жанра, но не прекращение его существования. Тексты в формате письма остаются востребованными и сегодня, что свидетельствует об их значимости для русской лингвокультуры. Эпистолярные тексты характеризуются специалистами (Н. И. Белунова, Н. Ю. Бусоргина, Т. Н. Кабанова, Н. А. Ковалева, А. В. Курьянович, Л. В. Нижникова, О. В. Протопопова, О. Н. Седова, Н. В. Силаева, О. П. Фесенко и др.) как уникальные и в высшей степени ценные источники знаний о людях и эпохах.

Особую ценность представляют письма русских интеллигентов, чье речевое поведение определяется как эталонное проявление творческой и гражданской позиции человека (подробнее об этом см. [2]). «Переписка этих <...> замечательных людей, за нас несущих крест бесконечных поисков причин бед и горестей, происходящих с нами,

поисков ответов на вопросы, мучающие нас, будет важна <...> в первую очередь простым людям, пока еще что-то читающим, над чем-то еще размышляющим в этой слетевшей со всех колес и опор жизни» [3, с. 6].

Теоретические положения коммуникативной стилистики текста служат базой для углубления представления о типах текста с точки зрения осмысления и дифференциации их собственно жанровых, стилистических и дискурсивных конституирующих характеристик, которые, в свою очередь, коррелируют с концептуальными свойствами текстов анализируемого типа. На уровне концептуального обобщения можно говорить о том, что в каждом ЭТ репрезентируется фрагмент индивидуальной картины мира автора, соотносимый с фрагментом национальной картины мира и вписанный в национальную картину мира. Фигурирующие в тексте языковые (в первую очередь лексические) средства и актуализируемые в соответствии с интерпретационными возможностями адресатов в значении этих текстовых единиц смыслы позволяют выделить определенные *концепты*, представляющие квант смысла – обобщенный смысловой образ фрагмента действительности, «сгусток культуры в сознании человека» [4, с. 43].

Совокупность концептов разных типов, определенным образом связанных между собой, образует упорядоченную смысловую структуру – *концептосферу* данного текста/типа текстов. В числе свойств концептосферы любого текста – возможность *аксиологизации* ее содержания как показатель его культурологической значимости (подробнее см. [5, с. 152]). Концептосферу частной переписки представителей русской творческой интеллигенции формируют концептуальные смыслы, объединяющие перечень концептов (далее выделены прописными буквами): «человек» (ДУША, ТЕЛО, ХАРАКТЕР, УМ, НАСТРОЕНИЕ, ЧУВСТВА, ДОМ, СЕМЬЯ, ПРОФЕССИЯ, РАБОТА, ОБЩЕНИЕ, ПИСЬМО и пр.); «культура» (ЯЗЫК, СЛОВО, ИСКУССТВО, НАУКА, ТЕАТР, ЖИВОПИСЬ, ЛИТЕРАТУРА, ТВОРЧЕСТВО, ИСТОРИЯ и пр.); «история» (ВРЕМЯ, ИСТОРИЯ, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, НАСТОЯЩЕЕ и БУДУЩЕЕ, ПОЛИТИКА и пр.); «философия» (БЫТ и БЫТИЕ, НАЦИОНАЛЬНАЯ и ЛИЧНОСТНАЯ

ИДЕНТИЧНОСТЬ, ЭТИКА, МОРАЛЬ и НРАВСТВЕННОСТЬ, СМЫСЛ ЖИЗНИ, ЛЮБОВЬ, ДРУЖБА, СЧАСТЬЕ, ВЕРА, ПРАВДА, ЗНАНИЕ, СОВЕСТЬ и пр.); «природа» (КЛИМАТ, ПРИРОДА, ЖИВОТНЫЕ и ПТИЦЫ, ФЛОРА, ОКРУЖАЮЩИЙ МИР и пр.).

Отметим, что целый ряд выделенных нами концептов, функционирующих в русском эпистолярном дискурсе, содержательно пересекается с ключевыми концептами русской культуры, отражёнными в словаре авторитетного исследователя в области концептологии Ю. С. Степанова (КУЛЬТУРА, ЯЗЫК, ВРЕМЯ, СЛОВО, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, НАУКА, ЗНАНИЕ, ЧЕЛОВЕК, ДУША и пр.) [4]. Данный факт свидетельствует, во-первых, об универсальном характере отдельных концептов, их культурологической сущности, во-вторых, о том, что эпистолярный является значимым материалом для осуществления лингвоконцептологических и лингвокультурных исследований.

Аксиосферу русского эпистолярного текста, рассматриваемую нами в качестве *фрагмента ценностной национальной картины мира*, образуют в большинстве своем лингвокультурные концепты, воплощающие универсальные для любой культуры смыслы, которые характеризуются глубокой степенью философского обобщения. Логично, что эти смыслы – *аксиологические доминанты* – могут дифференцироваться на *ядерные и периферийные, переменные и константные*.

Поскольку коммуникация посредством частной переписки в особой степени определяется дискурсивными факторами, в том числе своеобразием авторской ментальности и авторского мировоззрения, стоит высказать идею о возможном выделении в аксиологическом анализе двух этапов. Первый этап связывается с рассмотрением в рамках индивидуального дискурса конкретного автора парадигмы значимых для него аксиологических доминант. Второй этап предполагает обобщение полученных авторских *вариантов толкования аксиологических смыслов* и создание на базе этого *инварианта аксиосферы русского ЭТ* представителей русской творческой интеллигенции. Данную методологическую процедуру можно определить как *аксиологическое моделирование*.

В письмах представителей русской творческой интеллигенции, находящихся в ракурсе нашего исследования (подробнее см. [3]),

нашли отражение многочисленные аксиологические смыслы, релевантные для национальной культуры. Приведем примеры.

Русский эпистолярный демонстрирует такие доминанты национальной коммуникации, как рефлексивность и неформальность диалога: «Общаться по-русски значит приблизительно „разговаривать с кем-то в течение некоторого времени ради поддержания душевного контакта“. При этом разговор, составляющий содержание общения, не обязательно должен быть „о главном“ – речь может идти и о пустяках; так как главное в общении – именно поддержание контакта, ощущение общности» [6, с. 280]. Сказанное определяет тот факт, что ключевыми для русского эпистолярия являются концепты ОБЩЕНИЕ, БЕСЕДА, ПИСЬМО.

В случае толкования концепта ПИСЬМО речь идет о двух его семантических вариантах: ПИСЬМО 1 понимается как «вид речевой деятельности», ПИСЬМО 2 – «тип текста». И в обоих случаях концепт отличается присутствием в интерпретации аксиологических смыслов. В рассматриваемом контенте текстов частному письму как культурному артефакту приписывается сакральный смысл. Письмо (ПИСЬМО 1 = «тип текста») «видится в первую очередь средством самовыражения автора и одновременно – способом сближения близких по духу людей» [7, с. 56]. Данный концептуальный смысл базируется на понимании письма (ПИСЬМО 2 = «вид речевой деятельности») как «деле богов и даре богов людям» [4, с. 557] и выступает в качестве значимой составляющей аксиосферы русского ЭТ, получающей актуализацию в эпистолярном дискурсе ярких представителей национальной культуры.

Ценность письма заключается в его понимании как средства осуществления коммуникации на расстоянии. Посредством письма автор имеет возможность фиксировать детали своей повседневной жизни и делиться этой информацией с близкими людьми. Так, например, ученый-естественник В. И. Вернадский пишет жене, Н. Е. Вернадской: *«Дорогая моя Наталочка, сегодня утром нет от тебя письма, а почта из С.-Петербурга приходит здесь один раз в день. Я так привык и*

жду твоих утренних писем. Должно быть что-нибудь задержало!» [8, с. 86].

Представляет интерес подборка эпитетов к слову *письмо*, демонстрирующих особое, трепетное отношение автора к процессу эпистолярной коммуникации и его главному «фигуранту» – письму как кванту одушевленной материи. Так, в эпистоляррии М. В. Нестерова, великого русского живописца, встречаются такие словоупотребления, атрибутирующие лексему *письмо*, как *беспорядочное, писанное от скуки* [9, с. 172], *умное* [9, с. 176], *малоинтересное, очень интересное* [9, с. 179], *прекрасное* [9, с. 180], *хорошее, душевное* [9, с. 186], *печальное, такое одинокое* [9, с. 233], *обещанное подробное* [9, с. 241], *забавное* [9, с. 244], *доброе и такое, по обыкновению, пристрастное* [9, с. 254], *письмо в небесно-голубом конверте* [9, с. 256], *такое подробное и обстоятельное* [9, с. 257], *милое, живое* [9, с. 291], *Ваши письма разные, как Вы сами* [9, с. 299], *ругательное* [9, с. 306], *любезное* [9, с. 306], *давно обещанное большое* [9, с. 310], *сердечное* [9, с. 346], *какое неожиданное* [9, с. 349] и пр.

Письма как средство «соприкосновения душ», диалог близких по духу людей и само письмо как нечто одухотворенное, полное смысла, – именно так воспринимала послания в конверте русский поэт М. И. Цветаева: *«Моя любовь к тебе раздробилась на дни и письма, часы и строки... Письмо сегодня, письмо завтра. Ты живешь, я хочу тебя видеть. Перевод из Всегда в Теперь. Отсюда – терзание, счет дней, обесцененность каждого часа, час – лишь ступень – к письму... Без письма уже стало – без тебя»* (из письма Р.-М. Рильке) [10, с. 63]. Интерпретация письма как формы развертывания не только внешней, письменной, но и внутренней речи – такое понимание также встречаем в эпистолярном дискурсе М. Цветаевой: *«Вчера на берегу я писала Вам мысленное письмо, стройное, складное, как все, непрерывное пером. Вот отрывки...»* [10, с. 99].

Приведенные примеры – лишь малая часть вариантов интерпретации концепта ПИСЬМО, встречающихся в эпистоляррии видных деятелей национальной культуры. Но и эти иллюстрации демонстрируют огромный концептуальный ресурс ЭТ, в том числе проявляемый в

части отображения аксиологически значимых для русской лингвокультуры смыслов.

Таким образом, задачу моделирования эпистолярного инварианта аксиосферы как фрагмента картины мира русского социума, связанного с пониманием и интерпретацией аксиологических смыслов представителями русской творческой интеллигенции XX–XXI вв., определяем в качестве перспективной задачи исследования. Изучение их частной переписки способствует решению задач личностного и профессионального роста, поиска ориентиров национального самоопределения, воспитывает любовь к родному языку и родной культуре, укрепляет в правильности национальных ценностных смыслов, составляющих основу русской ментальности на протяжении истории формирования национального самосознания.

Литература

1. Болотнова, Н. С. Текст как объект многоаспектного исследования в современной русистике / Н. С. Болотнова / Русская речевая культура и текст : материалы XI Международной научной конференции ; под общ. ред. Н. С. Болотновой. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2020. – С. 26–32.

2. Курьянович, А. В. Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры (XX–XXI вв.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. В. Курьянович. – Томск, 2013. – 39 с.

3. Сапронов, Г. К. Вечно наш : Предисловие / Г. К. Сапронов // Астафьев, В. П. Нет мне ответа...: эпистолярный дневник. – Москва : Эксмо, 2012. – С. 5–11.

4. Степанов, Ю. С. Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Академический проект, 2004. – 982 с.

5. Курьянович, А. В. Концептосфера учебного текста по русскому языку как иностранному в аспекте системно-структурного описания / А. В. Курьянович, Е. А. Серебrenникова / Русская речевая культура и текст : материалы XII Международной научной конференции ; под общ. ред. Н. С. Болотновой. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2022. – С. 149–157.

6. Зализняк, А. А. Заметки о словах *общение, отношение, просьба, чувства, эмоции* / Ключевые идеи русской языковой картины мира : сборник статей / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелёв. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – С. 280–288.

7. Курьянович, А. В. Образ эпистолярия в сознании носителей языка : опыт аксиологического и метажанрового описания (на примере писем представителей русской творческой интеллигенции XX–XXI вв.) / А. В. Курьянович // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). – 2014. – № 9 (150). – С. 54–61.

8. Вернадский, В. И. Письма Н. Е. Вернадской. 1909–1940 / В. И. Вернадский / Сост. Н. Ф. Филиппова, В. С. Чесноков ; отв. ред. Б. В. Левшин ; Архив РАН. – Москва : Наука, 2007. – 299 с.

9. Нестеров, М. В. Из писем / М. В. Нестеров. – Ленинград : Искусство, Ленингр. отд-е, 1968. – 452 с.

10. Цветаева, М. Собрание сочинений : в 7 т. / М. Цветаева / вступ. статья А. Саакянц ; Сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. – Т. 7. : Письма. – Москва : Эллис Лак, 1995. – 848 с.

УДК 811.161.1'38'42–14
ГРНТИ 16.21.55

СИМВОЛИКА КРУГА В ЛИРИКЕ Б. АХМАДУЛИНОЙ: АССОЦИАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

SYMBOLS OF THE CIRCLE IN THE LYRICS OF V. AKHMADULINA: ASSOCIATIVE ANALYSIS

С. М. Карпенко

*ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»,
Томск, Россия*

Ключевые слова: поэтический текст, образ-символ, ассоциативные связи, текстовые ассоциаты, поэзия Б. Ахмадулиной, поэтическая картина мира, идиостиль

Keywords: poetic text, image-symbol, associative links, text associates, V. Akhmadulina's poetry, poetic picture of the world, idiostyle

Аннотация. Рассматривается ассоциативно-смысловое поле ключевого слова *круг* в лирике Б. Ахмадулиной. Выявлены основные направления ассоциирования, образованные совокупностью текстовых ассоциатов. Рассмотрены образные репрезентации ключевой лексемы *круг*, имеющие символические значения, обусловленные ассоциативными направлениями: *круг – защита*; *круг – цикличность времени*; *круг – замкнутость, це-*

лостность; круг – общность, единение. Определено, что круг как ключевой символ в лирике Б. Ахмадулиной отражает взаимосвязь и взаимодействие географического и психологического пространств в поэтической картине мира автора.

Annotation. The article deals with the associative-semantic field of the keyword circle in B. Akhmadulina's lyrics. The main directions of association formed by a set of text associates are revealed. Figurative representations of the key lexeme circle, which have symbolic meanings due to associative directions, are considered: circle as protection; circle as the cyclical nature of time; circle as isolation, integrity; circle as community, unity. It is determined that the circle as a key symbol in the lyrics of B. Akhmadulina reflects the relationship and interaction of geographical and psychological spaces in the author's poetic picture of the world.

В исследовании мы опираемся на теоретические положения и методические разработки ассоциативного направления коммуникативной стилистики текста, представленные в трудах профессора Н. С. Болотновой и её учеников (И. А. Пушкарёвой, И. И. Бабенко, А. А. Васильевой, С. М. Карпенко, И. Н. Тюковой и др.). В рамках данного направления рассматриваются ассоциативные репрезентации художественных концептов и ключевых образов, представлены методики их анализа на основе моделирования текстовых и межтекстовых ассоциативно-смысловых полей, организованных на основе ассоциативных направлений словными и неоднословными ассоциатами и стимулированными лексическими структурами разных типов (см., например: [1, 2]).

Целью данной статьи является анализ образа-символа *круг* в поэзии Б. Ахмадулиной в ассоциативном аспекте. Символ понимается как образ, «тяготеющий к многозначности, но сохраняющий в то же время своё прямое значение» [3, с. 616]; «образ, взятый в аспекте своей знаковости, <...> знак, наделённый всей органичностью и неисчерпаемой многозначностью образа» [4, с. 378].

Символическое значение круга как архетипического образа многопланово: он выполняет защитную функцию, является воплощением божественного аспекта, отражает взаимосвязь мужского и женского начала, служит символом полноты, законченности и гармонии [5]. Это наиболее универсальная геометрическая форма, встречающаяся в мистических учениях, фольклорных текстах, философских концепциях.

Круг – один из ключевых образов лирики Б. Ахмадулиной. В её поэтических текстах круг выступает как образ, обладающий символическими значениями, которые реализуются в рамках ассоциативных направлений: *круг – защита*; *круг – цикличность времени*; *круг – замкнутость, целостность*; *круг – общность, единение*.

Ассоциативное направление *круг – защита*. Топосы города, дома, сада выполняют в лирике Б. Ахмадулиной защитную функцию и часто олицетворяются – наделяются чертами живых существ или сравниваются с ними: *«когда тот город зыбко-зыбко / лёг полукружьем, как улыбка / благословенных уст Тамар»* («Он утверждал: „Между теплиц...“»); *«Им снится город обречённый, / не знающий своей судьбы, / базальт, в колонны обращённый / и обрамляющий сады»* («Вулканы»).

Символическое значение круга как защиты от враждебных сил отражено в образах сада и дома. Дом – это место, в котором человек, как правило, чувствует себя защищённым, это пространство, противопоставленное внешнему миру. Лирическая героиня находится в этом замкнутом пространстве, объединяющем материальное и духовное, обладающем целостностью, одушевлённом благодаря присутствию человека, материальные объекты в нём наделяются чертами живого существа: *«А вот и дом чужой: дом-схимник, дом-изгнанник. / Чердачный тусклый круг – его зрачок и взгляд. / Дом заточён в себя, как выйти – он не знает. / Но, как душа его, вокруг свободен сад»*; *«Дом, сад и я – троём причастны тайне важной. / Был тих и одинок наш общий летний труд. / Я – в доме, дом – в саду, сад – в сырости овражной, / вдыхала сырость я – и замыкался круг»* (о пространстве дома и сада, символически соотнесённом с формой круга, см. [6, с. 47]). Пространство дома включено в пространство сада, лирическая героиня находится в центре этого круга. Круг является защитой, отделяет «своё» от «чужого», оберегает от внешних воздействий: *«Случилось так, что двадцати семи / лет от роду мне выпала отрада / жить в замкнутости дома и семьи. / расширенной прекрасным кругом сада»* («Случилось так, что двадцати семи...»).

Ассоциативное направление *круг – цикличность времени*. Круг в стихотворениях Б. Ахмадулиной выступает как символ цикличности

времени, вечногo движения. Синтагматические ассоциаты *замкну, совершенный, дней* на стимул *круг* подчёркивают цикличность времени: «я с точностью замкну дней совершенный круг» («Предпроводы ёлки»). В поэме «Моя родословная» жизнь представлена как круговорот рождения и смерти: «Весёлый центробежный вихрь / меня из круга вырвать хочет. / О Жизнь, в твою орбиту вник / меня таинственный комочек! / Твой золотой круговорот / так призывает к полнокровью...». Круг – это и место пребывания плода до рождения, и жизнь как процесс. Орбита в данном контексте ассоциируется с движением по замкнутому кругу. Текстовый смысл *жизнь как круг* («*твой золотой круговорот*») актуализируется и на основе ассоциативной связи с антонимической парадигмой *жизнь – смерть*: «О Жизнь любимая, пускай / потом накажешь всем и смертью, / но только выуди, поймай, / оставь меня своею сетью!».

В стихотворении «Сумерки» символическое значение круга реализуется как в образе дома – обереге от враждебности внешнего мира, так и в представлении о цикличности времени: «увидеть дом, где счастливо семейство, / где невпаод и пылко влюблены, // где вечно ждут гостей на именины – <...> где никогда мне гостем не быть»; «блаженная свобода / от явных чисел века, года, дня». Подчёркивается возможность взаимопроникновения времён: «нет доказательств этого столетья, – / бери себе другое и живи». Цикличность времени показана не только как смена временных отрезков – времён года, суточного цикла, но и как чередование благополучных и неблагоприятных периодов, как ощущение грядущего несчастья: «Чи кружева вступают в круг беды?». Это подчёркивается и антонимическими парадигмами: *счастливо – круг беды; вечно – никогда*. Форма замкнутого круга представлена и в заключительных строках: «Ещё плутая в омуте росистом, / я слышу, как на диком языке / мне шлёт своё проклятие транзистор, / зажатый в непреклонном кулаке». Омут росистый – метафора водоворота фантазий автора, его путешествий по волнам памяти (омут – «глубокая яма на дне реки или озера. <...> Водоворот, быстрина, вымывающие на дне реки, озера яму» [7, с. 617]). Замкнутую форму приобретает и кисть руки, сложенная в кулак с прижатыми к ладони пальцами.

Таким образом, символическое значение круга в приведённых примерах отражается в циклической концепции времени – суточного и годичного циклов, в смене благоприятных и неблагоприятных периодов в жизни человека, в чередовании рождения и смерти. Такое представление о времени свойственно и народной культуре, в которой цикличность в природе и в жизни человека имеют одинаковую последовательность: рождение, расцвет, зрелость, увядание, смерть (сон). Символическое значение цикличности времени поддерживается и образными ассоциатами: нисходящей градацией (*века, года, дня*), антонимами (*жизнь – смерть, вечно – никогда*), метафорой (*твой золотой круговорот*).

Ассоциативное направление круг – замкнутость, целостность. Круг объединяет и замыкает в себе противоположные начала, что подчёркивается текстовыми и узуальными антонимическими оппозициями: *«Сужает круг всё сущее кругом. / Белеют вместе цельность и подробность. / Во впадине под ангельским крылом / вот так бело и так темно, должно быть»* («Ревность пространства»). В стихотворении со стимулом *круг* ассоциируются лексемы: *объятье, вокруг, зрачок*: *«Объятье – вот занятие и досуг, / В семь дней иссякла маленькая вечность. / Изгиб дороги и разъятье рук. / Какая глушь вокруг, какая млечность. <...> Даль – в белых нетях, близь – не глубока, / она – белка́, а не зрачка виденье»*. Узуальные и текстовые антонимические оппозиции *даль – близь, бело – темно, цельность – подробность, занятие – досуг* способствуют созданию впечатления целостности всего, что существует в пространстве. Круг – это «символ полноты, законченности, который может заключать в себе идею постоянства и динамизма» [5]. Замкнутость объектов пространства, их круговая форма или же их объединение в некую целостность, а также замкнутость лирической героини в своих чувствах и ощущениях отражены в строках: *«Но замкнут круг ущербный: / свет лампы, пруд, овраг»* («Дворец»); *«Ночь, соловей, луна, цветы – / круг стародавних упований»* («Прощай, прощай, моя скала...»); *«Проходят блики, промельки, ознобы / и замыкают узко-стройный круг»* («Сверканье блесен, жалобы уключин...»). В стихотворении «Вослед 27-му дню мар-

та» семантика круга представлена лексемами *хоровод, кружусь, циркуль, окружность*: «Замкнулся круг игры и хоровода: / дождливо снежно, холодно-тепло. // Внутри, не смея ничего нарушить, / кружусь с прозрачным циркулем в руке / и белую пространную окружность / стесняя чёрным лесом вдалеке». Оказиональные наречия *дождливо-снежно, холодно-тепло* способствуют созданию представления о целостности процесса в единстве его противоположных качеств.

Ассоциативное направление круг – общность, единение. Круг выступает как символ объединения людей, символ общности: «*Наш круг, когда-то молодой, / был безрассуден и смешлив*» («Шесть дней небытия не суть нули...»); «*Так ширился наш круг непостижимый*» («Семья и быт»); «*Но там, во мгле моей печали, / о, как я счастлива была, // когда в моём доме любимом / и меж любимыми людьми / плыл в небеса опасным дымом / избыток боли и любви. // Кем приходились мы друг другу, / никто не знал, и всё равно – / нам, словно замкнутому кругу, / терпеть единство суждено*» («Весной, весной, в её начале...»). Для обозначения единства людей используются сравнение *словно замкнутому кругу*, местоимения *наш, всех*. Общность, единение отражены и во взаимосвязи противоположных чувств: счастье и печаль, любовь и боль. Круг выступает как символ полноты, единства противоположностей, связан с образом дома («*в моём доме любимом*»).

Синтагматические ассоциаты на стимул *круг* отражают его характерные черты как некой общности (*наш, молодой, полный, узкий, широкий, сообщников, соглядатаев*), включая оценочно-прагматические реакции (*непостижимый, безрассуден и смешлив, совершенный, ущербный, узко-стройный, узок и скуден, ужайший, бессмысленный*).

Форма круга в лирике Ахмадулиной используется как для изображения материального мира – объектов географического пространства (*шатёр* («Мне скакать, мне в степи озираться»); *цирка детский круг* («Симону Чиковани»); *в Михайловском, замкнутом в круг* («Моя родословная»)), так и для номинации чувств – атрибутов психологического пространства (*круг стародавних упований* («Пора, прощай, моя скала...»); *лень, как болезнь, во мне смыкала круг* («Сказка о дожде»)). Предметный и чувственный мир взаимодействуют в стихотворениях

Б. Ахмадулиной, они так тесно переплетаются, что происходит взаимопроникновение их качеств. Так, чувства приобретают материально выраженную форму: «*О одиночество, как твой характер крут! / Посверкивая циркулем железным, / как холодно ты замыкаешь круг, / не внемля увереньям бесполезным*» («По улице моей который год...»). Чувство одиночества олицетворяется, оно не просто охватывает лирическую героиню, но словно помещает её в замкнутое пространство жизни и смерти, мудрости и печали. Семантика круга как замкнутого пространства поддерживается парадигмами узуальных и текстовых антонимов: «*и – мудрая – я позабуду тех, / кто умерли или доселе живы. // И я познаю мудрость и печаль <...> друзей моих прекрасные черты / появятся и растворятся снова*».

Таким образом, в поэтической картине мира Б. Ахмадулиной круг имеет символические значения, соотносящиеся с основными ассоциативными направлениями: *круг – защита; круг – цикличность времени; круг – замкнутость, целостность; круг – общность, единение*. Символические значения круга реализуются на основе образов дома, сада и других географических объектов, для изображения которых часто используется олицетворение. Семантика круга поддерживается антонимическими оппозициями, которые подчёркивают единство противоположных явлений, а также выполняют текстообразующую функцию.

Литература

1. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста : словарь-тезаурус. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2008. – 384 с.
2. Болотнова, Н. С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте / Н. С. Болотнова // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). – 2007. – Вып. 2 (65). – Серия : Гуманитарные науки (филология). – С. 74–79.
3. Емельянова, О. Н. Символ // Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / О. Н. Емельянова ; под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – 2-е изд., испр. – Москва : Флинта : Наука, 2007. – С. 616–617.
4. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – Москва : Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.

5. Трессидор, Дж. Словарь символов / Дж. Трессидор. – Москва, 1999. – URL: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/11.htm (дата обращения: 5.01.2023).

6. Карпенко, С. М. К вопросу о категоризации пространства в поэзии Б. Ахмадулиной / С. М. Карпенко // Русская речевая культура и текст : материалы XII Международной научной конференции (Томск, 20–21 мая 2022 г.) ; под общ. ред. проф. Н. С. Болотновой. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2022. – С. 44–50.

7. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. – Москва : Русский язык, 1985–1988. – Т. 2: К – О. – 1986. – 736 с.

УДК 811.161.1'42

ГРНТИ 16.21.55

СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА «КРАСОТА» И СРЕДСТВА ЕГО ЛЕКСИЧЕСКОГО ВЫРАЖЕНИЯ В ЛИРИКЕ Н. А. ЗАБОЛОЦКОГО

THE SUBJECT MATTER OF THE CONCEPTUAL OBJECT «BEAUTY» AND THE INSTRUMENTS OF IT'S LEXICAL EXPRESSION IN THE N. A. ZABOLOTSKY'S POETRY

О. В. Исаева

*ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»,
Томск, Россия*

Научный руководитель: Н. С. Болотнова, д-р филол. наук, проф.

Ключевые слова: концепт, художественный концепт, ключевое слово, ассоциативно-смысловое поле

Keywords: concept, art concept, language element, associative-semantic area

Аннотация. Выявлены три варианта авторской интерпретации содержания концепта *красота* как одного из ключевых в творчестве Н. А. Заболоцкого. На примерах отдельных стихотворений рассматриваются средства вербализации данного концепта в стихах автора разных лет.

Annotation. The article reveals three variants of the author's interpretation of the content of the concept *beauty* as one of the key ones in the work of N. A. Zabolotsky. On the examples of individual poems, the means of verbalization of this concept in the author's poems of different years are considered.

Поэтическая картина мира в лирике Н. А. Заболоцкого остаётся недостаточно изученной. Из ряда ключевых концептов, отражённых в творчестве поэта, исследователи в немногочисленных работах обращаются к концептам *жизнь*, *смерть*, *любовь* [1–4]. В задачи данной статьи входит выявление содержания концепта *красота* и средств его вербализации в стихах Н. А. Заболоцкого разных лет.

Концепт, вслед за Н. С. Болотновой, мы рассматриваем как «единицу концептуальной картины мира отдельного человека и различных культурных сообществ» [5, с. 76]. Одним из ключевых концептов лирики Н. А. Заболоцкого является концепт *красота*. В результате анализа нами выявлено более 50 обращений автора к данному концепту в стихотворениях и поэмах 1926–1958 гг.

Исследователи традиционно выделяют в творчестве Н. А. Заболоцкого три периода: 1920-е – начало 1930-х гг., 1930-е гг. и 1940–1950-е гг. Проанализировав лирику Н. А. Заболоцкого разных лет, мы выявили, что содержание концепта *красота* в поэтической картине мира автора на разных этапах творчества претерпевает изменения и воспроизводится в трёх вариантах авторской интерпретации, которые условно можно обозначить как «*красота неуклюжести*», «*красота природы*» и «*красота души*».

Первый период творчества поэта характеризуется влиянием Объединения реального искусства, членом и одним из идейных вдохновителей которого стал сам Н. А. Заболоцкий. В эти годы он создаёт циклы «Городские столбцы» и «Смешанные столбцы», поэтика которых формируется под влиянием исторической действительности – периода нэпа – и обличает бездуховность мещанства, стремление к материальному, мешающее ощущать красоту мира. И. Б. Роднянская подчёркивает, что «Столбцами» «отрицается <...> классический канон Красоты» [7, с. 595]. Красота в абсурдном мире, представленном перед читателем «*книзу головой*» (данная метафора является авторской и встречается в «Столбцах» 5 раз), является такой же странной, угловатой и прямолинейной, она специфична, но отрицать её присутствие не представляется возможным. В некотором смысле программным становится для понимания концепта *красота* в «Столбцах» стихотворе-

ние «Битва слонов» (1931), завершающее цикл «Смешанные столбцы». Поэт описывает процесс творчества, представляя его в виде сражения разума и безумия, устоявшегося понимания красоты и иной, новой, «неуклюжей» красоты. «Боевые слоны подсознания», являющиеся порождением преисподней, ведут сражение с традиционной поэзией, сеют в ней хаос. Но последние строки стихотворения убеждают читателя, что «боевые слоны» в итоге всё же укрощены разумом. В «Битве слонов» автором используется катахреза «*красота неуклюжести*» [6, с. 116], которую мы считаем ключевой для понимания концепта *красота* в раннем творчестве Н. А. Заболоцкого: «*Поэзия начинает приглядываться, / Изучать движение новых фигур, / Она начинает понимать красоту неуклюжести, / Красоту слона, выброшенного преисподней*» [6, с. 116].

Представляется важным остановиться на частотности употребления в данном стихотворении форм прилагательного «неуклюжий». Согласно «Новому частотному словарю русской лексики», частота употребления прилагательного «неуклюжий» на 1 000 слов в разных текстах составляет 0,0087 раз [8]. В стихотворении «Битва слонов» мы встречаем сразу две словоформы указанного прилагательного на 297 слов стихотворения (ср. 0,00261 употребления на 300 слов согласно данным словаря). Частота употребления словоформ прилагательного «неуклюжий» в данном стихотворении превышает частоту общего употребления в 766 раз. Отметим, что во всех стихотворениях и поэмах Н. А. Заболоцкого словоформы прилагательного «неуклюжий» встречаются всего 3 раза, существительного «неуклюжесть» – 1 раз, из них 2 и 1 раз, соответственно, в «Битве слонов». В рассматриваемом стихотворении словоформы прилагательного «неуклюжий» являются эпитетами к образам мира и красоты, существительное «неуклюжесть» также связано с лексемой *красота*. Таким образом, автор расширяет ассоциативно-смысловое поле концепта *красота*, формируя у читателя представление о содержании концепта в «Столбцах» в целом.

Это подтверждается анализом содержания концепта *красота* в стихотворениях циклов «Городские столбцы» и «Смешанные столбцы»: «Белая ночь», «Вечерний бар», «Пекарня», «Лицо коня» и др.

В 1930–1940-е гг. Н. А. Заболоцкого увлекают труды Ф. Энгельса и К. Э. Циолковского, поэт создаёт ряд натурфилософских стихов, в которых концепт *красота* предстаёт перед читателями в несколько изменённом виде. Концептуальная модель «*красота природы*» формируется с помощью разнообразных лексических средств. Ключом к пониманию содержания рассматриваемого концепта в этот период можно считать поэму «Лодейников» (1932–1947) и стихотворение «Я не ищу гармонии в природе» (1947). Н. А. Заболоцкий подчёркивает обманчивость природной красоты и гармонии, её непостоянство.

Так, в поэме «Лодейников» главный герой сначала видит природу достаточно гармоничной и красивой: «*В краю чудес, в краю живых растений*» [6, с. 167], «*И постепенно превращалось в пеньё / Шуришанье трав и тишины. / Природа пела. Лес, подняв лицо, / Пел вместе с лугом. Речка чистым телом / Звенела вся, как звонкое кольцо*» [6, с. 168]. Метафоры «*край чудес*», «*край живых растений*», олицетворения «*природа пела*», «*речка звенела*» формируют образ красивого, гармоничного, активного, дышащего жизнью мира природы. Но с наступлением ночи природа меняется, показывает свою скрытую сущность, которая активизируется в ночное время, время потусторонних сил.

Автор использует при описании природы ночью приём антитезы, сравнивая её с дневной. Красота природы улетучивается, становится видна её беспощадная сущность, подчёркиваемая анафорой: «*Так вот она, гармония природы, / Так вот они, ночные голоса! / Так вот о чем шумят во мраке воды, / О чем, вздыхая, шепчутся леса! / Лодейников прислушался. Над садом / Шел смутный шорох тысячи смертей. / Природа, обернувшись адом, / Свои дела вершила без затей*» [6, с. 169]. Лексемы «*во мраке*», «*смутный*», «*смертей*», «*адом*», сконцентрированные в маленьком фрагменте из нескольких стихов, ярко рисуют хищную ночную природу и подтверждают отсутствие у неё в этот момент даже намёка на красоту.

Таким образом, красота природы для Заболоцкого неоспорима, но непостоянна. Красоту и гармонию в неё, по мнению автора, вносит человек. Так, в стихотворении «Я не ищу гармонии в природе» при-

рода рисуется поэтом с помощью эпитетов «печальная», «дикая»: *«И в этот час печальная природа / Лежит вокруг, вздыхая тяжело, / И не мила ей дикая свобода, / Где от добра неотделимо зло»* [6, с. 160].

Гармония и красота природы становятся возможными только в случае воссоединения с природой человека, который сможет дополнить и украсить её. Эпитеты здесь меняются («блестящий», «мерный», «разумного»), рисуя уже совсем иной образ природы, чем несколькими строками ранее, она украшена человеческим трудом: *«И снится ей блестящий вал турбины, / И мерный звук разумного труда, / И пеньё труб, и зарево плотины, / И налитые током провода»* [6, с. 160].

Данный вариант авторской интерпретации концепта *красота* – «красота природы» – присущ многим стихотворениям Н. А. Заболоцкого 1930-х гг.: «Лесное озеро» (1938), в котором, по мнению И. Б. Ростовцевой, «поэтическая мысль классически воссоединяет Истину, Добро и Красоту» [7, с. 608], «Осень» (1932), «Север» (1936) и др.

В поздний период творчества поэта-философа волнует определение сущности красоты. Так, в стихотворении «Некрасивая девочка» (1955) Н. А. Заболоцкий задаётся вопросом, который можно назвать одним из ключевых в его творчестве: *«А если это так, то что есть красота / И почему её обожествляют люди? / Сосуд она, в котором пустота, / Или огонь, мерцающий в сосуде?»* [6, с. 272]. Поэтом чётко определяются и противопоставляются два варианта в содержании концепта: красота внешняя (представленная метафорой «сосуд, в котором пустота») и внутренняя (метафора «огонь, мерцающий в сосуде»). Образ сосуда в данных строках сопровождают лексемы «пустота» и «огонь».

Обратившись к «Русскому ассоциативному словарю», среди реакций на стимул «пустота» находим ряд слов с отрицательной коннотацией: «в душе» (2), «темнота» (2), «черная» (2), «бездуховность» (1), «внутри» (1), «пропасть» (1), «равнодушие» (1) [9]. Напротив, среди реакций на стимул «огонь» среди частотных выделяются слова с положительной коннотацией: «яркий» (36), «пламя» (23), «костёр» (20), «горячий» (16), «жаркий» (14), «души» (10), «тепло» (10) [9]. Лексема «пустота» вызывает в основном негативные реакции, а лексема

«огонь» – положительные. В качестве средства регулятивности в стихотворении «Некрасивая девочка» использована контекстуальная антонимия как лексическая основа приема антитезы. Читатель вслед за автором склоняется к идее важности и первостепенности внутренней красоты, «*красоты души*».

Подобные взгляды автора на проблему определения красоты встречаем и в других произведениях. В стихотворении «О красоте человеческих лиц» (1955) читатель сталкивается с интересным приёмом. Название и условная первая часть стихотворения метафорически описывают внешность различных типов людей, но с первых строк читателю становится ясно, что внешность – отражение души. Н. А. Заболоцкий сравнивает человеческие лица с архитектурными сооружениями (порталами, лачугами, темницей, башнями), противопоставляя их во второй части стихотворения небогатой и неказистой хижинке. Поэт характеризует типы человеческих лиц, используя эпитеты «пышный», «жалкие», «холодные», «мёртвые», подчёркивая уродливость бездуховности.

Вторая часть стихотворения контрастирует с первой. В ней звучит мысль о том, что непримечательные с виду лица могут выражать душевную красоту и от этого становиться красивыми: «*Но малую хижинку знал я когда-то, / Была неказиста она, небогата, / Зато из окошка ее на меня / Струилось дыханье весеннего дня*», «*Поистине мир и велик и чудесен! / Есть лица – подобья ликующих песен*» [6, с. 278]. Поэт делает акцент на том, что внешняя простота и неказистость маленькой хижинки может подарить «*дыханье весеннего дня*» [6, с. 278].

Обратившись вновь к «Русскому ассоциативному словарю», отметим, что в ядро ассоциативно-смыслового поля слова «дыхание» входят слова «лёгкое» (9), «жизнь» (7), «свежее» (5), «весны» (3) [9]. Лексема «весенний» вызывает следующие частотные реакции: «день» (164), «солнечный» (9), «тёплый» (7), «аромат» (6) [9]. Реакции на лексему «день» тоже являются коннотативными: «рождения» (11), «солнечный» (5), «солнце» (5), «свет» (4), «светлый» (3) [9]. Таким образом, метафора «*дыхание весеннего дня*» формирует у читателя образ чистоты, свежести и духовной красоты как главного проявления концепта.

«Красота души», обманчивость физической красоты или, напротив, уродства выходят на первый план в стихотворении «Седов» (1937), а также в поздних стихотворениях «Бетховен» (1946), «Старая актриса» (1956), «Последняя любовь (Признание)» (1957) и др.

Таким образом, содержание, средства вербализации и регулятивные средства репрезентации концепта *красота* в лирике Н. А. Заболоцкого трансформируются в разные периоды творчества под влиянием исторического контекста (сравним период нэпа), философских концепций, близких поэту, а также личных обстоятельств (семейные отношения, ссылка).

Литература

1. Талицкая, А. А. Концепт «жизнь» в произведениях Н. Заболоцкого 1926–1929 гг. / А. А. Талицкая // Русское слово: литературный язык и народные говоры: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения д-ра филол. наук, проф. Г. Г. Мельниченко, Ярославль, 25–27 октября 2007 г. / отв. ред. Т. К. Ховрина. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2008. – С. 426–431.

2. Туктангулова, Е. В. Художественный концепт «жизнь» в идиостиле Н. А. Заболоцкого / Е. В. Туктангулова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VIII Международной научной конференции: в 2 т. Челябинск, 20–22 апреля 2016 г.; отв. ред. Л. А. Нефедова. – Челябинск: Энциклопедия, 2016. – С. 287–290.

3. Мосейчук, Т. В. Развитие концептов жизнь и смерть в творчестве Н. А. Заболоцкого / Т. В. Мосейчук // Материалы научно-методической конференции преподавателей и сотрудников: по итогам научно-исследовательской работы в 2006 году. Могилев, 07–08 февраля 2007 г. – Могилев: Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова, 2007. – С. 150–152.

4. Мосейчук, Т. В. Концепт «любовь» в концептуальной картине мира Н. Заболоцкого / Т. В. Мосейчук // Куляшоўскія чытанні: материалы Международной научно-практической конференции, Могилев, 27–28 апреля 2011 года. – Могилев: Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова, 2011. – С. 201–204.

5. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н. С. Болотнова. – Москва: Флинта, 2012. – 384 с.

6. Заболоцкий, Н. А. Столбцы и поэмы 1926 – 1933. Стихотворения 1932 – 1958. Стихотворения разных лет. Проза // Собрание сочинений : в 3 т. – Москва : Художественная литература, 1983. – Т. 1. – 655 с.

7. Роднянская, И. Б. «Столбцы» Николая Заболоцкого в художественной ситуации двадцатых годов / И. Б. Роднянская // Н. А. Заболоцкий: pro et contra / сост. Т. В. Игошева, И. Е. Лоцилов. – Санкт-Петербург : РХГА, 2010. – 1064 с.

8. Ляшевская, О. Н. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – Москва : Азбуковник, 2009. – URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 30.12.2022).

9. Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. : в 2 т. – Москва, 2002. – URL: <http://www.tesaurus.ru/dict/index.php> (дата обращения: 30.12.2022).

УДК 811.161.1'42

ГРНТИ 16.21.33

О СВОЕОБРАЗИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ М. А. ВОЛОШИНА

ON THE UNIQUENESS OF THE LEXICAL STRUCTURE OF POETIC TEXTS M. A. VOLOSHINA

С. А. Иванченко

*ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»,
Томск, Россия*

Научный руководитель: А. В. Болотнов, д-р филол. наук, проф.

Ключевые слова: М. Волошин, коммуникативная стилистика текста, лексическая структура текста, концепт

Keywords: M. Voloshin, communicative style of the text, lexical structure of the text, concept

Аннотация. Коммуникативный подход к интерпретации художественного произведения предполагает комплексный анализ его лексической организации, учитывая концептуальность и прагматичность рассматриваемого текста. Особенности лексической структуры художественного текста играют важную роль в раскрытии авторских интенций и своеобразия худо-

жественного мира автора. Исследование лексической структуры поэтических текстов М. А. Волошина позволило выявить особенности словесно-художественного структурирования стихотворений, сделать выводы о его богатстве и разнообразии.

Annotation. The communicative approach to the interpretation of a work of art involves a comprehensive analysis of its lexical organization, taking into account the conceptual and pragmatic nature of the text under consideration. Features of the lexical structure of a literary text play an important role in revealing the author's intentions and originality of the author's artistic world. The study of the lexical structure of the poetic texts of M. A. Voloshin allowed to identify the features of the verbal and artistic structuring of poems, to draw conclusions about its richness and diversity.

По справедливому утверждению Н. С. Болотновой, «лексическая структура текста является „ключом“ к выявлению структурированно-определенным образом глубинного смысла художественного произведения» [1, с. 175]. Коммуникативный потенциал слова творца раскрывается в совокупности используемых автором при создании художественного произведения особенностей – лексических, стилистических, синтаксических, фонетических и других, что напрямую влияет на силу его воздействия на читателя.

Являясь базовым понятием коммуникативной стилистики художественного текста (работы Н. С. Болотновой, А. В. Курьянович, И. И. Бабенко, С. М. Карпенко, И. А. Пушкаревой и др.), лексическая структура текста «отражает многообразные связи словных и сверхсловных единиц в процессе первичной и вторичной текстовой деятельности автора и адресата» [1, с. 175].

Лексическая структура текста трактуется нами как «коммуникативно ориентированная на адресата, концептуально обусловленная ассоциативно-семантическая сеть, отражающая различные связи и отношения словных и сверхсловных единиц лексического уровня» [2, с. 87]. Под коммуникативной ориентацией Н. С. Болотновой понимается нацеленная на восприятие адресата особая организация лексических элементов, предполагающая определенную систему их контекстуального выдвижения; в процессе сопряжения выдвигаемых контекстуально элементов в сознании читателя образуется так называемый узел, помогающий читателю постигать заложенные в тексте смыслы.

Концептуальной обусловленностью лексической структуры текста называют особенность, отражающую зависимость лексических элементов от коммуникативного намерения автора и целевой установки текста. Именно концептуальной обусловленностью объясняется наличие как стандартных связей и отношений, так и индивидуально-авторских.

В основе организации лексической структуры текста лежит сетевой принцип, предполагающий наличие «узлов», в которых сосредоточены отношения лексических элементов. Связь лексических единиц при этом наблюдается как по «горизонтали» (линейно), так и по «вертикали» – «с учетом ассоциативно-семантических перекличек дистантно удаленных лексических единиц» [2, с. 362].

Говоря о лексической структуре текста, Н. С. Болотнова указывает на ее связь с семантической и смысловой структурами текста, находящимися в отношениях взаимоподчинения: лексическая структура текста определяет его семантическую структуру, последняя, в свою очередь, – смысловую.

Исследователи выделяют различные типы лексических структур текста.

1. На уровне макро- и микроструктур Н.С. Болотновой [1, с. 186–200] выделяются: 1) лексическая макроструктура целого текста; 2) лексические микроструктуры (на уровне лексем, высказываний, блоков высказываний, текстовых парадигм, ассоциативных полей текста; на уровне речевого воплощения образов повествователей и персонажей с проекцией на концептуальное содержание произведения).

2. В зависимости от места доминантной лексической микроструктуры (препозиции, постпозиции, интерпозиции) различают: а) индуктивные; б) дедуктивные; в) индуктивно-дедуктивные типы лексических макроструктур. Доминантная лексическая микроструктура здесь (центральный узел) определяется как коммуникативно ориентированная и концептуально обусловленная микроструктура, отличающаяся от других микроструктур наибольшей смысловой значимостью (например, ключевые слова).

Нахождение центрального «узла» ассоциативно-семантической макроструктуры в препозиции дает основание называть лексическую макроструктуру текста дедуктивной. Постпозиция центрального «узлового звена» характерна для индуктивной лексической макрострук-

туры. Для индуктивно-дедуктивной лексической макроструктуры показательно нахождение центрального «узла» ассоциативно-семантической сети в интерпозиции.

3. По характеру отношений между лексическими структурами: дополнения, усиления, контраста – выделяются однородные и неоднородные лексические макроструктуры. При этом однородные лексические макроструктуры подразделяются на лексическую структуру 1) последовательно-дополнительного типа; б) усилительно-конвергентного типа; в) контрастивного типа.

4. По степени имплицитности/эксплицитности доминантной лексической микроструктуры различают: 1) лексические структуры имплицитного типа; 2) эксплицитного типа.

5. По числу актуализированных лексических микроструктур обобщающего типа дифференцируются: 1) одноступенчатая; 2) двухступенчатая; 3) трехступенчатая макроструктура.

Вместе с тем учеными выделяются кольцевая, ассоциативно-замкнутая лексическая макроструктура (см. [3]); доминантный, сегментный и смешанный типы лексической структуры (см. [4]) и др.

Исследование лексической структуры текста – изучение связей и отношений элементов лексического уровня в тексте – необходимо для выявления его семантической и смысловой составляющих, являющихся конечной целью интерпретации текста. Говоря о единице лексического уровня поэтического текста как о базовом знаке не только языка, но и культуры в целом, Ю. В. Казарин подчеркивает ее несомненную значимость: «Единицы лексического уровня в процессе смыслообразования и смысловыражения создают структурно-смысловую ось поэтического текста как неотъемлемой части культуры» [5, с. 184].

Для характеристики основных особенностей лексической структуры поэтических текстов М. Волошина обратится к нескольким стихотворениям, относящимся к одному периоду творчества поэта – периоду «блужданий». Стихотворение «Как Млечный Путь, любовь твоя...» написано в 1907 г.:

*Как Млечный Путь, любовь твоя
Во мне мерцает влагой звездной,
В зеркальных снах над водной бездной
Алмазность пытки затая.*

*Ты – слезный свет во тьме железной,
Ты – горький звездный сок. А я –
Я – помутневшие края
Зари слепой и бесполезной.*

*И жаль мне ночи... Оттого ль,
Что вечных звезд родная боль
Нам новой смертью сердце скрепит?*

*Как синий лед мой день... Смотри!
И меркнет звезд алмазный трепет
В безбольном холоде зари.*

Интерпретации стихотворения способствуют экстралингвистические факторы: по дате (март 1907 г.) понятно, что написано оно под влиянием чувств к жене Маргарите Сабашниковой. Ко времени создания этого поэтического произведения супруги уже не были вместе: в феврале 1907 г. произошел разрыв их отношений, так как М. Сабашникова предпочла мужу чету Ивановых. Максимилиан Волошин, сильно переживая случившееся, достойно принял сделанный женою выбор. Очень небольшой срок с момента расставания объясняет болезненность восприятия лирическим героем стихотворения всего, что связано с возлюбленной.

Стихотворение не имеет названия, которое могло бы натолкнуть читателя на мысль о его эстетическом смысле, однако употребление в препозиции лексемы «любовь» позволяет без труда определить тему произведения и говорить о лексической структуре данного текста индуктивного типа. Ключевой концепт любовь вбирает в себя концепт чувство влюбленного и концепт чувство возлюбленной, связанных отношением контраста и репрезентированных ассоциатами *Ты, Я*. Указанные элементы лексической структуры текста актуализируют в сознании читателя мысль о различии испытываемых героями чувств. На протяжении всего стихотворения сохраняется меланхоличная интонация, настроение грусти и душевной боли.

В ходе текстового развертывания указанные концепты раскрываются при помощи используемых автором стихотворения художественных средств, среди которых основным является антитеза: вторая строфа включает в себя противопоставленные строки, характеризую-

щие сущность и разность чувств лирического героя и его возлюбленной: местоимения *Ты* и *Я* резко противопоставлены при помощи противительного союза «а» (обнаруживается лексическая структура контрастивного типа). При этом *Ты* героини возвышенно-прекрасно (*слезный свет, горький звездный сок*) в восприятии лирического героя, тогда как лирическое *Я* представлено намеренно уничижительно (*помутневшие края / Зари слепой и бесполезной*). Противопоставленность основных лексических единиц *Ты, Я* организуется и текстовыми ассоциатами: в отношениях контраста находятся образы ночи (*Млечный Путь, звездная влага, звездный сок, зеркальные сны, звезд алмазный трепет*) и дня (*края зари*).

Метафоричное сравнение в первой строфе определяет сущность испытываемого лирическим героем чувства: любовь для него – Млечный Путь, направляющее начало, мерцающая звездная дорожка. Однако вместе с тем в ней таится *алмазность пытки*. Образ звездной любви-пытки раскрывается в эпитетах и метафорах второй и третьей строф: *слезный свет, горький звездный сок, вечных звезд родная боль*. Метафора *...вечных звезд родная боль / Нам новой смертью сердце скрепит* усиливает трагизм восприятия передаваемых чувств лирического героя, апофеозом которых становится состояние эмоциональной смерти, передаваемое в последней строфе сравнением *как синий лед мой день* и метафорой *И меркнет звезд алмазный трепет / В безбольном холоде зари*. Лексема *лед* в сочетании с колоремой *синий* (синий цвет во многих стихотворениях поэта содержит отрицательные коннотации, ср.: *Боль пришла, как тихий синий свет; Смерть сурово придет, как синяя гроза*) и окказиональный эпитет *безбольный холод* актуализируют в сознании читателя мотив смерти. Об этом же говорит сама лексема «смерть», упоминаемая в третьей строфе стихотворения. Лирический герой не бежит от эмоциональной смерти, он принимает ее как неизбежность, несмотря на горькое сожаление об утрате (*Жаль мне ночи*).

Несмотря на то, что чувство, испытываемое лирическим героем, – пытка, боль для него все же *родная (родная боль)*, тогда как отсутствие чувства – *безбольный холод*. Однако последняя строфа – демонстрация того, как боль любви уступает место ее отсутствию, рождая в сознании читателя гиперконцепт «утрата любви».

Таким образом, анализ лексической структуры эксплицитного типа данного стихотворения позволяет выявить его глубинный смысл, заключающийся в утрате любви и жертвенности.

Стихотворение 1906 г. «Быть черною землей...» посвящено А. М. Петровой, искусствоведу, другу и наставнику М. Волошина, оставившей глубокий след в жизни и творчестве поэта. Приведем текст стихотворения:

*Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь,
Ослепнуть в пламени сверкающего ока
И чувствовать, как плуг, вонзившийся глубоко
В живую плоть, ведет священный путь.*

*Под серым бременем небесного покрова
Пить всеми ранами потоки темных вод.
Быть вспаханной землей... И долго ждать, что вот
В меня сойдет, во мне распнется Слово.*

*Быть Матерью-Землей. Внимать, как ночью рожь
Шушит про таинства возврата и возмездья,
И видеть над собой алмазных рун чертеж:
По небу черному плывущие созвездья.*

Стихотворение также не имеет названия, от которого можно было бы оттолкнуться читателю в понимании его смысла. Аллегория как основной прием в построении данного поэтического текста, художественно обогащая стихотворение, усложняет при этом его восприятие и понимание: подобно тому, как земля вбирает в себя семя и из него рождает колос, поэт, *раскрыв покорно грудь*, проникается всем, что дает жизнь, чтобы затем воплотить это в Слове.

Лексема «Слово» – «центральный узел» ассоциативно-семантической макроструктуры, употребленная с заглавной буквы и находящаяся в интерпозиции (текст имеет лексическую структуру индуктивно-дедуктивного типа), дает возможность обобщить предшествующее лексическое развертывание и создать установку на последующую конкретизацию актуального смысла текста, а также определить его основной концепт – *поэтическое творчество*. Кроме обозначенной лексемой концепт «поэтическое творчество» репрезентируют ассоциаты: *священный путь* (в поэтической картине мира М. Волошина

путь поэта – это дорога избранных, призванных изменить мир), *алмазные руны*. Термин «руны» имеет связь с древнегерманским корнем *run*, имеющим значение «тайна». Этот сокровенный язык и письмо, обладающие магическими свойствами, использовались древними скандинавами. Непосвященным руны неподвластны, для понимания их нужно обладать особым знанием [6]. В данном тексте они символизируют особую значимость поэта, его исключительность, наделенность особой мудростью – умением созерцания и способностью понимать мироздание: *Внимать, как ночью рожь / Шуришит про таинства возврата и возмездья, / И видеть над собой алмазных рун чертеж: / По небу черному плывущие созвездья.*

Уподобление поэта Матери-Земле также символично: поэт не просто создает произведение, он дает миру выстраданное, рожденное в муках Слово. Образ Земли мифологичен: лексема «распнется» ассоциативно уводит читателя к библейскому мотиву распятия. Здесь будет уместно вспомнить о том, что М. Цветаева говорила о М. Волошине как о «земно-родном»: «В Максе жила четвертая, всеми забываемая стихия – земли... О нем, как и о горах, можно было сказать: массив» [7, с. 185]. Не случайно образ земли – один из центральных в лирике М. Волошина. И в произведениях других поэтов его привлекает «сырой земли угрюмое величье» («К твоим стихам меня влечет не новость...») (Балтрушайтису, 1903)).

В анализируемом тексте лексический повтор *быть землей* употреблен трижды (в каждой строфе) в разных вариантах: *Быть черною землей, Быть вспаханной землей, Быть Матерью-Землей* – и реализует концепт «сущность поэта». Согласимся с мыслью В. Т. Фаритова о том, что этим повтором «поэт закликает самого себя: быть землей, быть материальным, телесным» [8, с. 20]. Исследователь небезосновательно видит в этом «элемент антропософского учения, согласно которому задача духа не в отделении от тела, но в проработке всего материального, телесного и земного. Плоть должна быть одухотворена, преобразована светом мысли и сознания. Для этого дух должен стать самой плотью и испытать все, что присуще ее способу существования: глухие и смутные порывы, ранения, страдания, смерть и возрождение» [8, с. 20]. На наш взгляд, можно предположить наличие в данном повторе градации: изначально – черная земля, смиренно принимающая проникновение в себя плуга, ведущего *священный путь*; далее образ, испытавший на себе священное воздействие, становится значимее, достигая в по-

следней строфе максимума: Мать-Земля – образ, наполненный мудростью, обретший способность понимать Вселенную.

Ассоциативно-смысловое поле концепта «выстраданность творчества» представлено текстовыми ассоциатами – элементами лексической структуры текста: *вонзивишийся глубоко в живую плоть; пить всеми ранами*, актуализирующими в сознании читателя мысль о том, что настоящее рождается через страдание, и поэт, чтобы стать настоящим мастером, должен прочувствовать боль на пути постижения жизни.

Таким образом, концептуальная структура анализируемого стихотворения формируется тремя основными концептами (*поэтическое творчество, сущность поэта, выстраданность творчества*), связанными последовательно отношениями включения. Выявленные в ходе анализа стихотворения особенности лексической структуры позволяют понять авторские интенции, отраженные в тексте имплицитного типа. Используемый приём аллегории и высокая метафоричность способствуют активизации речемыслительной деятельности адресата для понимания воплощенной в тексте авторской идеи о сущности поэта.

В стихотворении 1904 г. «Рождение стиха» однородность лексической структуры отражается в репрезентации ключевого концепта – «поэтическое творчество», актуализированного названием лирического произведения.

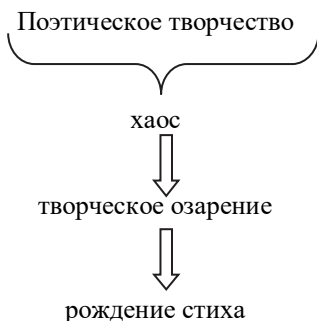
*В душе моей мрак грозовой и пахучий...
Там вьются зарницы, как синие птицы...
Горят освещенные окна...
И тянутся длинные,
Протяжно-невучи
Во мраке волокна...
О, запах цветов, доходящий до крика!
Вот молния в белом излучин...
И сразу всё стало светло и велико...
Как ночь лучезарна!
Танцуют слова, чтобы вспыхнуть попарно
В влюбленном созвучии.
Из недра сознания, со дна лабиринта
Теснятся виденья толпой оробелой...
И стих расцветает цветком гиацинта,
Холодный, душистый и белый.*

Развернутая метафора, используемая М. Волошиным в качестве основного художественного приема, завершается строками, содержащими лексему «стих», также указывающую на предмет авторского изображения.

В данном тексте реализуется одно из шести ассоциативных направлений концепта «хаос», выявленных А. В. Болотновым в творчестве М. Волошина: *хаос – творчество – гармония* (подробно см. [9]). Текстовые ассоциаты: лексема *мрак*, повторяющаяся дважды (в первой и шестой строках), сочетания *из недра сознания, со dna лабиринта* – наряду с ассоциатом *крик* репрезентируют в анализируемом стихотворении концепт «хаос».

Для стихотворения характерна динамика: вначале *мрак*, символизирующий смятение, неясность чувств на самом первом этапе таинства рождения Слова; он обозначен на уровне чувственном (*в душе*), зрительном (*зарниц; синие; освещенные; молния в белом излучин*), слуховом (*протяжно-певучи*), обонятельном (*пахучий; запах цветов, доходящий до крика*); затем внезапное преобразование (*Сразу все стало светло и велико*) – момент озарения. Ассоциативно-смысловое поле концепта «творческое озарение» формируется на основе текстовых ассоциатов: *светло и велико; ночь лучезарна; вспыхнуть; в влюбленном созвучии; теснятся виденья*. Данный концепт подготавливает читателя к восприятию завершающего стихотворение концепта – «явление стиха», переданного синестезийным образом цветка гиацинта (синестезийность достигается благодаря использованию эпитетов).

Концептуальную структуру данного стихотворения графически можно представить следующим образом:



Три развивающихся последовательно концепта («хаос», «творческое озарение», «рождение стиха») связаны с основным («поэтическое творчество») отношениями включения. Сложная структура различных текстовых ассоциатов, образуя определенные направления ассоциирования, отражает многогранный и динамический характер концепта. Метафоричность, синестезийный характер авторского мировосприятия, используемые восклицания, сравнения и многочисленные эпитеты помогают понять авторские интенции, обогащают прагматический потенциал стихотворения.

В целом, как следует из проведенного анализа лексической структуры отдельных поэтических текстов, для стихотворений М. Волошина характерна в большей мере лексическая структура имплицитного типа, в рамках которой словесно-художественное структурирование отличается богатством и многообразием.

Литература

1. Болотнова, Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня / Н. С. Болотнова. – Томск : Изд-во ТГПУ, 1992. – 312 с.
2. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста : учебное пособие / Н. С. Болотнова. – 4-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 520 с.
3. Карпенко, С. М. Ассоциативные связи слова в узусе и поэтическом тексте (на материале творчества Н. С. Гумилёва) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. М. Карпенко. – Томск, 2000. – 26 с.
4. Курьянович, А. В. Коммуникативные аспекты слова в эпистолярном дискурсе М. И. Цветаевой : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Курьянович. – Томск, 2001. – 17 с.
5. Казарин, Ю. В. Поэтический текст как система : монография / Ю. В. Казарин. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 1999. – 260 с.
6. Степанов, А. М. Толковый словарь по эзотерике, оккультизму и парапсихологии / А. М. Степанов. – Классик Стиль, 2004. – 787с. – URL: <https://www.extra-mir.ru/dictionary/> (дата обращения: 03.12.2022).
7. Максимилиан Волошин – художник : сборник материалов / сост. Р. И. Попова. – Москва : Советский художник, 1976. – 238 с.
8. Фаритов, В. Т. Философия времени и земли в лирике Максимилиана Волошина / В. Т. Фаритов // Философская мысль. – 2015. – № 11. – С. 112–132.
9. Болотнов, А. В. Вербализация концепта хаос в поэтическом дискурсе серебряного века (на материале творчества М. И. Цветаевой, М. А. Волошина, О. Э. Мандельштама) : монография / А. В. Болотнов. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2010. – 287 с.

Раздел VI. Теория смыслового развертывания текста и его интерпретация

УДК 811.161.1'276.6'38:001
ГРНТИ 16.01.11

ЭЛАСТИЧНОСТЬ В РЯДУ КОММУНИКАТИВНЫХ СВОЙСТВ НАУЧНОГО ТЕКСТА (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

ELASTICITY IN A SERIES OF COMMUNICATIVE PROPERTIES SCIENTIFIC TEXT (TO STATEMENT OF THE QUESTION)

М. П. Котюрова

*ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет», Пермь, Россия*

Ключевые слова: научный текст, коммуникативные свойства текста, эластичность, стилистика научного текста, коммуникативная стилистика текста

Keywords: communicative properties of the text, elasticity, style of the scientific text, communicative style of the text

Аннотация. Ставится вопрос о целесообразности применения понятия эластичности к научному тексту. Эластичность рассматривается в ряду таких свойств научного текста, как целостность, устойчивость, динамичность, открытость. Приводятся примеры, в которых эластичность показана как готовность к целесообразной замене компонентов речевой системы научного текста.

Annotation. The article raises the question of the expediency of applying the concept of elasticity to a scientific text. Elasticity is considered among such properties of a scientific text as integrity, stability, dynamism, openness. Examples are given in which elasticity is shown as readiness for the expedient replacement of the components of the speech system of a scientific text.

Как известно, мыслительная деятельность ученого зафиксирована в тексте. Наряду с устойчивостью ей присуща гибкость, подвижность. Метонимический перенос позволяет приписать гибкость речевой системе (тексту). Уместно процитировать Ю. Т. Рубаника, научного редактора книги «Искусство системного мышления»: «Секрет понимания системы, создания ее целостного образа состоит в умении выделить главные связи, взаимозависимости, определяющие специфические особенности ее жизнедеятельности, формирование интегральных свойств» [1, с. 14]. Можно даже считать, что такая способность – неизбежное и необходимое свойство, которое мы понимаем как *эластичность* системы, созданной по воле субъекта коммуникативно-познавательной деятельности (термин *эластичность* заимствован из кибернетики). Для понимания этого свойства системы существенно то, что состояния подсистем изменяются в ответ на изменение в какой-либо из них, т. е. в ответ на динамику этой подсистемы.

Цель статьи – постановка вопроса о целесообразности применения понятия эластичности к научному тексту в рамках стилистики научного текста, коммуникативной стилистики, литературного редактирования, культуры речи и других смежных лингвистических направлений.

Значение слова *эластичный*:

– в *«Толковом словаре»* – «Упругий и гибкий <...>. Обладающий способностью растягиваться, тянуться и возвращаться в прежнее положение» [2, с. 754]. Как видим, толкование дается с учетом восприятия этого качества человеком;

– в *кибернетике* – степень готовности компонента системы к изменению; понятие *эластичность* иллюстрируется на примере экономического состояния общества;

– в *стилинике* научного текста можно дать следующее определение: *эластичность научного текста* – готовность текста к изменению (либо интерпретации) его коммуникативных свойств в соответствии с эталонным научным текстом. Выявить готовность текста к изменению может только субъект, значит, это свойство следует считать субъективным.

Сжатое определение содержит ряд вопросов: *Как понимается интерпретация? Какой читатель выступает интерпретатором? Какие свойства текста объединяются понятием эталонный научный текст?*

Дадим столь же лаконичные ответы:

– *интерпретация* – субъективное мнение об объективной действительности;

– *интерпретатором* выступает специалист в качестве читателя, подготовленного в данной области;

– *эталонный научный текст* [3] – это сложная система, система-паутина, которая функционирует как целое, а это значит, что у нее есть свойства, отличающиеся от свойств составляющих ее частей. Системе текста присущи «сильные», «всесоюзные», т. е. системные, свойства, известные как *эмерджентные* (от англ. *emerge* – возникать, появляться) или *возникающие*. К ним относятся такие, как **целостность, устойчивость, динамичность, открытость**.

Содержание научного текста всегда фрагментарно, хотя репрезентировано в виде объемного, многомерного и в то же время композиционно целостного конструкта. Подходя к понятию **целостности** коммуникативно-познавательной композиции с нетрадиционной точки зрения, учтем трактовку этого понятия художником А. В. Свешниковым [4]. Подчеркнем значимость композиционного мышления для организации диалога не только художника и зрителя, но и автора и читателя научного текста. Диалог автора и читателя только тогда считается эффективным, когда между ними достигается понимание (в широком смысле – всегда условное, частичное). Содержание текста организовано по-разному: континуально – акцентируя именно эпистемическую, научно-познавательную нерасчлененность, целостность содержания текста [5] всего научного произведения; дискретно-логически – объединяя различные компоненты содержания текста на формально-логической основе; голографически – ориентируя интерпретатора на научно-познавательное осмысление целостности содержания как отдельных фрагментов текста, так и всего текста. Используемые приемы смыслового структурирования призваны помочь

автору реализовать замысел в линейной речевой форме, целенаправленно дифференцируя ее с учетом разных оснований и создавая новую содержательную форму – целостный научный текст.

Устойчивость (статичность) как одно из основных понятий динамики соотносится с терминосистемой текста. Термины благодаря «одобрению» и отбору отдельными исследователями, а также благодаря более широкому употреблению в научных текстах становятся устойчивыми. Именно устойчивость речевой системности обеспечивает самодостраивание целостной структуры текста. **Динамичность** смысла текста соотносится с употреблением вариативных компонентов – периферийных для смысловой структуры стереотипных единиц, что, несомненно, говорит об **открытости** как самих стереотипных единиц, так и текста в целом.

Понятно, что эта речевая система обладает и иными коммуникативными свойствами, прежде всего такими, как понятийная точность, логичность, связность, диалогичность изложения содержания и др. В отличие от эмерджентных, эти свойства присущи как целому тексту, так и его частям. Следует особо подчеркнуть, что все свойства текста концентрируются одной целью – коммуникативной: не только выразить научное знание, но и помочь читателю в понимании текста. Известно, что текст функционирует только в процессе понимания. Чем ближе автор к познаваемому миру, тем ближе он к читателю, тем «личностнее» его текст; чем более абстрагирован предмет мысли автора от реального мира, тем сильнее его стремление самоустраниться лично, оставаясь в ипостаси лишь познающего человека, т. е. абстрактного субъекта познания, но вместе с тем и все шире выражающего свою познавательную сущность посредством различных свойств текста.

Место эластичности в кругу свойств текста

Согласно логике нашего рассуждения, место этого свойства находится в ряду системных свойств, точнее сказать, эмерджентных, или метасвойств (в иерархии свойств это самый высокий уровень), а

именно между устойчивостью и динамичностью – целостность, устойчивость, эластичность, динамичность, открытость.

Готовность текста к интерпретации

(а не просто к его пониманию)

Мы имеем в виду завершённость порождения и оформления текста, отсутствие в нем «*тёмных* для читателя/интерпретатора» мест. Например, автор затрудняется в выборе модальности. А ведь модальность ориентирует на употребление совокупности языковых единиц с определенным контекстуальным значением. Значит, выбор модальности очень важен. Изменение модальности повлечет за собой употребление совсем другого комплекса единиц.

Приведём примеры проявления эластичности из сборника тезисов научных докладов [6]. Внимание интерпретатора привлекают высказывания с семантикой неопределенности: *некоторая стагнация стилистики, понятие во многом предваряло, множество разновидностей, разнообразные факторы, по разным параметрам, по ряду параметров, определенного стиля, не всегда соответствует, требует соответствующей вербализации, в разных отношениях, целого ряда теорий, является своего рода вершиной*, а также высказывания с семантикой модальности возможности: *возможность изучения, позволяет исследовать, могут стать плодотворными и способствовать, может стать частью проблематики*. Зафиксировано 16 высказываний.

Как интерпретировать приведенный речевой факт? Во-первых, в плане речевой культуры, несомненно, как чрезмерное увлечение выражением неопределенности авторского мнения; во-вторых, как стремление не быть категоричным в суждениях, дать возможность читателю «мягко», без бурных возражений воспринять позицию автора; в-третьих, как подчеркнутое, «форсированное» выражение относительности гуманитарного научного знания. Возможна и другая интерпретация данного речевого факта.

Рассмотрим ещё пример из того же сборника тезисов докладов. Обратим внимание на «игру модальностей».

«Понимание языкового знака **в синхронии**... *сложно применить* к культурным знакам». [Реакция интерпретатора: 1) значит, не применять! 2) почему сложно? 3) в чем противоречие?]

Потому что «их культурная обусловленность устанавливается и доказывается **диахронически**». [Интерпретатор: Противоречия между синхронией и диахронией нет: синхрония – момент диахронии]. Вывод автора: «*С высокой степенью вероятности* [модальность высшей степени уверенности. – интерпретатор] *можно полагать, что* [снижение степени уверенности до возможности] обнаруженные закономерности *могут послужить* [модальность возможности] **основой для выделения** [сильное методологическое заключение – интерпретатор] элементарных концептуальных составляющих...».

Общий вывод интерпретатора: это заключение вытекает **не из противоречия**, заявленного в начале текста, а **благодаря уточнению, дополнению** точки зрения предшественника.

Важно подчеркнуть: готовность к замене, возможность целесообразной замены компонентов системы свидетельствует о том, что эластичность представляет собой эмерджентное, возникающее свойство текста, репрезентирующее роль частного компонента в процессе функционирования общего – текстовой системы.

Определение понятия

Мы подошли к рассмотрению эластичности, понимаемой в качестве коммуникативного свойства научного текста в ряду других коммуникативных свойств. Дадим более полное определение трактуемой нами эластичности текста.

Итак, **эластичность** – *субъективное эмерджентное коммуникативное метасвойство научного текста как завершенной, устойчивой, целостной, открытой речевой системы, проявляющееся в готовности к целесообразной замене ее компонентов «под давлением» когнитивной установки интерпретатора (читателя-специалиста, автора при саморедактировании или научного редактора).*

Осторожно: слово в контексте!

Мы обратились к позиции адресата/читателя/интерпретатора/исследователя готового текста. Изучение такой позиции представляет несомненный интерес в рамках адресатной и адресантной стилистики. О необходимости разрабатывать обе стилистики есть замечания в статьях М. Н. Кожинной [7; 8] и Т. В. Шмелёвой [9]. И при порождении, и при восприятии текста важно учитывать способность человека к *иллюзорности* восприятия предмета, в отношении текста – предрасположенность к заблуждениям, основанным на иллюзиях в отношении содержания текста. Основной иллюзией автора текста является представление об адекватном прочтении его мысли. Возьмем хотя бы употребление метатекстовых стереотипных единиц, имеющих определенную семантику. Например, обоснованно ли выражена уверенность, категоричность мнения посредством конструкций типа *ясно, что; понятно, что; несомненно; невозможно сомневаться в том, что* и многих других. Обратим внимание на то, адекватна ли рациональная оценка, вынесенная относительно области исследования и зафиксированная такими единицами, как *актуальное, глубокое, детальное, обширное, объективное, теоретическое, углубленное, фундаментальное, ценное*, либо соответствует ли действительному положению дел подход к материалу, метод его исследования, когда использованы такие определения, как *всесторонний, новаторский, малоубедительный, исчерпывающий, односторонний, убедительный, оригинальный, парадоксальный, продуктивный, уникальный, эффективный* и многие другие.

Вывод

При увеличивающемся числе публикаций, но в общем контексте недостаточной аргументированности ситуация может оказаться еще более трудной: заблуждения закрепляются, порождают те или иные мифы и легко входят в общий научный фонд.

На наш взгляд, представленные рассуждения дают основание считать **актуальным** не только *наблюдение* над эластичностью научной речи, но и углубленное *изучение* репрезентации этого важного и инте-

ресного для стилистики системного коммуникативного метасвойства научного текста.

Литература

1. О'Коннор, Дж. Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем / Дж. О'Коннор, И. Макдермотт. – Москва : Альпина Бизнес Букс, 2006. – 256 с.
2. Котюрова, М. П. Стилистика научной речи : учебное пособие / М. П. Котюрова. – Пермь : Изд-во Пермского университета, 2009. – 363 с.
3. Словарь русского языка : в 4 т. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – Москва, 1988. – Т. 4. – 800 с.
4. Свешников, А. В. Композиционное мышление : анализ особенностей художественного мышления при работе над формой живописного произведения: учебное пособие по курсу «Живопись» для студентов художественных факультетов / А. В. Свешников. – Москва : Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова, 2001. – 275 с.
5. Котюрова, М. П. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений) : монография / М. П. Котюрова, Н. В. Соловьева. – Москва : Флинта, 2019. – 264 с.
6. Семиотическая гетерогенность языковой коммуникации : теория и практика : тезисы докладов Международной научной конференции, Москва, 27–28 октября 2011. – Москва : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – 162 с.
7. Кожина, М. Н. О диалогичности письменной научной речи : учебное пособие по спецкурсу / М. Н. Кожина. – Пермь : Пермский университет, 1986. – 91 с.
8. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. / под ред. проф. М. Н. Кожинной. – Т. II. Стилистика научного текста (общие параметры). – Ч. 2. Категории научного текста : функционально-стилистический аспект. – Пермь : Изд-во Пермского университета, 1998. – 396 с.
9. Шмелёва, Т. В. Речь / Т. В. Шмелёва // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Большая Российская энциклопедия : Дрофа, 1997. – С. 417–420.

УДК 81-139
ГРНТИ 16.01.11

ВАРИАТИВНЫЙ ПОВТОР И ЕГО РОЛЬ В ДИНАМИКЕ СМЫСЛОВОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ НАУЧНОГО ТЕКСТА

VARIATIVE REPEAT AND ITS ROLE IN DYNAMICS OF SEMANTIC DEVELOPMENT OF A SCIENTIFIC TEXT

Н. В. Данилевская

*ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет», Пермь, Россия*

Ключевые слова: научный текст, развернутый вариативный повтор, динамика текстообразования, формальные разновидности повторов, функции повторов, искусственный интеллект

Keywords: scientific text, extended variable recurrences, dynamics of text formation, formal varieties of recurrences, functions of recurrences, artificial intelligence

Аннотация. Рассматривается вопрос о роли развернутых вариативных повторов (РВП) в научном тексте. Излагается теория вариативных повторов, на основе которой делается вывод об их текстостроительной и смыслоорганизующей природе. Приводятся примеры формально-структурных и функциональных разновидностей РВП, а также перечисляются языковые способы их текстуализации. В основе анализа лежат функционально-стилистический и дискурсивный методы исследования. Дискурсивный подход к современной научной коммуникации и осмысление ее места в контексте развития информационных технологий позволяют сделать вывод о больших перспективах теории смысловых повторов для разработки проблем искусственного интеллекта.

Annotation. The article discusses the role of expanded variable repetitions (RVPs) in a scientific text. The theory of variable repetitions is presented, on the basis of which a conclusion is made about their textual and sense-organizing nature. Examples of formal-structural and functional varieties of RVPs are given, as well as linguistic ways of their textualization are listed. The analysis is based on functional-stylistic and discursive research methods. A discursive approach to modern scientific communication and understanding its place in the context of the development of information technologies allows us to conclude that the theory of semantic repetitions has great prospects for the development of artificial intelligence problems.

Известно, что язык представляет собой «мыслительный процесс, основанный на использовании знаний, содержащихся в голове человека» [1, с. 259]. При этом все объяснения реальных (и идеальных) объектов выступают в форме их вербализованного описания, т. е. представляют собой языковой *текст* – устный или письменный. Иначе говоря, в основе текста как вербального продукта познания действительности лежит *знание* как процесс и результат познавательной деятельности человека.

Взгляд на научный текст со стороны воплощаемой в нем познавательной деятельности позволил увидеть, а затем систематизировать и описать такую единицу, как *развернутый вариативный повтор (РВП)*. Идея о наличии в научном изложении развернутых вариативных повторов принадлежала М. Н. Кожиной, активно разрабатывавшей теорию функциональной стилистики и изучающей закономерности образования научного текста. Над этими проблемами под руководством профессора М. Н. Кожиной работал большой научный коллектив. В 1990 г. идея о повторах в научном тексте была решена автором настоящей статьи в кандидатской диссертации «Развернутые вариативные повторы как средство развертывания научного текста», а позже по результатам исследования была издана монография «Вариативные повторы как средство развертывания научного текста» [2].

В названных работах, в частности, утверждается, что *развернутые вариативные повторы* – это тематически и концептуально обусловленные смысловые единицы научного текста различной протяженности (от словосочетания до нескольких абзацев), дословно или с перефразировкой повторяющие высказанное в тексте положение и содержащие в своей структуре элементы нового знания, т. е. некоторое развитие темы (содержания) произведения. Это коммуникативные единицы, рассматриваемые с точки зрения их участия в процессе развертывания целого научного текста, точнее – в выражении динамики развертывания старого и нового знания как средство реализации коммуникативной функции языка и спиралевидности процесса познания [2, с. 22].

Подчеркивается также, что:

1) РВП – это смысловые и стилистические единицы, выполняющие функцию повторения ранее высказанной в тексте мысли (или основного высказывания, ОВ). В силу этого РВП являются несамостоятельными, зависимыми от ОВ (как производные от них) единицами и всегда постпозитивны по отношению к ним;

2) это совершенно иные, чем уже известные в лингвистике, единицы не только по своему строению – лексическому составу и синтаксической организации, но и по тому, что имеют и собственную смысловую структуру, и структурную организацию, соотносенную со смысловой структурой целого текста;

3) это единицы по своей природе собственно коммуникативные, чье существование в научных текстах обусловлено принципами общения в данной сфере, целым набором экстралингвистических факторов научного функционального стиля; это специфические единицы научного текста, таким образом, это единицы функционально-стилистические, или в целом коммуникативно-стилистические;

4) это единицы *речевые* (текстовые), а не языковые: они формируются и существуют только в конкретном произведении (а не берутся в готовом виде) и выполняют в этом произведении текстообразующую функцию;

5) РВП – это единицы концептуально маркированные, поскольку несут на себе нагрузку основного смысла данного сообщения (обычно целого текста) и выражают, как правило, несмотря на то что они ПОВТОРЫ, **новое** знание, точнее **научно новое** знание (информацию) в рамках данного научного сообщения [2, с. 15–16].

Благодаря таким коммуникативно-смысловым повторам становится потенциально возможным наиболее адекватное, с точки зрения автора-ученого, воплощение в тексте его научной концепции.

Были выявлены и описаны семантические, структурно-синтаксические и функциональные разновидности РВП, характерные для научной речи. Так, в качестве семантических вариантов РВП рассмотрены *тождественные* – наиболее близкие по лексической наполненности или, иначе, почти (но не абсолютно!) тавтологические повторы, и *нетождественные* – не имеющие в своем составе ни од-

ного лексического элемента из ОВ, т. е. повторяющие его исключительно на смысловом уровне по принципу «о том же самом, но иными словами».

В группе структурно-синтаксических разновидностей РВП описаны два основных варианта повторов. Во-первых, РВП, представляющие собой *собственно текстовые единицы*; во-вторых, РВП, функционирующие в тексте как *обычные* (традиционно выделяемые) *синтаксические единицы* – синтаксические конструкции. Эти два основных вида структурного оформления повторов представлены в тексте конкретными разновидностями. Так, РВП первого вида в тексте обычно бывают выражены: 1) сложными синтаксическими целыми (ССЦ); 2) единством нескольких ССЦ, объединенных на основе смысла. Развернутые вариативные повторы второго вида в тексте выражаются: 1) сложными словосочетаниями; 2) простыми предложениями; 3) сложными предложениями.

Надо отметить, что в текстовой ткани эти единицы выступают в качестве средств структурно-синтаксического оформления фактов повторения содержательно важных смыслов, т. е. как своеобразные формы, оболочки для выражения повторяющейся и развивающейся научной мысли.

Различия в синтаксическом оформлении повторов возникают в зависимости от различий их смыслового объема или от количества смысловой информации, содержащейся в том или ином повторе. При этом количество смысловой информации, заключенной в РВП, непосредственным образом зависит от количества смысловой информации, заключенной в ОВ, как воспроизведенное от воспроизводимого. Как видно, структурно-синтаксические особенности РВП обусловлены тем, что именно они повторяют: если отдельное понятие или суждение, то повтор выражается сложным словосочетанием либо самостоятельным предложением; если несколько суждений, тесно взаимосвязанных по смыслу и синтаксически, т. е. ССЦ, то в этом случае повтор может быть выражен либо одним предложением, либо ССЦ. Словом, структурно-смысловые особенности основного высказыва-

ния обуславливают вид (ту или иную разновидность) структурно-смыслового оформления РВП.

Любые повторы, независимо от их семантических или структурно-синтаксических вариантов, выполняют в динамике смыслового развертывания определенные функции. Учитывая этот факт, были описаны следующие функциональные разновидности РВП: 1) **повтор-обобщение**, т. е. повтор с функцией обобщения содержания ОВ; 2) **повтор-конкретизация**, направленный на повторение мысли с целью ее конкретизации; 3) **повтор-пояснение**, посредством которого мысль, повторяясь, одновременно поясняется; 4) **повтор-уточнение**, если автор преследует цель сузить, уточнить смысловой объем ОВ; 5) **повтор-актуализация**, который используется автором речи в случаях, когда необходимо выделить, подчеркнуть, акцентировать какие-либо важные для него смысловые моменты содержания; заострить на них внимание реципиента; 6) **повтор-ретроспекция**, посредством которого пишущий возвращает внимание читателя к тому, о чем сказано было на предшествующих страницах произведения, т.е. повтор, расположенный по отношению к своему ОВ дистантно, и 7) **повтор-проспекция**, с помощью которого автор ориентирует читателя на последующее изложение, а именно на те структурно-смысловые фрагменты текста, которые расположены в правой части произведения (в этом случае повторение осуществляется по такой схеме: в настоящем отрезке текста дается сжатая, тезисная информация о том, о чем в одной из следующих частей текста будет сообщено подробно, в деталях, т. е. развернуто).

Подобное функционально-смысловое разнообразие РВП способствует, как показывает анализ, успешному (адекватному) развертыванию научного сообщения. При этом важно, что применительно к вербальному развитию мысли, концепции и развертыванию текста все перечисленные функции РВП объединены наиболее общей – **текстообразующей функцией**. Иными словами, в рамках научного изложения роль РВП, без всякого преувеличения, – стратегическая, поскольку с их помощью происходит постепенный, но неуклонный процесс текстообразования.

Важно подчеркнуть, что все повторы, кроме перечисленных уже способов фиксации в письменной научной речи, предстают в тексте либо как *эксплицированные*, либо как *неэксплицированные*. **Эксплицированные повторы** вводятся в изложение специальными языковыми или графическими средствами. Языковые средства экспликации повтора – это дискурсивы дейктического характера, например: *как уже было сказано, еще раз повторим, как было подчеркнуто на с. 39, таким образом, иными словами, иначе говоря, то есть, а именно, именно* и др. Графическим способом репрезентации РВП служат, как правило, скобки, тире, курсив, разрядка и другие возможности печатного выделения высказывания. **Неэксплицированные повторы** вводятся в текст без специальных дейктических элементов, повторяя сказанную ранее мысль в новом контекстуальном окружении.

Приведем несколько примеров РВП с краткими комментариями:

1. **РВП-уточнение:** *В речи (в нашем случае – письменной научной) вводные слова относятся к вспомогательной системе дискурсивов...* (Котюрова, с. 99).

В этом примере в скобках дано уточнение (см. выделенное полужирным курсивом), что следует рассматривать как смысловой повтор по отношению к предложно-падежному сочетанию *в речи*: автор уточняет более широкое понятие *речь* посредством сужения его смыслового объема, чтобы читатель имел в виду, прежде всего, письменный вариант научной речи. Данный повтор можно считать эксплицированным за счет скобок как способа графического выделения части высказывания.

2. **РВП-обобщение:** *Итак, повторяя основную мысль монографии, подчеркнем, что акцентное выделение возникает там, где необходимо выйти за пределы одной описывающейся ситуации, базирующейся на нормативной оценке её составляющих компонентов* (Николаева, с. 61).

Повтор обобщающего повтора к большому объему текста (монографии). Повторение является нетождественным, так как воспроизводит концептуально важную мысль (идею) произведения в общих чертах. Введению в текст самого повтора служит вводное слово *итак*.

3. РВП-актуализация:

ОВ – *«Язык представляет собой действительно уникальный объект, диктующий... необходимость сохранения его **интегральности** во всех конкретных исследованиях. В принципе задаче изучения языка может отвечать только лингвистика, не упускающая из виду его тотальность на всех уровнях и в любых конкретных проявлениях. По существу такая **лингвистика** должна быть **коммуникативной**»* (Колшанский, с. 51).

РВП – *«**Коммуникативная лингвистика** должна быть **интегральной** наукой, обеспечивающей адекватное описание языка – его звуковой материи, лексической системы и грамматического строя как единой плоти языка»* (Колшанский, с. 62).

В данном примере показан повтор неэксплицированный и нетождественный (количество повторяющихся лексем ничтожно мало), но воспроизводящая мысль практически полностью соответствует основному высказыванию.

Все, о чем мы говорили выше, согласуется с законом отрицания отрицания, подразумевающим именно поступательное движение в познании с возвратом «якобы к старому», уже известному, но на более высокой ступени своего развития. Подобным же образом осуществляется изложение в научном тексте, фиксирующем обычно динамику самого познавательного процесса: поступательность в развитии знания от старого к новому реализуется в тексте в неизбежном обращении к старому, ранее высказанному в данном произведении, в опоре на это старое, через его хотя бы частичное повторение.

Итак, мы описали теорию развернутых вариативных повторов в самых общих чертах. Но не для того, чтобы реанимировать эту идею М. Н. Кожинной, а прежде всего для того, чтобы, оттолкнувшись от сути данной концепции, показать ее актуальность в новых условиях развития лингвистики и стилистики.

Сегодня, в эпоху масштабной компьютеризации общества и внедрения цифровых технологий во все сферы жизни человека, включая образование и науку, невозможно переоценить возможности лингвостилистических исследований, направленных на описание закономер-

ностей формирования нового научного знания, а также правил и норм его воплощения в тексте. Особенно остро нуждается в этих разработках та новая прикладная область языкознания, которая связана с проблемами искусственного интеллекта. Как научить компьютер вычленять в научном тексте новое научное знание? Проблема сложная, но, как представляется, решаемая. И решаемая во многом посредством именно теории о РВП. Повторы, о которых мы писали, – это смысловые вехи постепенного формирования и выражения нового знания в целом тексте. Задача лингвистов – научить «машину» видеть повтор мысли, идентифицировать этот повтор, как мысль концептуально значимую, и на основе этого формировать основное содержание текста, непосредственно связанное с новой научной идеей.

М. Н. Кожина, предвидя высокую важность теории РВП для стилистики научного текста, мечтала о том, что когда-нибудь посредством развития теории РВП можно будет описать топографию нового знания в научном тексте. Эта задача, к сожалению, не была решена тогда, на стыке столетий. Однако сегодня необходимость ее решения востребована самим ходом жизни. Необходимо с новых позиций и на иных основаниях (например, дискурсивных, интерстилистических, межкультурных) вернуться к идее замечательного ученого, который в научных изысканиях во многом опередил свое время.

Литература

1. Кликс, Ф. Пробуждающееся мышление : У истоков человеческого интеллекта / Ф. Кликс. – 2-е изд., перераб. и доп. – Київ : Вища школа : Изд-во при Киевском университете, 1985. – 295 с.

2. Данилевская, Н. В. Вариативные повторы как средство развертывания научного текста / Н. В. Данилевская. – Пермь : Изд-во Пермского университета, 1992. – 145 с.

Список исследованных текстов

1. Колшанский, Г. В. Проблемы коммуникативной лингвистики / Г. В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1979. – № 5. – С. 51–62.

2. Котюрова, М. П. Вводные слова как маркеры речевой индивидуальности ученого / М. П. Котюрова // Стереотипность и творчество в тексте : межвузовский

сборник научных трудов / под ред. проф. М. П. Котюровой. – Пермь, 2017. – Вып. 21. – С. 98–111.

3. Николаева, Т. М. Семантика акцентного выделения / Т. М. Николаева. – Москва, 1982. – 104 с.

УДК 81'38
ГРНТИ 16.21.33

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

LEXICAL SYNONYMS IN THE SPACE OF A LITERARY TEXT

В. Д. Черняк

*ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена», Санкт-Петербург, Россия*

Ключевые слова: синонимия, художественный текст, лексическая структура текста, языковая рефлексия, семантические различия

Keywords: synonymy, literary text, lexical structure of the text, language reflection, semantic differences

Аннотация. Рассматривается проблема синонимии в аспекте функциональной лексикологии. Текстовые проекции синонимов определяются как связями в лексической системе, так и внутренними закономерностями текстовой организации, особенно значимыми для художественного текста. Ведущим принципом использования синонимов является актуализация их различий, особенно заметная при намеренном соположении в тексте.

Annotation. The article is devoted to the problem of synonymy in the aspect of functional lexicology. The text projections of synonyms are determined both by the connections in the lexical system and by the internal laws of the textual organization, which are especially significant for a literary text. The leading principle of using synonyms is the actualization of their differences, especially noticeable with intentional juxtaposition in the text.

В многолетней исследовательской деятельности профессора Нины Сергеевны Болотновой, в многочисленных работах ее учеников в центре внимания всегда оказывается художественный текст, прежде все-

го текст поэтический. Многие идеи, воплощенные тридцать лет назад в докторской диссертации «Художественный текст в коммуникативном аспекте: комплексный анализ единиц лексического уровня» [1], в последующие годы получили глубокое и многоаспектное развитие.

Становление и развитие коммуникативной стилистики текста, ставшей основой научного поиска Н. С. Болотновой, было органично связано с идеями функциональной лексикологии, которые с 70-х гг. XX в. развивала в ЛГПИ им. А. И. Герцена (позже – в РГПУ им. А. И. Герцена) профессор В. В. Степанова. Вера Васильевна Степанова последовательно отстаивала мысль о том, что «анализ слова в тексте, определение лексической структуры текста предполагает учёт трёх отношений слова: соотносённость слова с реальным миром, поскольку слово – носитель элементов информации об объективной действительности; соотносённость слова с „миром слов“, т. е. обращение к слову уже как к единице лексической системы; и, наконец, соотносённость слова с другими единицами текста» [2, с. 211].

Текстовые проекции лексических единиц, с одной стороны, определяются их многомерными связями в лексической системе, а с другой – диктуются закономерностями организации конкретного текста. Как отмечал А. Ф. Лосев, «слово, если, конечно, оно взято не в словаре, а в живом языке, всегда связано с другими словами и несет на себе смысловую энергию того целого, куда это слово входит вместе с прочими...» [3, с. 32]. Для выявления механизма формирования лексической структуры текста важно учитывать, что «слово, всплыв на поверхность сознания, начинает „вытягивать“ именно системно релевантные для него общепринятые ассоциации и связи, то есть становится толчком к обогащению мысли, помогает ее формированию» [4, с. 145]. Подчеркнем, что именно ассоциативный механизм текстовой организации стал определяющим во многих исследованиях Н. С. Болотновой.

Особое место в исследовании художественного текста принадлежит синонимам, которым и посвящена данная статья. Проблема понимания и порождения текстов имеет стержневую идею – «идею синонимии в широком смысле слова» [5, с. 37]; «всякая стилистика

зиждется на системе синонимов» [6, с. 27]. Лексическая синонимия органично связывается с оппозицией: словарь общенародного литературного языка – идиолексикон творческой личности – лексикон типичного носителя языка [7, с. 3], что естественным образом проецируется на текст.

Мысль о том, что при обращении к синонимам определяющим становится выявление различий между ними, высказывалась очень давно. В «Примечаниях на критику „Опыта российского сословника“» в 1784 г. Д. И. Фонвизин писал: «Если станем рассматривать, в чем состоит сходство синонимов, то найдем, что одно слово не объемлет никогда всего пространства и всей силы знаменования другого слова и что все сходство между ними состоит только в главной идее. Неужели многословие составляет изобилие языка? И какое было бы его дурацкое богатство, если б десять или больше слов изображали в нем одну только идею?». Через десять лет в статье «Что нужно автору?» Н. М. Карамзин также подчеркивал значимость различий между сходными словами: «В языке, обогащённом умными авторами, в языке выработанном не может быть синонимов; всегда имеют они между собою некоторое тонкое различие, известное тем писателям, которые владеют духом языка, сами размышляют, сами чувствуют, а не попугаями других бывают».

Два века спустя эта идея о том, что для выражения нетавтологических мыслей требуется актуализация различий синонимов, стала доминирующей в исследованиях по синонимии [8]. «Презумпция различий» особенно заметна при намеренном соположении синонимов, создающем эффект усиления, интенсификации, уточнения и детализации [9, с. 114–118]. М. В. Ляпон метафорически выразительно связывает синонимию с речевым выражением интравертного типа личности, с «рефлексирующим я» говорящего, со свойственным ему «блужданием вокруг денотата» [10, с. 263–264]. Приведем в качестве примера два фрагмента из современных художественных текстов, выделив в них подвергаемые языковой рефлексии семантически близкие лексические единицы.

1. По поводу «*улыбаться*» Петька редко употреблял это слово. Чаще он говорил «*скалиться*», «*лыбиться*», «*щериться*» или вообще

молчал. Он думал – а чего говорить? И так все понятно. *Улыбайся* не *улыбайся* – лишнего пожрать все равно не дадут. Бабка Дарья, так наоборот, еще поварешкой засветит по кумполу. Ей лишний раз *улыбнешься* – она сразу скумекает, что у тебя на уме. Поэтому Петька чаще обходился серьезной рожей. Так было безопасней. Да и взрослые вокруг не особенно *улыбались*. Хотя вроде бы сами себе раздавали жратву (А. Геласимов. «Степные боги»).

2. *Гомон, гам, гвалт* – далеко не синонимы, как не синонимы, например, *табуретка, стул* и *кресло*. Конечно, повсюду, где люди собираются во множестве – собираются случайно или движимые общей надобностью, – всюду, за исключением погостов и кладбищ, воздух наполняется их голосами и дрожит. Но как отдельный человеческий *голос* способен *звучать* в широком диапазоне, так и их совокупность может *роптать, галдеть, реветь* на самые разные лады. Людская толпа – сообщество нервное, оттого и слова, обозначающие ее *шум*, все какие-то тревожные: чего ждать от толпы, когда вслед за глотками единый спинной мозг пустит в ход бесчисленные руки и ноги? В этих словах таится вековой страх человека перед себе подобными (О. Зайончковский. «Петрович»).

В современных исследованиях постоянно подчеркивается главное текстовое предназначение синонимов, связанное с языковой рефлексией, выявлением особых смыслов у денотативно сближенных лексических единиц. Синонимы рассматриваются как специальный лексический интерпретационный инструмент, обеспечивающий гибкость речевого поведения и позволяющий фокусировать внимание на очень существенных для процессов порождения и восприятия речи отношениях тождества и различия.

Значимое для организации текста соотношение языковой (словарной, системной) и речевой (контекстной, ситуативной, текстовой) синонимии относится к числу активно дискутируемых в лингвистике. Первая на синхронном срезе характеризуется достаточной определенностью границ, вторая в конкретном текстовом воплощении оказывается аморфной, допускающей широкий диапазон авторских сближений. Соотношение системной и текстовой синонимии воплощает раз-

ные возможности лексического варьирования, нюансировки смыслового содержания. Б. А. Ларин писал (имея в виду прежде всего поэтический текст) о том, что «точные синонимы в лирике имеют малое применение, так как дают обратный эффект – бледности и надоедливости выражения, а потому именно семантическая параллель – неточный синоним – и является тем видом синонима, который нужен и обычен в поэзии» [11, с. 64].

При обращении к лексико-семантической организации текста значимой оказывается межчастеречная синонимия. Еще Ш. Балли писал, что «благодаря межкатегорийным заменам мысль освобождается, и выражение обогащается и получает различные оттенки» [12, с. 143]. Межчастеречная синонимия обнаруживается в совместном использовании в тексте однокоренных слов-синонимов разных частей речи. Показательно, например, небольшое стихотворение И. Северянина «Осенняя палитра»:

*Вид поля печальный и голый,
Вид леса уныло нагой.
На крыше одной – белый голубь,
И карий – на крыше другой.
И море, – и то как-то наго
У гор оголенных грустит.
И суша, и воздух, и влага –
Всё грусть и унынье таит.*

Хотя вынесенное в название стихотворения слово *палитра* предполагает актуализацию лексических единиц поля цвета, однако не они (*белый* и *карий* голуби) определяют лексико-семантическую организацию текста. Ключевое слово *осенний* наполняется эксплицированными в самом стихотворении текстовыми смыслами: основным («печальный, исполненный грусти») и дополнительным («увядший, сбросивший листву»). «Осенняя палитра», с одной стороны, определяется внешними характеристиками, заданными межчастеречными синонимами *голый*, *нагой*, *наго*, *оголенный*, а с другой – межчастеречными синонимами, входящими в поле эмоций: *печальный*, *уныло*, *грустить*,

грусть, унынье. Таким образом семантическая глубина текстового пространства достигается эксплуатацией системных связей не только отдельных слов, но и синонимических парадигм в целом.

Выделяя в качестве важнейшего условия лирического впечатления «смысловое эхо», или семантическую осложненность, Б. А. Ларин считал одним из главных средств его достижения «плеонастическое сочетание сходнозначных выражений»: «Последовательное накопление синонимичных фраз концентрирует внимание у одного стержня мысли, возбуждает слушателя (читателя) – испытать воображительные возможности данной темы и вызывает интеллектуальную эмоцию – узнавания непредвиденного подобия смысла в разнородных оборотах речи» [11, с. 63].

Поэтический контекст позволяет выявить такие семантические признаки слова, которые традиционно не фиксируются словарями. Приведа строку из стихотворения И. Бродского «Мексиканский дивертисмент»: «Ты страницу мараешь ради мелкого чуда и при этом зриаешь на себя ниоткуда», Л. О. Чернейко отмечает, что стилистически маркированный книжный глагол *взирать* не равен синонимичному глаголу *смотреть*. «Если „смотреть“ обозначает направление взгляда и безразличен к обозначению положения наблюдателя относительно наблюдаемого, то „взирать“ включает оба элемента. Взирать можно только с большого расстояния: физического или социального» [13, с. 65].

В организации поэтического текста нередко наблюдается переплетение нескольких семантико-ассоциативных полей, в пределах которых немалое место принадлежит текстовым синонимам. Такова, например, лексическая организация стихотворения К. Бальмонта «Безглагольность»:

*Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.
Приди на рассвете на склон косогора, –
Над зябкой рекою дымится прохлада,*

*Чернеет громада застывшего бора,
И сердцу так больно, и сердце не радо.
Недвижный камыш. Не трепещет осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убегают далеко-далеко.
Во всем утомленье, глухое, немое.
Войди на закате, как в свежие волны,
В прохладную глушь деревенского сада, –
Деревья так сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу так грустно, и сердце не радо.
Как будто душа о желанном просила,
И сделали ей незаслуженно больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачет, и плачет, и плачет невольно.*

В тексте наблюдается сложное, амбивалентное пересечение нескольких семантических парадигм. Ведущая связана с названием стихотворения и включает слова *безглагольность*, *безгласность*, *безмолвная*, *глухое*, *немое*, *безмолвны*, *глушь*. Семантический компонент ‘отсутствие звука’ органически сочетается с семьей ‘отсутствие движения’, объединяющей слова *недвижный*, *не трепещет*, *покой*, *тишь*, *застыло*, *утомленье*, *усталый*. Семантика неподвижности поддерживается семьей ‘холод’, присутствующей в значениях слов *холодный*, *прохлада*, *прохладный*, *зябкий*, *застывший*. Выделенные текстовые парадигмы с отношениями тесной семантической близости в их пределах создают мотивационный фон для семантически наиболее значимых лексем, относящихся к полю эмоций: *боль*, *печаль*, *безвыходность* *горя*, *больно*, *не радо*, *грустно*, *больно*, *плачет*. Семантическая целостность текста обеспечивается пересечением парадигм близкочисленных слов (синонимов в том числе), однако эстетический эффект определяется многомерностью каждого слова, его «смысловым эхом». «Введение речевых вариаций одного смысла в композиционном единстве лирической пьесы можно сравнить со спектральным анализом белого луча, обнаруживающего такие элементы в его составе, о которых иначе нельзя было бы и подозревать» [11, с. 65].

В заключение еще раз подчеркнем, что актуализация в пространстве художественного текста семантически близких слов связана с сетевым способом организации мышления. Синонимы, фокусируя внимание на очень существенных для процессов порождения и восприятия речи отношениях тождества и различия, формируют смысловые вехи текста, позволяют расставить значимые для создателя текста акценты, пробуждают языковую рефлексию читателя. Показателен в этом отношении небольшой фрагмент текста Ф. Искандера: «*Ум и мудрость. Ум* – это когда мы самым лучшим образом разрешаем ту или иную жизненную задачу. *Мудрость* обязательность сопрягает разрешение данной жизненной задачи с другими жизненными задачами, находящимися с этой задачей в обозримой связи. Поэтому *мудрость* часто пренебрегает самым лучшим решением данной задачи ради чувства справедливости по отношению к другим задачам. *Умное* решение может быть и безнравственным. *Мудрое* – не может быть безнравственным. *Ум* – разит. *Мудрость* – утоляет. *Мудрость* – это ум, настоящий на совести. Такой коктейль многим не только не по плечу, но и не по нутру» (Ф. Искандер. «Стоянка человека»).

Литература

1. Болотнова, Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте: комплексный анализ единиц лексического уровня : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. С. Болотнова. – Санкт-Петербург, 1992. – 40 с.
2. Степанова, В. В. Слово в тексте : Из лекций по функциональной лексикологии / В. В. Степанова. – Санкт-Петербург : САГА, 2006. – 272 с.
3. Лосев, А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев. – Москва : Изд-во МГУ, 1990. – 269 с.
4. Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – Москва : Наука, 1986. – 159 с.
5. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика : Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – Москва : Наука, 1974. – 386 с.
6. Толстой, Н. И. История и структура славянских литературных языков / Н. И. Толстой. – Москва : Наука, 1988. – 239 с.
7. Чулкина, Н. Л. Модель лексикона носителя русского языка как способ представления лексической системы : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Л. Чулкина. – Москва, 1987. – 14 с.

8. Черняк, В. Д. Лексикология. Синонимы в русском языке : учебное пособие для академического бакалавриата. 2-е изд., испр. и доп. / В. Д. Черняк. – Москва : Юрайт, 2016. – 130 с.

9. Полторацкий, А. И. Соотнесение лексических синонимов в англоязычной художественной речи / А. И. Полторацкий // Тожество и подобие : сравнение и идентификация. – Москва : Наука, 1990. – С. 112–125.

10. Ляпон, М. В. Языковая личность : поиск доминанты / М. В. Ляпон // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – Москва : Наука, 1995. – С. 260–276.

11. Ларин, Б. А. О лирике как разновидности художественной речи / Б. А. Ларин // Русская речь : Новая серия 1. – Ленинград : Государственный институт истории искусств, 1927. – С. 42–73.

12. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – Москва : Изд-во иностранной литературы, 1961. – 363 с.

13. Чернейко, Л. О. Способы представления пространства и времени в художественном тексте / Л. О. Чернейко // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1994. – № 2. – С. 58–70.

УДК 81-139
ГРНТИ 16.01.11

СМЫСЛОВОЙ ПОВТОР КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ

SEMANTIC REPEATS AS A UNIVERSAL MECHANISM OF TEXT FORMATION

В. А. Данилевская

*Государственный университет морского и речного флота имени адмирала
С. О. Макарова, Санкт-Петербург, Россия*

Ключевые слова: развернутый вариативный повтор (РВП), процесс развертывания текста, механизм текстообразования, универсальный характер РВП

Keywords: extended variative recurrences (EVR), text development process, mechanism of text formation, universal nature of EVR

Аннотация. Рассматривается вопрос роли развернутых вариативных повторов (РВП) в научном тексте. Под РВП понимаются речевые единицы, с помощью которых в научном произведении повторяются содержательно и

концептуально значимые, с точки зрения автора речи, мысли, идеи, те или иные суждения. Анализ русских и английских научных текстов в аспекте динамики их текстообразования позволяет утверждать, что РВП является универсальным механизмом, посредством которого осуществляется постепенное развертывание научной идеи автора в завершённый текст. Универсальность РВП рассматривается с точки зрения типологии формирования и выражения нового знания в научной коммуникации вообще, а не только в русском академическом дискурсе.

Annotation. The article deals with the role of extended variative repeats (EVR) in a scientific text. By expanded variative repeats we mean the speech units with the help of which the thoughts, ideas, judgments significant within content and concept of the scientific work from the point of view of the author of the speech are being repeated. The analysis of Russian and English scientific texts in the aspect of the dynamics of their formation allows to suggest that EVR are a universal mechanism, through which the gradual unfolding of the author's scientific idea into a completed text is carried out. The universality of EVR is considered from the point of view of the typology of forming and expressing new knowledge in scientific communication in general, not only in the Russian academic discourse.

В начале 1980-х гг. известный лингвист Маргарита Николаевна Кожина сформулировала и обосновала идею о принципиальной диалогичности письменной научной речи [1]. В концепции М. Н. Кожиной применительно к языку науки получили свое логическое развитие идеи В. В. Виноградова о роли авторского начала (*образ автора*) [2] и М. М. Бахтина о взаимодействии коммуникантов в процессе развертывания содержания текста (*диалог сознаний, текст в тексте*) [3].

Специальное внимание М. Н. Кожиной к закономерностям процесса образования научного текста позволило ученому доказать, что диалогичность – не только форма существования языка в речи [1, с. 11], но в научной коммуникации это способ поиска, формирования и формулирования нового научного знания, ибо через воплощенный в научном тексте диалог сознаний происходит постепенное и поэтапное движение автора и читателя от *не-знания* к *знанию*, обоснованному и доказанному [1]. Диалогичность в науке «помогает лучше понять истину и проверить ход решения проблемы, в конечном счете – убедительнее доказать ее другим. Диалогичность состоит в установке на коммуникацию в познавательно-речевой ситуации» [4, с. 47]. Иначе говоря, *новое*

научное знание рождается и оттачивается (доказывается) в процессе двуслойного диалога, в котором «совмещаются диалог эгоцентрический и собственно открыто коммуникативный, предполагающий взаимодействие и общение с другим лицом» [4, с. 47]. Ср. в связи с этим мнение М. М. Бахтина о том, что в любом тексте можно выявить параметры взаимодействия субъекта речи и ее адресата, поскольку любой текст монологичен только по форме, а «его (текста. – В. Д.) подлинная сущность всегда разыгрывается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [3, с. 303].

Предложенная М. Н. Кожинной концепция диалогичности письменной научной речи впоследствии разрабатывалась учениками профессора [5; 6], благодаря чему был выявлен широкий арсенал языковых и речевых единиц воплощения в речевой ткани когнитивных процессов познавательной деятельности. В качестве одной из таких единиц рассматривался, в частности, развернутый вариативный повтор [7].

Развернутый вариативный повтор (РВП) – это единица (фрагмент) текста, повторяющая высказанное ранее в этом же тексте положение, воспроизводящая – чаще всего с перефразировкой – то или иное утверждение из левого контекста, т. е. то, что уже было сказано ранее, но оказалось вновь необходимым на данном этапе рассуждения; в силу своей перифрастической природы такие единицы всегда включают в свой состав «частицу» нового знания, т. е. некоторое развитие темы (содержания) произведения.

РВП – это единицы смысловые, с их помощью в научном тексте воспроизводятся концептуально важные компоненты содержания целого произведения. Развернутые вариативные повторы функционируют только в речи, в «живой» ткани текста и выполняют в нем организующую (текстообразующую) задачу. Кроме того, они концептуально маркированы, потому что в целом тексте повторяются только те смыслы, которые – с точки зрения автора – являются значимыми для выражения основной научной идеи (концепции).

Связанность смысловых повторов (РВП) с научной концепцией, которую ученый стремится вербализовать в тексте, свидетельствует

об их персуазивной функции. В самом деле, многочисленное воспроизведение в рамках изложения определенных высказываний воздействует на сознание читателя/слушателя по принципу «капля камень точит», формирует в сознании адресата именно то понимание содержания, которое соответствует авторскому замыслу.

Итак, в отличие от традиционно понимаемых повторов, РВП – это единицы, прежде всего **смысловые**, предназначенные для воспроизведения концептуально важных компонентов содержания целого произведения. Другим отличием РВП от традиционных повторов является их речевая (текстовая) природа: они формируются и существуют только в конкретном тексте и выполняют в нем текстообразующую функцию. Кроме того, они несут на себе нагрузку основного смысла целого произведения и выражают именно **новое знание**. Потому в научном изложении и происходит повторение тех или иных важных, с точки зрения автора, мыслей, что они способствуют преодолению в сознании читателя психологического «барьера новизны» при восприятии неизвестного знания. Тем самым РВП принимают непосредственное участие в уплотнении текстовой информации.

Важным своеобразием РВП является и развернутый характер их содержания, при этом содержательная «развернутость» достигается «впяянностью» частицы нового в контекстуально известное (воспроизводимое) знание.

Приведем пример, выделив общие лексемы для впервые выраженной в тексте мысли (т. е. для основного высказывания – ОВ) и для ее повторения (т. е. РВП):

ОВ – «*Формулы (1) и (2) выписаны для длинноволновых адиабатических возмущений: $\hbar \ll a$, т. е. для длин волн много **больше** „оптического горизонта“ на данный момент... Согласно нашей гипотезе, на начальный момент $t_0 \approx 10^{-43}$ с порядок величин $|\hbar\beta|$ для всех мод всех трех типов должен быть одинаков*» (Зельдович, с. 10).

РВП – «*Как уже отмечалось выше, рассматриваются **возмущения** типа гравитационных волн на момент $t_0 \approx 10^{-43}$ с в масштабах **больше оптического горизонта***» (Зельдович, с. 11) и др.

Тексто- и смыслообразующая роль РВП применительно к *русскому* научному тексту была подробно изучена Н. В. Данилевской и рассматривалась именно как механизм текстообразования в научной деятельности [7]. Однако наблюдения над закономерностями развертывания научного текста в *английской* академической коммуникации позволяют утверждать, что посредством и с помощью смысловых повторений осуществляется развертывание нового научного знания и в англоязычном тексте, а значит, развернутые вариативные повторы носят **универсальный характер** в том смысле, что «отвечают» за процесс образования научного текста в разных языках – русском и английском. Иными словами, РВП – это единицы межкультурной (= интеркультурной) определенности.

Рассмотрим несколько английских контекстов, демонстрирующих справедливость наших утверждений.

Статья авторов Хизер Макферсон и Ребекки Пирс «Меняющийся образовательный ландшафт: практика учителей естественных наук во время пандемии COVID-19 через призму теории деятельности» направлена на анализ сложностей и противоречий, возникших в практической деятельности школьных учителей естественных наук во время пандемии COVID-19, а также на выявление особенностей изменений эпистемических убеждений учителей по отношению к своей профессиональной деятельности. Предлагаем рассмотреть в этом материале две основные мысли (или ОВ), которые авторы развивают на протяжении всего текста своей работы. При этом развитие основной мысли происходит постепенно, по мере «приращения» нового знания, для чего часто требуется не один развернутый повтор. В связи с ограниченностью объема нашей статьи дадим лишь некоторые, наиболее яркие примеры РВП для каждой из таких ключевых мыслей. (Приводимые далее примеры из текстов англоязычных статей даются в переводе, выполненном автором. – В. Д.).

1. Возможности использования культурно-исторической теории деятельности для понимания взаимосвязей событий, происходивших в период пандемии COVID-19 в сфере образования, действий учителей и результатов этих действий, в том числе для всей системы образования в школах.

ОВ 1: Мы покажем, как мы использовали культурно-историческую теорию деятельности для изучения эпистемологических убеждений учителей, которые были поставлены под сомнение во время пандемии, и исследуем, как они разрешали противоречия профессиональной деятельности, созданные несоответствием прошлой и текущей профессиональной практики.

РВП 1: Мы использовали культурно-историческую теорию деятельности (Engeström, 1987; 2001; 2016) в качестве призмы для концептуализации того, как отдельные учителя и сообщество учителей взаимодействовали и реагировали на преподавание во время пандемии COVID-19.

РВП 2: Как призма, культурно-историческая теория деятельности признает, что правила практики влияют на индивидуальную и коллективную деятельность, формируя распределение работы внутри сообщества.

Как видно, акцент на использовании теории деятельности как «призмы» исследования является концептуально важным для авторов, так как повторяется ими несколько раз на протяжении работы. Развитие ОВ происходит в соответствии с положениями культурно-исторической теории деятельности, провозглашающей то, что правила практики влияют на индивидуальную и коллективную деятельность; именно это и подтверждается практическим исследованием, приведенным в статье.

2. Понятие противоречий и развития связаны в тексте статьи причинно-следственными связями. Пандемия COVID-19 создала конфликтную ситуацию в практической деятельности учителей, что стало «толчком» к развитию и преобразованиям. См.: «становится катализатором изменений», «продуктивная возможность для профессионального развития», «расширить... практику», чтобы «преодолеть напряженность и конфликты».

ОВ: Engeström (1987; 2001) предполагает, что обучение происходит, когда люди занимаются деятельностью, характеризующейся напряжением и стрессом, что создает разрыв между прошлой и текущей практикой. Процесс формирования смысла, связывающий

прошлую практику с новой реальностью, становится катализатором изменений.

РВП 1: Изучая «*деятельность учителей, приобретающих новые знания в... противоречивых, конфликтных пространствах*» (Zeichner et al., 2015, p. 125), можно рассматривать пространство, характеризующееся **стрессом и потрясениями**, как **продуктивную возможность для профессионального развития**.

РВП 2: По мере того как люди вовлекаются в процесс обучения, они пытаются противостоять основным **противоречиям** своей системы деятельности. Например, в данном исследовании от учителей, столкнувшихся с глобальной пандемией, ожидалось, что они примут новые способы проведения уроков. Однако во многих случаях таких способов преподавания еще не существовало. Следовательно, у учителей не было другого выбора, кроме как **расширить свою практику, включив в нее новые педагогические приемы**, позволяющие преодолеть напряженность и конфликты...

Как видно, в основном высказывании авторы говорят о напряжении и стрессе как условиях, приводящих к изменениям (обучению). Для того чтобы проиллюстрировать такое диалектическое противоречие, авторы обращаются к общему выводу из практической части статьи: вследствие совершенно новых обстоятельств (пандемия COVID-19) у учителей не было готовых решений для противостояния появившимся противоречиям. Как результат, появились «новые педагогические приемы, позволяющие преодолеть напряженность и конфликты». Последнее, показывающее важный практический результат реализации диалектического противоречия из ОВ, является в РВП новым знанием.

Представляется, что проведенный анализ подтверждает наш тезис об универсальном, интеркультурном характере вариативных повторов, которые целесообразно рассматривать в качестве механизма развертывания научного текста не только в русском научном дискурсе, но и в английском. Наличие вариативных повторов в английских научных текстах свидетельствует о том, что повтор концептуально значимых смыслов – это отражение в текстовой ткани общечеловеческих особенностей научного мышления: новое знание формируется и

оттачивается посредством постоянного возвращения автора речи к ранее выраженному, что помогает говорящему сконцентрировать свое понимание предмета речи и, одновременно понимание этого предмета реципиентом на самом главном, важном, значимом, дабы сделать процесс коммуникации обоюдно понятным и исчерпывающим в идейно-содержательном отношении.

Литература

1. Кожина, М. Н. О диалогичности письменной научной речи / М. Н. Кожина. – Пермь : Изд-во Пермского университета, 1986. – 91 с.
2. Виноградов, В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – Москва : Высшая школа, 1971. – 239 с.
3. Бахтин, М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 332 с.
4. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – 695 с.
5. Красавцева, Н. А. Выражение диалогичности в письменной научной речи (на материале английского языка) : дис. ...канд. филол. наук / Н. А. Красавцева. – Пермь, 1987. – 212 с.
6. Дускаева, Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Л. Р. Дускаева. – Пермь : Изд-во Пермского университета, 2004. – 276 с.
7. Данилевская, Н. В. Вариативные повторы как средство развертывания научного текста / Н. В. Данилевская. – Пермь : Изд-во Пермского университета, 1992. – 145 с.

Список исследованных текстов

1. Зельдович, Я. Б. Физические основы строения и эволюции звезд / Я. Б. Зельдович, С. И. Блинников, Н. И. Шакура. – Москва : Наука, 1981. – 159 с.
2. McPherson, H. The shifting educational landscape: science teachers' practice during the COVID-19 pandemic through an activity theory lens / H. McPherson, R. Pearce // *Disciplinary and Interdisciplinary Science Education Research*. – 2022. – Vol. 4, № 1. – P. 1–13. – URL: <https://diser.springeropen.com/articles/10.1186/s43031-022-00061-2> (date of access: 07.01.2023).

Приложение

Поздравления юбиляру

Уважаемая Нина Сергеевна!

От имени коллектива

*Шомского государственного педагогического университета
и от себя лично поздравляю Вас с юбилеем!*

*Желаю Вам крепкого здоровья, неиссякаемого заряда энергии,
поддержки коллег и близких людей в достижении намеченных
профессиональных и жизненных целей.*

*Пусть Ваши победы станут как наградой за приложенные к ним
труд, знания и опыт, так и успехом*

Шомского государственного педагогического университета!

Ректор ШПГУ



А.Н. Макаренко





*Заведующей кафедрой
русского языка,
члену-корреспонденту
Академии гуманитарных наук,
доктору филологических наук,
профессору
Н. С. Болотниковой*

Глубокоуважаемая Нина Сергеевна!

*Поздравляю Вас с юбилеем!
Желаю счастья, здоровья, процветания,
дальнейших творческих успехов.
Мирного неба над головой, удачи во всех начинаниях!*

Пусть всё у Вас будет хорошо!

*С самыми наилучшими пожеланиями,
доктор физ.-мат. наук, профессор
директор ИЭИФ ИГЛУ*

В. В. Обухов



* * *

Дорогая Нина Сергеевна!

Дорогой, очень близкий мне человек!

Позвольте поздравить Вас с Днём рождения, и пусть всегда будет солнечно на душе, благополучно в семье, радостно в творчестве.

Счастья и здоровья, успехов и радостей в жизни. «За что ещё Вы любите жизнь? – За то, что она Жизнь!» (В. Детков).

Праздничного настроения и вдохновения на новые творческие труды.

С любовью и нежностью к Вам, дорогая Нина Сергеевна,

*Ваша Алевтина Дмитриевна Дейкина,
доктор педагогических наук, профессор МПГУ*

Многоуважаемые томские коллеги!

Примите самые искренние поздравления и наилучшие пожелания Вашей научной школе, возглавленной и вдохновленной многоуважаемой Ниной Сергеевной Болотновой!

Дорогая Нина Сергеевна! С юбилеем! Прекрасный повод напомнить Вам, что филологический мир ждет от Вас новых работ, таких нужных и важных, помогающих сориентироваться в хаосе современных научных теорий, методологий, интерпретационных практик. Представить все, созданное Вами, у меня просто не хватает воображения! То, что было зафиксировано в «Библиографическом указателе» к прошлому юбилею, – это целая библиотека книг, статей, коллективных сборников с Вашим участием, диссертаций, написанных под Вашим руководством. А новое десятилетие ведь получилось еще более плодотворным! Фундаментальные труды по коммуникативной стилистике текста и когнитивной лингвистике пополнились работами по медиалингвистике, новыми объемными словарями терминов и понятий, новыми детальными разработками для всех уровней обучения в гуманитарных заведениях. И это, как всегда, не просто накопление материала по интересующим проблемам, а четко выстроенная цепочка пошагового освоения сложного материала для определенного уровня в процессе профессионального совершенствования.

Когда пытаешься понять, как Вам удалось создать такое монолитное научное направление, то приходишь к выводу: обрисовав текстовое пространство профессиональных компетенций, Вы расставили «ловушки» интереса для коллег, четко сформулировав статус текстовой компетенции. И, если учесть, что в науке определений текста много (считается, что около 500), четкая постановка проблемы и обоснованное понятие («К вопросу о понятии. Когнитивный стиль языковой личности») отозвались в работах коллег («Отражение интеллектуального субстиля публичной языковой личности в дискурсе» – Болотнов А. В.; «Исследование идиостиля информационно-медийной языковой личности» – Баженова Е. А.). И так – на каждом шагу.

Научный диалог с Вами ценю беспредельно: Вы – чуткий, доброжелательный, креативный «Другой», с которым всегда хочется поделиться своими мыслями!

С юбилеем, милая Нина Сергеевна! Здоровья, счастья, новых творческих успехов!

Доктор филологических наук, профессор факультета журналистики МГУ, заслуженный профессор университета Комплутенсе (Испания) Л. Г. Кайда

* * *

Дорогая Нина Сергеевна! Поздравляю Вас с юбилеем!

Я очень рада, что в моей жизни есть такой Учитель, как Вы. Учусь у Вас многому – отношению к работе, ответственности, терпению, мудрости, вниманию, такту.

Вы очень добрый, чуткий, заботливый человек, замечательный научный руководитель, известный учёный!

Вы создали научную школу, получившую признание в научном сообществе. И благодаря Вам у меня есть замечательные друзья по научной школе, мои коллеги, ставшие близкими мне и по профессии, и по духу.

Я желаю Вам, конечно же, того, что важно всегда – хорошего здоровья, счастья, радости, способных учеников, возможности продолжать творческую научную деятельность! Желаю Вам удовлетворения от того, что Вы делаете, от общения с коллегами и учениками. С днём рождения, дорогая Нина Сергеевна!

С глубоким уважением, тёплыми чувствами и любовью –

*Ваша С. М. Карпенко,
кандидат филологических наук, доцент (ТГПУ)*

ДОРОГАЯ НИНА СЕРГЕЕВНА!

От всего сердца поздравляю Вас с ЮБИЛЕЕМ! Желаю ТЕПЛА в доме, УВЕРЕННОСТИ в душе и много-много СИЛ для РАДОСТИ в долгой РАБОТЕ!!

Пусть рядом с Вами будут всегда ДРУЗЬЯ и УЧЕНИКИ, заразившиеся Вашим вдохновением и любовью к стилистике!

С искренним и глубоким уважением,

*Ваша Ирина Павловна Лысакова, доктор филологических наук,
профессор РГПУ им. А. И. Герцена*

* * *

Дорогая, дорогая, несравненная, лучшая Нина Сергеевна, здравствуйте!

Поздравляю Вас с юбилеем, в который не верится, потому что абсолютно не соотносится эта прекрасная юбилейная цифра с Вами! Простите, что я Вас весной, 3 апреля, поздравляла и, помнится, не единожды, и Вы меня не поправляли деликатно! Видимо, соврали мне просторы Интернета или какого-либо справочника.

Всегда ассоциировала Вас с весной! Но мне очень приятно, что мы с Вами родились рядышком, в декабре! Я очень благодарна, что Вы ко мне тепло относитесь, благодарна, что Вы присутствуете в моей жизни и являетесь собой пример красоты во всем, верности себе, своим жизненным принципам, стремлению к идеальному. А ведь когда стремишься к идеальному, то шансы приблизиться к нему увеличиваются многократно. Будьте, пожалуйста, здоровы!

Пусть будет поменьше неприятностей в жизни! Желаю легкого, дорогая Нина Сергеевна, достижения целей и исполнения желаний! Всего Вам самого-самого-самого!

С уважением, благодарностью,

*Елена Александровна Оглезнева, доктор филологических наук,
директор Института международных связей и интернационализации
образования, Томский государственный
архитектурно-строительный университет*

Нина Сергеевна, здравствуйте! Поздравляю Вас с юбилеем!

В течение многих лет Вы являетесь ведущим ученым ТГПУ, одним из немногих ученых университета и Томска, широко известным не только в Томске, но и в стране, и за рубежом.

Благодаря таким ученым, как Вы, наш университет остается ведущим вузом, несмотря на все проблемы.

Ваши достижения – это и Ваш успех, и успех университета!

Желаю Вам здоровья, благополучия, дальнейших успехов!

*Доктор физико-математических наук,
профессор К. Е. Осетрин (ТГПУ)*

* * *

Дорогая, милая Нина Сергеевна! Примите мои самые искренние поздравления с юбилеем! 70 лет – это богатство, годы опыта и знаний, которые возвели Вас на высокий научный пьедестал. Вы создатель известной научной лингвистической школы. Ваше заинтересованное отношение к судьбам людей позволило многим стать кандидатами и докторами наук. Вами издано множество книг и статей. Восхищаюсь широтой Вашего научного диапазона, гармоничным сочетанием скромности и достоинства, тактичности, умением неординарно мыслить.

От всего сердца желаю Вам и Вашей семье крепкого здоровья, долгих, счастливых лет жизни, неиссякаемого оптимизма, радостного настроения, уважения, искренней любви и новых научных открытий! Пусть вокруг Вас будет мир, в котором царит любовь, свет и добро.

*Сердечно Ваша, Лия Александровна Ходякова,
доктор педагогических наук, профессор МГПУ*

Милая, дорогая Нина Сергеевна! Самые-самые тёплые поздравления в этот особенный зимний день!!! Вы так много успели, так полно проявили свои неординарные способности, что сегодня можете воспринимать все сказанные в Ваш адрес слова без скидок на преувеличения. Уверена, что многое еще впереди, и мы будем этому вместе радоваться. Будьте здоровы, дорогая Нина Сергеевна! И хороших Вам праздничных дней. Алёше тоже поздравления с замечательной мамой!

*Всегда Ваша Валентина Даниловна Черняк,
доктор филологических наук, профессор РГПУ им. А. И. Герцена*

* * *

Дорогая Нина Сергеевна!
Сердечно поздравляю Вас с юбилеем!

Пусть кафедральный корабль под Вашим талантливым и чутким руководством уверенно несется в прекрасное будущее! Вам желаю еще больше успехов, вдохновения, творческих свершений, радостных встреч, путешествий – и всего, что приносит Вам счастье! Будьте здоровы!!!

С глубоким уважением и искренней симпатией

Доктор филологических наук, профессор ТПУ О. Г. Щитова

* * *

Глубокоуважаемая Нина Сергеевна!

Вы являетесь известным филологом и авторитетным педагогом, глубоким специалистом в области коммуникативно-когнитивных механизмов текстовой деятельности, специфики текстов и дискурсов разных типов, разработки методологии лингвистического исследования текста, эффективности текстовой деятельности в разных сферах общения, обучения текстовой деятельности в вузе и школе.

Ваш путь в науку является примером для молодых ученых. После окончания с отличием в 1975 г. Томского государственного университета началась Ваша созидательная педагогическая деятельность.

В 1984 году вы защитили кандидатскую диссертацию «Образная перспектива глагольного слова в рассказах Ю. М. Нагибина (на материале семантико-стилистической группы языковых единиц, соотносящихся с речью)», в 1992 г. – докторскую диссертацию «Художественный текст в коммуникативном аспекте: комплексный анализ единиц лексического уровня». Под Вашим руководством защищено более двух десятков работ, в том числе 3 докторские диссертации по специальности «Русский язык», активно формируется Ваша научная школа.

Вы – автор около 400 научных публикаций, в том числе «Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня», «Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте», «Филологический анализ текста». «Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус» и др.

Вы имеете государственные и ведомственные награды: заслуженный работник высшей школы Российской Федерации; член-корреспондент Академии гуманитарных наук; лауреат Всероссийского конкурса «За образцовое владение русским языком в профессиональной речи»; член-корреспондент Сибирского отделения МАН ВШ; почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации и др.

Мы, Ваши друзья и коллеги, высоко ценим Вас не только как замечательного филолога, педагога и ученого, но и как интересного и обаятельного человека.

Дорогая Нина Сергеевна, от всей души желаем Вам здоровья, благополучия, жизненного и творческого долголетия, дальнейших успехов в научно-педагогической деятельности! Будьте счастливы!

С сердечностью и теплотой кафедра методики преподавания русского языка Института филологии МПГУ

*Зав. кафедрой методики преподавания русского языка
Института филологии МПГУ доктор педагогических наук,
профессор Янченко Владислав Дмитриевич*

Содержание

Слово о юбиляре (*И. И. Бабенко, Т.А. Демешкина*) 4

Предисловие (*С. М. Карпенко*) 7

Раздел I. Истоки и перспективы развития научного направления

Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: история и современность 11

Раздел II. Методы и методики реализации коммуникативно-деятельностного подхода к тексту

Салимовский В. А., Девяткин Д. А., Чудова Н. В. Об эвристическом потенциале категории «стилистико-речевая системность» 20

Кузнецова Ю. М., Мишланов В. А. Грамматические модели высказывания с эмотивными и оценочными предикатами в текстах массмедиа (коммуникативно-стилистический аспект) 28

Подрезова И. И. Современные стратегии работы с текстом: проектная деятельность 36

Суркова М. В. Лексикон текстов учебников русского языка как иностранного и его роль в создании облика россиянина 41

Раздел III. Медийный вектор коммуникативной стилистики текста в сфере науки и образования

Болотнов А. В. Медиатренд и его типы 51

Хомченко Ю. А. Особенности заголовочных комплексов в публикациях томских газет начала XXI в. 57

Кошкарлова Н. Н. Лингвопрагматические характеристики фейковых новостей 65

Бородай Е. А. О средствах репрезентации медиакультуры личности в текстовой деятельности 71

Раздел IV. Использование теории регулятивности в научной и образовательной деятельности

Орлова Н. В. Регулятивность текста и компетенции адресата: из опыта преподавания филологического анализа 79

<i>Кабанина О. Л.</i> Влияние реальных событий и исторического контекста на формирование лексических регулятивных универсалий в поэтической картине мира М. И. Цветаевой	87
<i>Федосенко Т. А.</i> Лексическая регулятивность в рекламных текстах о Сибири	94
<i>Бондарев М. В.</i> Лексическая регулятивность как способ репрезентации подтекста в стихах И. Анненского	99
<i>Кириченко В. Н.</i> Об иронии в лирике А. Кушнера в аспекте теории регулятивности	106
<i>Захарчевская Н. В.</i> Лингвостилистический анализ на уроках русского языка в 6-м классе	113

Раздел V. Теория текстовых ассоциаций как база текстообразования и концептуального анализа текста

<i>Курьянович А. В.</i> «О ценностях, которым нет цены...»: к постановке проблемы изучения аксиосферы русского эпистолярного текста	120
<i>Карпенко С. М.</i> Символика круга в лирике Б. Ахмадулиной: ассоциативный аспект	128
<i>Исаева О. В.</i> Содержание концепта «красота» и средства его лексического выражения в лирике Н. Заболоцкого	135
<i>Иванченко С. А.</i> О своеобразии лексической структуры поэтических текстов М. А. Волошина	142

Раздел VI. Теория смыслового развертывания текста и его интерпретация

<i>Котюрова М. П.</i> Эластичность в ряду коммуникативных свойств научного текста	153
<i>Данилевская Н. В.</i> Вариативный повтор и его роль в смысловом развертывании научного текста	161
<i>Черняк В. Д.</i> Лексические синонимы в пространстве художественного текста	169
<i>Данилевская В. А.</i> Смысловой повтор как универсальный механизм текстообразования	177
Приложение	185
<i>Поздравления юбиляру</i>	185

Научное издание

**КОММУНИКАТИВНАЯ
СТИЛИСТИКА ТЕКСТА:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**
(к юбилею доктора филологических наук,
профессора Н. С. Болотновой
и 30-летию научного направления)

**Материалы
Всероссийского научного семинара
(Томск, 20 января 2023 г.)**

Ответственный за выпуск: *Ю. Ю. Афанасьева*
Корректор: *Ю. П. Готфрид*
Технический редактор: *А. И. Лелоюр*

Дата сдачи в печать: 19.03.2023. Дата выхода в свет: 24.03.2023
Усл. печ. л.: 12,2. Уч. изд. л.: 11,3. Заказ № 1248/н
Гарнитура Times.

Издательство Томского государственного педагогического университета
634061, г. Томск, ул. Киевская, 60
тел. 8(3822)311-484
E-mail: izdatel@tspu.edu.ru



Языки культуры
 Языковая ситуация в современном мире
 1-2 марта 2012 г.

Актуальные темы и проблемы культуры современного русского языка
 11 марта 2012 г.

**И. С. БОЛТНОВА
 А. А. ВАСИЛЬОВА**
**КОММУНИКАТИВНАЯ
 ФИЛОЛОГИКА ТЕКСТА:
 ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ
 НАУЧНОГО АНАЛИЗА**

И. С. БОЛТНОВА
**КОММУНИКАТИВНАЯ
 ФИЛОЛОГИКА
 ТЕКСТА**
 Серия: 1047992

**КОММУНИКАТИВНАЯ
 ФИЛОЛОГИКА ТЕКСТА:
 ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ
 НАУЧНОГО АНАЛИЗА**

ТЕКСТ
 Материалы VI Международной научной конференции
 25-27 марта 2010 года

**Русская речевая культура
 и текст**
 Материалы VI Международной научной конференции
 25-27 марта 2010 года
80 летню
 Российской Федерации
 посвящается

**Филологический анализ
 текста**
 И. С. Болтнова

**Коммуникативно-деятельностный
 и тексториентированный
 методы и приемы анализа**
РУССКОГО

Часть III